В. КАВЕРИН

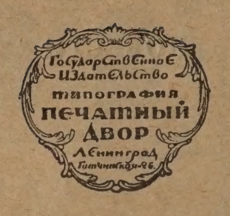
„ЖИЗНЬ ИСКУССТВА“
ЛЕНИНГРАД 1926

В. КАВЕРИН

КОНЕЦ ХАЗЫ

ПОВЕСТИ

„ЖИЗНЬ ИСКУССТВА"
ЛЕНИНГРАД
1926

Ленинградский Гублит № 3029. 12 л. Отп. 7000 экз

Памяти ЛЬВА ЛУНЦА.

КОНЕЦ ХАЗЫ

I.

В дни, когда республика, сжатая гражданской войной, голодом, блокадой, начала, наконец, распрямлять плечи, изменяя на географической карте линию своих очертаний, в Петрограде, который только что остыл от схватки с мятежным Кронштадтом, на Лиговке, единственной улице, до сих пор сохранившей в неприкосновенности свои знаменитые притоны, из дома, принадлежавшего когда-то барону Фредериксу, министру царского двора, где живут, главным образом, учительницы музыки и иностранных языков, те самые, что по праздничным дням носят на груди часики, приколотые золотой булавкой, из антресолей, которыми зовется в этом доме второй этаж, — 12-го сентября, в 9 часов утра, ушла и не вернулась обратно стенографистка Екатерина Ивановна Молотова.

В доме барона Фредерикса много круговых коридоров, и у каждого коридора есть свой представитель.

В пределах своего коридора, коридорный представитель является верховной властью.

За труд, который несет верховная власть, она пользуется, кроме почета, каким-нибудь значительным удобством — отдельным чуланчиком на замке или своим собственным ключом от выходной двери.

Когда извозчик едет на Старо-Невский, то как бы он ни был пьян, колеса его пролетки никогда не вертятся по направлению к Адмиралтейству. Мировой порядок никому не позволит исчезнуть из комнаты, из дома, из улицы, из города, так, чтобы этого никто не заметил.

Поэтому представитель коридора, в котором жила стенографистка Молотова, через четыре дня после того, как она ушла и не вернулась обратно, заявил о странном происшествии управдому. Управдом, которого все в доме называли Лукич, — пропитый до костей человек с сизыми усами, — закурил трубку.

Спустя четверть часа он для чего-то заглянул в домовую книгу, сплюнул, обругал свою хозяйку и, наконец, сообщил об исчезновении стенографистки в милицию.

Еще через два-три дня в дом барона Фредерикса явился квартальный надзиратель, чтобы на месте выяснить все обстоятельства, которые могли служить причиной незаконного события.

Он допросил соседок по комнате Екатерины Молотовой. Одна из них оказалась старушкой, торговавшей всякой рухлядью на Мальцовском рынке и называвшей себя кружевницей.

Она поминутно смеялась в свой сухонький кулачок, была глуховата, носила очки на носу и на голове малиновый чепчик.

Другая была проституткой, по прозвищу «Кораблик».

Из показаний старушки в малиновом чепчике выяснилось:

1. Что Екатерина Молотова жила одна, сильно нуждалась и служила стенографисткой в одном из петроградских государственных учреждений.

2. Что никто ее, стенографистку Молотову, не посещал, кроме какого-то высокого человека в кожаной куртке и в желтых сапогах со шпорами, который был у нее раза два-три за несколько дней до ее исчезновения.

3. Была ли она с этим человеком в каких-либо близких отношениях — неизвестно, но в последнее свое посещение высокий человек со шпорами стенографистку Молотову, прощаясь, поцеловал и передал ей письмо.

Это свидетельница видела собственными глазами и об этом в тот же вечер сообщила даже по секрету своей знакомой Анне Власьевне Лопуховой, учительнице музыки, которая живет в первом этаже, в 17 номере.

4. Бывала ли где-либо Екатерина Молотова и где бывала преимущественно, об этом свидетельница ничего решительного сказать не могла.

Проститутка, по прозвищу «Кораблик», показала, что Молотова имела характер угрюмый и необщительный, что она много курила (по целым дням не выпускала папиросы изо рта), что по ночам она часто бредила (так что «Кораблик» даже просыпалась от крика), но что за всем тем она никого не марьяжила и хоть была хороша лицом, но вела себя как законная ёлдочка и по вечерам никуда не бегала.

Квартальный надзиратель, чувствуя неловкость, придержал шашку, задал еще два-три вопроса, но больше ничего не узнал.

Тогда он решил (и с этим согласились все присутствовавшие), что стенографистка Молотова покончила самоубийством.

Этим решением еще неокрепшего ума молодого квартального надзирателя петроградская милиция закончила розыски пропавшей стенографистки.

Только старушка в малиновом чепчике не была вполне уверена в том, что ее бывшая соседка уже отправилась туда, где ее не сумеет найти никакой уголовный розыск.

Она запамятовала на допросе одно незначительное обстоятельство, которое, может быть, дало бы кое-что в руки квартального надзирателя.

На другой день после исчезновения Екатерины Ивановны Молотовой старушка в малиновом чепчике нашла у дверей ее комнаты письмо. Она нацепила очки на нос и прочла это письмо.

Письмо гласило:

«Многоуважаемая Екатерина Ивановна, Александр Леонтьевич говорил мне, что вы Нуждаетесь в постоянная работа, которая обеспечила бы вашу жизнь максимально. Для дел Нашего союза, имеющих скоро расшириться в Значительной степени, необходима стенографистка. Если вы ничего не имеете против Подобное предложение, то передайте о вашем согласии Александру Леонтьевичу и благоволите в четверг 13-го сего зайти по адресу, который он сообщит вам.

Уважаемый вами С. Качергинский».

II.

Был второй час ночи. Пинета спал, уткнувшись лицом в подушку и по-детски свернувшись в клубочек.

Он чуть слышно посапывал и спал спокойно, хотя уже неделю ничего не ел, кроме хлеба который уже

не рассыпался на ладони от неудачной примеси и международной блокады.

Этот хлеб он получил от булочника на Петроградской стороне за то, что нарисовал ему вместо вывески большую французскую булку, которая вышла такой пышной, что так и хотелось ткнуть ее пальцем.

Последнее время он только тем и зарабатывал, что рисовал вывески для мелких лавочников на Петроградской стороне и Васильевском острове. Но с каждым днем заказы таяли.

Республика, вместо того, чтобы помочь Пинете, обложила вывески особым налогом, и французская булка, нарисованная неделю тому назад, была его последней работой. Он съел эту последнюю булку и спал, уткнувшись лицом в подушку и по-детски свернувшись в клубочек.

Ему приснилась отличная рисовая каша с маслом; каша пыхтела и лопалась, и каждая дырочка тотчас же наполнялась прозрачным маслом. Он облизнулся и открыл уже было рот, но в эту самую минуту кто-то открыл дверь его комнаты и зажег спичку.

Спичка вспыхнула и погасла.

Пинета вздохнул во сне, открыл глаза и приподнялся на локте.

— Одну минуту, — сказал человек, открывший дверь.

Новая спичка вспыхнула, осветила снизу небритый подбородок и погасла.

— А, чорт! — сказал человек с небритым подбородком. — Сашка, зажги же одну спичку, не горит!

— В чем дело?

Кроме изодранных брюк, рубахи, которую не на что было сменить, старых полотен и алюминиевого лекала, сохранившегося от того времени, когда Пинета был в институте гражданских инженеров, ему нечего

было терять. Поэтому он нисколько не испугался, зевнул и сел на постели.

Вошедший зажег, наконец, спичку, отыскал электрический выключатель и повернул стерженек: лампочка не загорелась.

— Там лампочки нет, — объяснил Пинета,—да вы скажите толком, что вам нужно?

— Фонарь остался в машине, — сказал с досадой второй человек, тот, которого называли Сашкой; он каждую минуту зажигал новую спичку, и она горела до тех пор, пока не начинала жечь пальцы.

— Сашка, сходи за фонарем, — сказал первый. — Не беспокойтесь, инженер, мы пришли к вам по делу.

— Обыск, — подумал Пинета, — или воры. Вернее обыск.

Он совсем успокоился, еще раз потянулся и сбросил одеяло на пол.

Дверь снова отворилась, и при свете фонаря Пинета, наконец, рассмотрел своих посетителей.

Первый был толстый еврей, небольшого роста. У него были пухлые губы и брезгливый еврейский нос; на голове сидела кожаная фуражка, сплющенная в блин. Такие фуражки носили когда-то в западных губерниях евреи-рыбники. И, в самом деле, от него как будто пахло немного свежей рыбой.

Второй — высокий белокурый человек, с глазами, похожими на оловянные бляхи, был как будто выструган перочинным ножом и притерт, как стеклянная пробка.

Он был одет по-военному, в кителе, на плечах которого остались еще дырочки от погон, с портупеей через плечо, и напоминал гвардейского офицера.

— Вашу старушку мы заперли в комнате, инженер, и только что из уважения к вам не затемнили ее, честное слово, — сказал рыбник.

— Что же вам от меня нужно? — повторил Пинета.

— Нам нужно от вас прямо пустяков, — сказал рыбник, садясь на стул и устраиваясь на нем со всеми удобствами, — но из этих пустяков мы с вами найдем кой-чего интересного.

— Сидеть! — вдруг крикнул он, увидев, что Пинета протянул руку к своим брюкам, висевшим на спинке кровати.

Пинета опустил руку и посмотрел на него с удивлением.

Рыбник вытащил браунинг и, вскинув рукой, отвел предохранитель.

— Да какого чорта вам от меня нужно?—взбесился Пинета. — Вы хотите, чтобы я говорил с вами в подштанниках? Говорите прямо и уберите, пожалуйста, револьвер.

Рыбник сунул револьвер в карман.

— Вот что. Я — Шмерл Турецкий Барабан, — сказал он так, как будто не сомневался в том, что Пинете известно это имя, — а это мой товарищ, Саша Барин.

Высокий посмотрел на Пинету равнодушно.

— Воры, — решил, наконец, Пинета.

— Дело заключается в том, — продолжал человек, назвавший себя Турецким Барабаном, — нам известно, что вы, инженер Пинета, хороший специалист по своему делу. Каждый человек имеет свою специальность; так вот ваша специальность понадобится нам на некоторое время.

— Вам понадобится моя специальность?—переспросил Пинета.—Очень рад! Это любопытно.

— Поэтому складывайте ваш чемодан — только самое необходимое — и едем.

— Это чрезвычайно любопытно! А скажите... вам в каком же роде понадобится моя специальность?

— Барабан, довольно болтовни,—сказал белокурый человек, представленный Пинете, как Саша Барин. — Обо всем вы узнаете на месте, — сурово сказал он, обратившись к Пинете. — Одевайтесь.

— Не тревожьтесь,—добавил Барабан.—Оставь его, Сашка. Спокойствие! Терпение! Вы можете быть совершенно спокойны за вашу судьбу. Вашу хозяйку мы сейчас же выпустим. Напишите бедной старушке пару слов; не нужно заставлять ее искать вас понапрасну. Сашка, дай ему кусочек бумаги!

Барин подошел к столу и, не оборачиваясь к Пинете спиной, вырвал из блок-нота, лежащего на столе, лист клетчатой бумаги.

— Наденьтесь!—сказал Барабан, —мы напишем ей маленькое письмо, вашей старушке.

Пинета натянул брюки, послушно сел к столу и взял в руки карандаш.

— Пишите, — сказал Барабан. — Дорогая моя старушка... Как ее зовут?

— Марья Александровна.

— Тогда лучше так: «Дорогая Марья Александровна! Я уезжаю на шесть-семь дней в провинцию. Не беспокойтесь за мое отсутствие. До свиданья. Ваш Пинета».— Написали?

Пинета повернулся к нему, чуть-чуть улыбаясь.

— Ну, написал.

— Теперь, пожалуйста, укладывайте ваш чемодан и торопитесь, честное слово!

Пинета немного подумал, звонко хлопнул себя по лбу и чему-то рассмеялся.

— Так вот оно в чем дело!

Он вытащил из-под кровати корзину, бросил в нее подушку, одеяло, полфунта махорки, несколько карандашей и алюминиевое лекало, — это было все, что у него осталось.

— Очень любопытно, в самом деле, — сказал он, надевая серую блузу, запачканную краской, — как это вы так ловко догадались о моей специальности?

Барин хмуро посмотрел на него и указал на дверь рукою, вооруженной револьвером.

— Идите.

Они спустились по лестнице и вышли на улицу. Под ногами хрустел осенний лед на подмерзших лужах. Растерянная луна, как поплавок, ныряла в косматых облаках.

За углом стоял автомобиль, и Барабан сказал, прикрывая за собою дверцу:

— Это дело стоит работы. Ого, это дело большого масштаба!

Первое время они ехали молча. С 10-й линии Васильевского Острова автомобиль повернул на Малый проспект и, от фонаря до фонаря помчался к Тучкову мосту.

Барин вертел в руках папироску; Пинета уставился на него.

— Я забыл дома папиросы, — сказал он, заложив ногу на ногу. — Я надеюсь, что в том месте, куда вы меня везете, я найду достаточное количество папирос?

Барин вытащил из кармана золотой портсигар, на котором толпились монограммы, эмалевые слоны, мухи, и молча протянул его Пинете.

Пинета закурил, пощелкал языком и понюхал дым.

— Ничего себе. Я, впрочем, предпочитаю южные табаки.

— Ага, — равнодушно ответил Сашка Барин.

Автомобиль оставил за собой Тучков мост и полетел по проспекту Карла Либкнехта.

Под разбросанным светом луны, которая металась в облаках, не зная куда деваться, вставали рядом

с деревянными домишками, более приличными для уездных городов, пустыри, почерневшая зелень и огромные серые стены домов, каждая с каким-нибудь одним узким окном, которое светилось высоко, под самой крышей.

Барабан приподнялся и задвинул маленькие занавески на окнах. Полоски света, проскользнувшие сквозь щели, пробежали по груди и ногам Пинеты.

Пинете вдруг стало весело. Он осторожно притушил о каблук догоравшую папиросу и сказал, немного приподнявшись, оборотясь к Сашке Барину:

— У меня на голове есть, знаете ли, любопытная шишка.

Автомобиль подпрыгнул, и он на секунду прервал свое неожиданное сообщение.

— То-есть я хочу сказать, что у меня на голове есть шишка, из-за которой я по наследственности страдаю острым любопытством. Например, сейчас мне очень хочется узнать, кто же вы, чорт вас возьми, такие?

Сашка Барин скосил на него глаза и закурил новую папиросу.

— Мы—налетчики,—объяснил он довольно равнодушно.

— Мы—организаторы, — поправил Барабан, — вы ничего не потеряете от знакомства с нами.

Машина повернула куда-то в переулок и стала сильно подбрасывать на ухабах.

— А вот еще вопрос,—сказал Пинета.—На какого дьявола понадобился вам инженер Пинета?

— Завтра мы с вами будем иметь об этом деловой разговор. Вы нам нужны по одному коммерческому делу, по делу большого масштаба.

Больше никто не сказал ни слова; Пинета начинал уже подремывать, забившись в самый угол авто-

мобиля, и рисовая каша с маслом в огромной суповой миске снова начала пыхтеть и лопаться перед ним, как вдруг машина вздрогнула и остановилась перед полуразрушенным домом.

Барин выскочил из автомобиля; Пинета вылез вслед за ним и огляделся.

Они были на пустынной улице, которая почти ничем на улицу не походила; это был, должно быть, самый конец одной из захолустных улиц Петроградской стороны.

Пинета перебрал в уме улицы, выходившие на проспект Карла Либкнехта.

«Мы на Лахтинской — или, скорее всего, мы на Бармалеевой».

Пустырь, перед которым остановилась машина, был когда-то трехъэтажным домом; перед ним был разбит небольшой садик, обнесенный решоткой. Прямо напротив пустыря стояло ободранное деревянное строеньице, походившее на сторожевую будку.

Шагах в двухстах от пустыря приземистыми деревянными домами кончалась улица.

Пинета взглянул на своих спутников: Барабан остался в автомобиле, наставлял своего молчаливого товарища и о чем-то советовался с шоффером. До Пинеты долетело только одно слово, сказанное, видимо, шофферу:

— На гопу!

Автомобиль заворчал, вздрогнул и, сорвавшись с места, полетел обратно.

Сашка Барин подошел к Пинете и положил руку ему на плечо.

— Пройдите в ворота.

Они прошли на двор, покрытый кирпичами и размокшей штукатуркой, превратившейся в кашу из песка и извести, миновали арку и вышли во второй двор.

В глубине двора стоял небольшой флигель с крытым подъездом; двери его были заколочены наглухо, и подъезд засыпан расколовшимся кирпичом.

Они обогнули флигель.

— Вот сюда, — сказал Сашка Барин, указывая рукою на каменную лестницу, которая вела вниз, в подвал.

Пинета послушно спустился по лестнице. В подвале пахло прелой сыростью и было почти темно.

Барин зажег фонарь.

— Идите,—сказал он, подталкивая Пинету рукой,— там лестница.

Они поднялись по винтовой лестнице. Лестница вела во второй этаж, к двери, обитой черной клеенкой.

Барин постучал, и почти в ту же самую минуту из-за двери послышался нетерпеливый голос:

— Кто там?

— Отвори, Маня.

Женщина в пальто, наскоро наброшенном на плечи, отворила им дверь и, придерживая пальто рукой, отступила немного в сторону, чтобы пропустить вошедших.

Они вошли в кухню, довольно чисто прибранную.

— Что нового? — спросила женщина в пальто, поправляя волосы, упавшие ей на глаза.

— Ничего.

— Что же, Барин, останешься или нет?

Барин, не отвечая, провел Пинету по коридору, отворил ключом дверь в полутемную комнату и сказал, поворачиваясь к нему:

— Здесь вы будете жить пока. Попробуете бежать — хуже будет.

Пинета остался один. Он поставил свою корзину под кровать и снова засмеялся чему-то. Начинало светать. Узкое окно маячило в утреннем свете.

Пипета стянул сапоги и одетый лег на кровать; он долго припоминал одно слово, которое вертелось у него на языке и которое он никак не мог произнести. Наконец, вспомнил и сказал про себя, набрасывая на ноги одеяло:

— Хаза!

III.

Гражданская война, грохотавшая по России пулеметами от Баку до Кольского полуострова, не пощадила этого города, построенного на слиянии двух рек и обнесенного каменной стеною, которую в свое время с большим упорством долбил каменными ядрами Стефан Баторий.

Через реку был переброшен мост. Тотчас за мостом начиналась площадь — осенью на ней тонули неосторожные дети; за площадью шли пузатые железные ряды, старинные здания с каменными навесами вдоль фасада, за железными рядами снова площадь, на которой толпились когда-то стекольные магазины.

Стекла плохо выдерживают революцию, и в стекольных магазинах были выбиты стекла.

За площадью неуклюже скатывалась вниз улица; где-то за садами эта улица ударялась в тюрьму, походившую на четырехугольный каменный сундук.

В тюрьме — коридоры и камеры, в камере под номером 212 солдатская кровать. решотка, параша, огромная как небо, и политический арестант Сергей Травин, который все послал к чорту и спал целые дни, завернувшись с головой в одеяло.

«Пещера Лейхтвейса» была единственной книгой, ходившей среди заключенных. Кроме Лейхтвейса, из рук в руки передавались букварн и полное собрание сочинений Смайльса — остаток тюремной библиотеки.

Смайльса особенно любили читать старые, проржавленные до костей уголовные; они учились жить по Смайльсу.

Сергей предпочитал «Пещеру Лейхтвейса».

Утром после равнодушного звонка открывалась дверь, и молодой смотритель в кожаных штанах, с рязанским лицом, вставлял нос в отверстие двери.

— Один?

— Один.

Нос ухмылялся, сверял тождество Сергея Травина с цифрой, начертанной мелом над дверным глазком, и удалялся, грохоча каблуками.

Сергей вскакивал, натягивал штаны и бежал по коридору за кипятком.

В коридоре было свежо, камень холодил босые ноги. У чанов с кипятком толпились, переругиваясь, арестанты.

После чая и уборки, за время которой самый опытный курильщик не успел бы выкурить папиросы, он снова бросался на кровать и лежал до полудня. В полдень рязанский нос и равнодушный звонок объявляли о прогулке.

Арестантский дворик был черным экраном, на котором перед Сергеем Травиным стремительно летели сентябрь, осеннее солнце и небо.

Прогулка кончалась через десять минут; потом снова окно, решотка, кровать, параша и арестант Сергей Травин, который все послал к чорту и спал целые дни, завернувшись с головой в одеяло.

В 10 часов вечера он прочитывал одну страницу «Пещеры Лейхтвейса». Каждая перевернутая страница означала новый день. Он читал таким образом 156 страницу, в ней говорилось о том, что несчастная графиня Клэр попала, наконец, в пещеру благородного и злополучного Лейхтвейса, и сам Лейхтвейс плакал

на этой странице горькими слезами. Он оплакивал свою погибшую жизнь.

Так проходили дни; коридорный был хохлом с сизыми усами, он говорил Сергею:

— Ой, ты ж сгынешь так, матери твоей сын, помяни мое слово!

Хохол был прав: так бы оно и случилось, если бы на 162 странице Сергей не получил письма. Это письмо заставило его совершить несколько поступков, свойственных Лейхтвейсу: он дважды громко захохотал, до кости прокусил руку, рассадил голову в кровь о дверной косяк и сделал несколько тысяч лишних шагов по комнате.

Письмо, подписанное Екатериной Молотовой, в кратких фразах извещало его о том, что Екатерина Молотова исполняет обещание, данное ею когда-то, уведомить его, Сергея Травина, о ее намерении с ним расстаться, просит не поминать ее лихом, никогда и нигде ее не искать и посылает ему пару теплого белья, гимнастерку и полфунта светлого табака.

На этом оканчивалось письмо; в коротеньком постскриптуме добавлялась просьба о том, чтобы он, Сергей Травин, поберег себя, не слишком огорчался и не вздумал кого-либо, кроме нее, винить во всем, что произошло.

В этот день Сергей так и не уснул ни на одну минуту — он шагал по камере и обдумывал план побега.

Тюрьму он знал плохо; ему известно было, что большой тюремный двор с трех сторон замыкался зданиями и с одной стороны стеною; у входа в тюремный двор ему запомнилась полосатая николаевская будка, а в глубине двора, у входа в главный корпус, — полуразбитая часовня.

В первые дни заключения Сергей, как всякий арестант, обдумал десятки разных планов побега; среди

них были планы с переодеванием и гримом, план с обольщением сестры милосердия в тюремной больнице; каждый из них удался бы разве только Лейхтвейсу, и то при отсутствии часовых.

Наконец, был план, над которым всерьез задумывался не один Сергей Травин.

За стеною большого тюремного двора протекала река, в которой по целым дням барахтались мальчишки, и бабы полоскали белье.

По мудрой мысли местного губернатора барона Адлерберга, при котором строилась тюрьма, «стены означенной должны быть омываемы водами реки Плотвы, дабы уподобленная крепости святых Петра и Павла, в столице нашей Санкт-Петербурге, городская тюрьма наша истинным и устрашающим оплотом справедливого правосудия служила».

К ночи Сергей решил воспользоваться услугой, которую ему оказывал барон Адлерберг. С этим он заснул, и ему приснился человек с длинным как адмиралтейская игла, носом. Этот человек грозил ему пальцем и сверкал глазами. Сергей схватил его за адмиралтейскую иглу и проснулся.

Он подбежал к окну. На дворе было пасмурно и, должно быть, дул ветер. Он увидел стену, которую, согласно проекта барона, омывала река, и уборную, открытую сверху, без дверей, заставленную широкой доскою. В уборной сидел орлом конвойный, он держал винтовку одной рукой.

Таково было положение дел в сентябре 16 числа, в тот день, когда Сергей Травин, политический арестант, задумал побег по плану барона Адлерберга.

На другой день на прогулке он разыскал Ветрилу, тюремного истопника из уголовных.

Ветрила был с головы до ног пропитан керосином, носил роскошные горемыкинские бакенбарды, и его история была не сложнее мировой истории или даже несколько проще ее.

Сергей показал ему глазами на здание, прилегавшее к тюремной стене.

Это был цейхгауз, в котором держали теперь, кроме арестантского обмундирования, также керосин и дрова.

Ветрила посмотрел на цейхгауз, на всякий случай мигнул и погладил бакенбарды.

— Понял? — спросил Сергей.

Ветрила упомянул о матери.

— Самое главное привязать к трубе веревку, оттуда на стену и...

Ветрила немного подумал, посмотрел на Сергея недоверчиво и свернул козью ножку.

Они поговорили еще десять минут, и на следующий день Сергей Травин окончательно решил освободить камеру 212 от арестанта, который спал 24 часа в сутки и с точностью машины Эмери читал героическую «Пещеру Лейхтвейса».

В этот день Ветрила, с опасностью для жизни и карьеры, замотал веревку вокруг трубы цейхгауза.

Потом он крякнул и смылся, как смывается пятно с клеенки.

Вместо него появился другой, новый Ветрила, от которого уже не пахло керосином; он был чуть повыше ростом и носил не горемыкинские, но скорее свойственные норвежским писателям бакенбарды.

Новый Ветрила с ленивым видом пошел к цейхгаузу, сплюнул, подтянул штаны и, войдя, плотно закрыл за собой дверь.

За дверью он сразу вырос на ладонь, посмотрел в замочную скважину и, сдерживая дыхание, поднялся на чердак.

Две крысы, каждая величиной с детскую голову, сидели на разбитом рундуке и мигали глазами.

Ветрила, потерявший на лестнице одну бакенбарду, просунул голову сквозь чердачное окно и вылез на крышу.

Крыша трещала под ногами, как нанятая.

Он ползком добрался до трубы, размотал веревку и, выставив свое второе лицо в небо, стал спускаться по глухой стене цейхгауза.

На другой стороне реки стояли пустые рыбные лавки; вверх по реке за мостом плыла задрипанная баржонка.

Сергей измерил на-глаз, сколько придется плыть до другого берега, и выпустил из рук веревку.

Изодранное полотно болталось на высокой палке и летело в небо.

Огромный косматый мужик в клетчатых штанах и дырявом пиджаке сидел на корточках, равнодушно тер Сергею спину, сгибал и разгибал руки и ноги, бил кулаком в грудь.

— Беглый? — вдруг спросил он, увидев, что Сергей открыл глаза.

Сергей промычал что-то.

— Значит ты — беглый арестант.

Мужик оставил, наконец, Сергея в покое, сел на какой-то чурбан и подтянул на высокой палке веревку.

Сергей попытался приподняться на локте, но не мог, — локоть скользил на мокрых досках.

— А вот что ты мне скажи, — продолжал мужик, — какой ты есть арестант — политический или уголовный? Если ты политический, так я тебя в сей же час обратно в воду брошу.

— Уголовный,—пробормотал Сергей.

— Уголовный? — вдруг обрадовался мужик. — Да ну? Вот это здорово! Я сам уголовный! Я, брат, при царском режиме шесть лет в арестантских сидел! Как же! Если ты уголовный, так что же ты лежишь, как под иконой? Вставай, Иван, чай пить будем!

Сергей с трудом приподнялся и сел, уцепившись рукой за канат, привязанный к палке. Он был босой, штаны изорвались, рубаха висела лохмотьями на плечах.

Мужик посмотрел по сторонам, схватил его под мышки и поставил на ноги; у Сергея потемнело в глазах.

— Это твое счастье, — сказал мужик, — что сегодня со мной моей бабы нет. Она бы тебе всыпала ядрицы!

Он вытащил из кармана целую доску кирпичного чая, отломал кусок, раскрошил его на огромной ладони и бросил в чайник.

Сергей, наконец, пришел в себя и отдышался.

— Послушай, дядя, — пробормотал он, — продай мне пиджак и достань где-нибудь штаны и шапку.

— Как же я могу продать тебе свой пиджак? — обиделся мужик. — Ах ты, сволочь этакая! А если этот пиджак у меня самая парадная одежда? Штаны, изволь, могу тебе продать! Штаны есть запасные.

Сергей покачался на одном месте и опять лег.

— Рубаху...

— Что ж тебе рубаха, — снова сказал мужик, — если ты в одной рубахе под забором замерзнешь, все равно, как курица. Покупай пиджак!

Сергей встряхнулся, провел руками по лицу, несколько раз с шумом втянул в себя воздух и встал.

К вечеру того же дня, одетый в пиджак, через который легче всего было увидеть небо, и в клетчатые штаны, на которых легче всего было играть в шашки, Сергей, обойдя город кругом, добрался до вокзала.

Никто не задержал его.

Он остановился у паровоза, стоявшего недалеко от вокзала, и спросил у черного, как театральный негр, машиниста о том, когда отходит поезд в Петроград.

Машинист сплюнул на руки, растер слюну и показал на длинный ряд вагонов, еще не прицепленных, должно быть, к паровозу.

— В 11 ночи!..

IV.

К длинной плеяде имен славных архитекторов, строивших город, прибавилось еще одно. Это имя столько раз гремело пулеметами гражданской войны, столько раз летело к небу с раскрашенных плакатов, столько раз заставляло гореть одни сердца и каменеть другие, столько тысяч людей отправило гулять по чужедальним морям и столько тысяч по таким отдаленным странам, откуда даже дошлый еврей не найдет обратной дороги, — что нет нужды называть его.

У этого нового архитектора, который предпочитает строить памятники, заводы, электрические станции, — были жесткие руки. Он перетрясал города, а так как города наполнены домами, то наиболее дряхлые из них смялись и осели вниз, уступая жестокому напору. Дома рассыпались на кирпичи, из кирпичей складывали печки, а кирпичные печки, как известно, держат тепло гораздо лучше жестяных времянок.

Зимой кирпичи примерзали, и их вырубали топором.

Не только стекла, но и старики плохо выдерживают революцию, — стекла рушились, а старики умирали от огорчений.

В ослепшем доме жить — страшно; у слепой стены, где еще так недавно важно обсуждались по вечерам

политические события, где ребятишки играли в палочку-скакалочку и бросались мячами, — теперь случайный пешеход делал все, что полагается делать в пустынном месте случайному пешеходу.

Крысы бежали с гибнущего корабля, и водосточные трубы убеждались в близкой кончине мира.

Милиция огораживала дом старыми двуногими кроватями или другой дрянью — как могилы огораживают решоткой.

Вода заливала подвалы, дом за год старел на двадцать лет, начинал походить на проститутку, и это подрывало его окончательно.

Ему ничего больше не оставалось, как рассыпаться своим кирпичным телом, — он умирал, нужно полагать, без сознания.

Но не каждый дом умирал без всякого сопротивления.

Были дома, построенные с расчетом на тысячелетие, они, — старые вандейцы, уступили только фасад руке, потрясающей город.

Вот в таких домах и начиналась настоящая жизнь.

Пинета проснулся. Он раскрыл глаза, которые никак не хотели раскрываться, и сел на постели. В первую минуту он не мог вспомнить, что произошло с ним накануне, потом вспомнил, вскочил, натянул сапоги и принялся осматривать свое новое жилище.

Комната, в которую его проводил человек по прозвищу Сашка Барин, была когда-то, повидимому, кладовой. В таких комнатах в старинных барских домах хранили варенье и всякие сушоные фрукты. Возле дверей висела некрашеная кухонная полка. Где-то под потолком маячило узкое окно.

Пинета встал на спинку кровати, подскочил и, уцепившись руками за подоконник, посмотрел через стекло. Окно выходило в коридор.

Он соскочил с грохотом. Несколько кусочков штукатурки упали на пол, и он тотчас же глазами отыскал место, откуда они вывалились: на противоположной от окна стене была когда-то проделана дыра для переносной печки.

Не успел он сдвинуть с места небольшой стол, стоявший в углу, чтобы добраться до этой дыры, соединявшей его, быть может, с потустенным миром, как дверь в его кладовую отворилась. Вошел толстый маленький человек в приплюснутой кожаной фуражке, тот самый, который накануне вечером назвал себя Турецким Барабаном.

— Извиняюсь! — сказал он, входя и протягивая Пинете короткую руку, которая как будто еще минуту тому назад держала леща или жирного налима.

— Пожалуйста! — весело ответил Пинета, пожимая руку.

Барабан сел на стул и вытащил из кармана затасканный кожаный портсигар.

— Курите! Или вы кажется еще не завтракали? Сейчас же прикажу подать вам завтрак!

Пинета с достоинством выпятил губы, сел на кровать и заложил ногу за ногу:

«Ага, значит будут кормить...»

— К завтраку я предпочитаю тартинки.

— Тартинков у нас, извиняюсь, нет! — ответил Барабан.

Он постучал в стену кулаком и крикнул: Маня! Никто ему не ответил.

— Она спит, — объяснил Барабан. — Маня!..

— Паскудство! — вдруг заорал он таким голосом, что Пинета вздрогнул и посмотрел на него с удивлением.

Барабан подождал немного, вскочил, и, подойдя к двери сказал на этот раз почему-то совершенно тихим голосом и без всякого выражения: Маня.

Маня-Экономка была единственным человеком, жившим в хазе постоянно. Она носила кружевные передники, закалывала на груди белоснежную пелеринку и была самой спокойной и чувствительной женщиной на свете. Налетчики ее уважали.

— Маня, подайте инженеру чай и булки и сходите мне за парой пива... Нет, возьмите две пары пива!

— Вчера вы интересовались узнать, инженер, — начал он, обратившись к Пинете, — кто мы такие, чем занимаемся и вообще все междуметия нашего дела?

— Поговорим после завтрака о наших междуметиях, — отвечал Пинета серьезно.

Барабан почувствовал, что над ним шутят, побагровел и хлопнул себя по коленке:

— Довольно! — закричал он, хватаясь за задний карман брюк, — ты еще не знаешь, с кем ты говоришь, ел. малява!

Тут же он погладил себя по жилету и пробормотал:

— Спокойствие! Терпение!

«Ах, чорт его возьми, с ним, пожалуй, и шутить нельзя!»

Некоторое время они сидели молча.

Маня-Экономка принесла пару французских булок, холодный чай и четыре бутылки пива. Она посмотрела на Пинету с любопытством, поправила свою кружевную пелеринку и вышла.

Пинета поставил на колени чай и, не глядя на Барабана, принялся уписывать за обе щеки французскую булку.

— Мы, конечно, понимаем, — начал тот снова, слегка наклонившись всем телом вперед и даже притрагиваясь рукой к плечу Пинеты, — что мы должны кой-чего объяснить вам из нашего дела.

Пинета дожевал булку и залпом выпил чай.

— Объясните.

— Дело, видите ли, обстоит в следующем: мы не какая-нибудь шпана, которая по ночам глушит в темную случайных прохожих, мы также не простые маравихеры, то-есть различные воры по разнообразным специальностям. Инженер, мы не фармазонщики, не городушники, мы также не простые налетчики! Мы — организаторы и берем дела только большого масштаба. Я не говорю, у каждого человека есть свое прошлое и настоящее по хорошему мокрому делу, но это только средство, инженер, и больше ничего.

Барабан замолчал и с удовольствием откинулся на спинку стула, как бы отдыхая после своей утомительной речи.

— Что же касается дела, которое мы собираемся предложить вам, то дело обстоит в следующем: нам требуется некоторая подработка по сейфам. Откровенно говоря, мы не взяли кассиров не потому, что это рискованная работа, и не потому, что не нашелся подходящий шитвис! — Очень просто: по нашим сведениям кассирам не справиться с сейфами госбанка!

Пинета широко открыл глаза и привстал с кровати.

— С сейфами госбанка?

— Ну да, с сейфами госбанка! То-есть, иначе говоря, у нас нет хорошего специалиста, который бы быстро и безопасно и легко в полчаса открыл сейфы госбанка. Все остальное для нас — пха! понимаете?

— Вот так штука, — сообразил Пинета, — теперь я начинаю понимать, почему меня увезли... Сказать — не сказать, сказать — не сказать, сказать — не сказать?.. Не сказать!

— Ну, что вы мне скажете?

— Так значит, — сказал Пинета, отдуваясь, как будто бы он только что решил трудную задачу, — дело в сейфах госбанка?

— Именно! — подтвердил Барабан, — дело именно в сейфах госбанка.

— Стало быть, — продолжал Пинета, — вы решили, что я — лучший специалист по сталелитейному делу и увезли меня для того, чтобы я устроил вам все технические приспособления для взлома сейфов госбанка?

— О, вы попали в самую точку!

Пинета почувствовал себя так, как будто заново начал жить.

— Отлично! Я не понимаю только, для чего вам было везти меня сюда! Об этом мы могли бы сговориться на моей квартире.

— Это мне начинает нравиться, — сказал Барабан, похлопывая его по коленке, — к сожалению, до сих пор мы не знали вас, инженер Пинета, — в следующий раз мы будем просто предупреждать вас в письменной форме, ха, ха, ха!

Он откинулся на спинку кресла, взвизгнул и закатился хохотать до слез, отмахиваясь обеими руками и вздрагивая круглым, как футбольный мяч, животом.

Пинета терпеливо подождал, когда он кончит.

— Я знаком приблизительно с устройством сейфов госбанка. Они построены по образцу... по образцу... — Пинета задумался на мгновенье, — по образцу ливерпульских сейфов!

— Да, да, — подтвердил Барабан, все еще колыхаясь от смеха и вытирая носовым платком заплаканные глаза, — кажется именно по образцу ливерпульских.

— Так вы полагаете, — начал снова Пинета, — что для этой работы мне потребуются какие-нибудь предварительные приготовления?

— Полагаю ли я так? — переспросил Барабан. — Не очень. Откровенно говоря, я совсем не специалист по кассирному делу. Может быть, вы справитесь со всем с этим на месте!

— А когда вы думаете начать самое-то дело?

Барабан посмеялся про себя и посмотрел на Пинету с иронией:

— Оставьте эти пустяки, инженер. О чем вы спрашиваете меня? Мы же не дети, честное слово! Мы же организаторы. Лучше скажите мне, сколько дней вам нужно на подработку?

Пинета задумался.

— Мне нужно дней пять—шесть, — ответил он и подумал: «чорт возьми, это что же я делаю!»—и тотчас ответил себе—«все равно, не умирать же с голода».

— Но мне необходимо знать, — продолжал он, — во-первых, расположение электрической сети госбанка, во-вторых...

— Отлично, — отвечал Барабан, хлопнув его по коленке, — эти сведения мы вам доставим немедля.

— Во-вторых,—продолжал Пинета, — будьте добры купить... — он остановился на мгновенье и быстро закончил: — пятнадцать аршин лучшего гуперовского провода и катушку этого, как его... Румкопфа.

— Как фамилия?

— Рум... Румкорфа, — твердо повторил Пинета.

— И пятнадцать аршин гуперовского провода?

— Да, и ни в коем случае не меньше 15 аршин.

— Будет сделано.

— Это покамест все, — закончил Пинета, — а потом посмотрим.

— Все? — закричал Барабан. — Отлично. Это же Запад! Инженер Пинета! Что значит специалист!

Он откупорил бутылку пива и первому налил Пинете. Потом, перевернув бутылку вверх дном, он доверху наполнил свой стакан.

— За дело! — сказал он, мигая глазами,— за дело большого масштаба!

Они чокнулись.

Но Барабан выпил не сразу. Сперва он выпятил губы и, чуть-чуть прищурившись, долго дул на пузырчатую пену, стекавшую по граненому стеклу. Потом он слегка подался вперед, поджимая живот, и с любовью посмотрел пиво на свет. Наконец, положив руку на грудь, он сразу отхлебнул из стакана.

И пиво, похожее на жидкий янтарь, отчаявшись в спасении, само полетело в рот Барабана.

Дыра от переносной печки — четырехугольный след, оставленный 18-м и 19-м годом, оказалась дверью в потустенный мир.

Едва только Барабан ушел, как Пинета приставил стол к стене, на которой сохранился этот след, взобрался на стол, уцепился за сломанный кирпич, торчавший из стены боком, и взглянул в потустенный мир.

Он увидел довольно большую комнату в два окна с закоптелым потолком и обрывками обоев на стенах. В комнате не было никакой мебели; кухонный стол стоял между окон; в углу, наискось от наблюдательного пункта Пинеты, стояла кровать.

Скосив глаза насколько было возможно, Пинета увидел на кровати женские ноги в черных чулках и черных же парусиновых туфлях.

Пинета никогда не тяготел к монашескому образу жизни и был достаточно опытен, чтобы верно определить возраст обладательницы парусиновых туфель; нельзя сказать, чтобы он был недоволен соседством. Однако же, он не был уверен в том, что его соседка не принадлежит к союзу налетчиков, переселивших его накануне ночью с Васильевского острова на Петроградскую сторону, и поэтому не решился окликнуть ее.

Больше он ничего не открыл на горизонте потустенного мира.

Он соскочил со стола и принялся ходить по комнате с твердым намерением обдумать план действий, который должен был доставить ему превосходство над налетчиками.

Через несколько минут он уселся за стол, оперся на него локтями и заснул, уронив голову в руки.

Ему приснился Сашка Барин с его вежливым орлиноносым профилем гвардейского офицера.

— Я еду в Южную Америку, — сказал он Сашке Барину, — мне очень нравится,что в Южной Америке восход и заход начинаются одновременно.

— Поезжайте лучше на Стрелку, — отвечал Сашка Барин.

Он закурил, и дым поплыл вокруг Пинеты кругами.

— Зачем вы меня увезли? — спрашивал Пинета, тщетно стараясь понять, что это говорит он — Пинета.

— Как зачем? — отвечал Сашка Барин, — да для того, чтобы вы ограбили этого ювелира!

— Какого ювелира? Ювелира Костоправа или Перчика?

— Уж это все равно какого. Лучше, знаете ли, Костоправа.

— Костоправа, так Костоправа, — сказал Пинета. Он махнул рукой и проснулся.

Еще не раскрывая глаз, он услышал голос Барабана.

«Он с нею, в той комнате, рядом,» — подумал Пинета.

Барабан сдержанным голосом уговаривал в чем-то свою собеседницу.

Пинета попытался вслушаться в то, что он говорил, и при первых же словах, которые он услышал, откинулся на спинку стула и открыл рот от удивления.

Барабан говорил о том, что он скучает, что всякая работа стала ему нипочем, что он не находит никакого сочувствия у той, которой он это говорил.

— Когда вы понимаете, Катя? — сочувствия!...

Пинета приподнял голову и услышал, как женщина отвечала, слегка задыхаясь, но почти спокойно, что она скорее выбросится в окно, чем согласится на то, что ей предлагают, требовала, чтобы ее выпустили из этой ловушки сию же минуту, и соглашалась продолжать разговор только при одном условии:

— Скажите мне, участвовал в этом деле Александр Леонтьевич или нет?

Пинета снял сапоги, встал из-за стола и бесшумно занял прежний наблюдательный пункт, оставшийся от тяжелых времен 18-го и 19-го года.

На этот раз он увидел в соседней комнате девушку лет 22-х, которая сидела на кровати, продев руку сквозь железные прутья кроватной спинки, с силой сжимая эти прутья, и грызла зубами недокуренную папиросу.

Недалеко от нее, спиной к Пинете, стоял человек, в котором Пинета без всякого труда узнал Турецкого Барабана.

Пинета услышал продолжение разговора:

— Фролов, ого! Вы не знаете еще, что это за воловёр!

Девушка откусила мокрый конец папиросы и принялась крутить из него шарик. Пальцы у нее дрожали.

— Вы все лжете о деньгах!

— Чтобы я так жил, как все, — чистая правда! — отвечал Барабан. Он для убедительности даже пристукнул себя кулаком в грудь.

— Он не получал от вас никаких денег за это. Просто разлюбил...— Девушка еще раз с металлическим стуком откусила конец папиросы...— И больше ничего!

— Ей-богу, — сказал Барабан, — и такого мерзавца разве можно любить? Это же просто подлец, честное слово!

— Экая жалость! — подумал Пинета, — что же он от нее хочет, старый пес?

— Разве он стоит вашей любви, это паскудство? — убеждал Барабан. — Он уже теперь гуляет с другой. Ха, разве он помнит о вас, Катя?

Пинета видел, как крупные капли пота выступили у него на шее. Барабан как будто немного растерялся, сделал шаг вперед и схватил девушку за руку.

— Как вы смеете!

Она свободной рукой ударила его по лицу, вырвалась и убежала на противоположный конец комнаты. Теперь Пинета мог бы дотронуться до нее рукою.

Барабан побагровел и с яростью ударил кулаком о спинку кровати.

— Разобью! — вдруг закричал он хриплым голосом, размахивая рукою.

Пинета с грохотом соскочил со своего наблюдательного пункта. Все стихло в соседней комнате.

Только дверь распахнулась с шумом и снова захлопнулась.

Спустя несколько минут Пинета снова заглянул в дыру для времянки: его соседка горько плакала, взявшись обеими руками за голову.

— Не плачьте, — сказал Пинета, — тише. Мы с вами удерем отсюда, честное слово, не стоит плакать.

V

Вокзал плавно подкатился к поезду, вздрогнул и остановился неподвижно.

Пар последний раз с хрипом прокатился меж колес и задохся.

Люди пачками выбрасывались на платформу, кричали, целовались, бранились и тащили узлы, чемоданы, корзины к выходу. У выхода стоял контролер с лицом Бонапарта. Контролер проверял билеты

с таким видом, как будто занимался делом государственной важности.

Сергей соскочил с подножки и пошел вдоль платформы к паровозу.

Фуражка с истрепанным козырьком лезла ему на глаза; он был серый, как крот, и походил на человека, который потерял что-то до крайности необходимое и теперь ищет без конца, хоть и знает, что никогда уже не найдет.

Дойдя до паровоза, он остановился и задумался, потирая рукою лоб.

Из-под паровоза проворно вылез черный, весь в копоти и смазочном масле, мальчишка. Мальчишка чистил паровоз, гладил его по тупому носу, протирал замусоренные глаза; он выгибался как акробат, чтобы достать до самых укромных мест, балансировал на одной ноге уж больше из озорства, чем по прямой необходимости. Рожа его сияла черным блеском. Он увидел Сергея и заорал, размахивая тряпкой:

— Эй, шпана, чего уставился!

Сергей посмотрел на него ничего не понимающими глазами.

— Скажите, пожалуйста, мальчик, как отсюда пройти на Первую роту?

Мальчишка вместо ответа залез в какую-то дыру и оттуда выставил Сергею отлакированный зад.

Сергей вдруг хлопнул себя по лбу.

— Да что же это я! Нужно итти, бежать, искать Фролова!

Он всунул билет Бонапарту и быстро выбежал на улицу. Рикши смотрели на него с презрением. Начинался дождь.

Сергей поднял ворот пиджака, насадил по самые уши фуражку и отправился по Измайловскому проспекту. Измайловский проспект был гол и мрачен.

Полотна бродячих ларьков намокли, посерели, старухи, которые со времени основания города торгуют на Измайловском проспекте, тоже намокли, повесили сморщенные носы и засмолили короткие трубочки.

У одной из них, тотчас за мостом, Сергей купил пачку папирос, сунул ее мимо кармана и прошел дальше.

Старуха выползла из-под своего навеса, равнодушно посмотрела ему вслед и положила папиросы обратно.

Спустя четверть часа он добрался до Первой роты, отыскал дом под номером 32 и постучал в дверь, на которой было написано смолою «дворницкая».

Сонный дворник объяснил ему, что прежде Фролов жил в пятнадцатой квартире, а теперь переехал в двенадцатую квартиру, первый подъезд налево, третий этаж.

Сергей поднялся по лестнице и дернул за звонок.

— Что нужно?

— Отворите, пожалуйста. Здесь живет товарищ Фролов?

— Здесь.

Унылый мастеровой с мандаринскими усами впустил его в кухню.

— Могу я его увидеть?

— По коридору вторая дверь, — хмуро отозвался мастеровой, — еще не встал, должно быть.

Сергей рванул ручку двери и вошел в комнату.

Высокий человек в синих жандармских штанах со штрипками лежал на постели, уткнувшись лицом в подушку. В комнате стоял тугой запах табака, селедок и еще какой-то дряни.

Сергей подошел к нему и ударил его по плечу.

— Вставай!

Фролов перевернулся на другой бок. Сергей потащил его за руку и посадил, подбросив под спину подушку.

— Что? Кто это? Чорт возьми! Ты? Сергей?

Он торопливо соскочил с постели и натянул на ноги высокие желтые сапоги со шпорами.

— Очень рад тебя видеть. Чорт возьми! Ты свободен?

— Свободен.

Сергей подошел к нему вплотную и сказал, притопнув ногой от нетерпения:

— Идем! Вот что, послушай... У меня нет с собой этого... револьвера. Не можешь ли ты достать пару револьверов, таких, чтобы не давали осечки?

Фролов опустил глаза и почему-то подтянул пояс.

— На чорта тебе револьверы?

— На чорта мне револьверы? Нужно! Послушай, у тебя ведь всегда были револьверы.

— Изволь.

Фролов сунул руку под подушку («У него револьвер наготове»,—подумал Сергей) и вытащил оттуда браунинг.

— Бери, но только... Сергей, ты что — бежал из тюрьмы?

— Не твое дело.

— Да ты скажи, может быть, тебя спрятать нужно?

— К чорту! —закричал бешеным голосом Сергей,— едем!.. Или тебе нужно этих... как там, секундантов?

Фролов с треском сел на стул, вытянул ноги и захохотал так, что Сергей даже испугался немного.

— Ты что, со мной стреляться вздумал? Ты с ума сошел, честное слово! Послушай, теперь на дуэлях не дерутся. Ну, едем, чорт с тобой!

Фролов вдруг посмотрел на него и принял серьезный вид.

— Сергей, ты наверное жрать хочешь?

— Едем!

— Ну, заладил — едем, едем. Поедем через час, над нами не каплет. Пожри немного, а то про-

махнешься. Разве голодному можно на дуэль... Что ты!.

Фролов вдруг захлопотал, зажег где-то за стеной примус, достал стаканы, заварил чай и через несколько минут принес яичницу.

Сергей ел с жадностью.

Фролов сидел против него на кровати, пощелкивал по сапогам откуда-то взявшейся тросточкой и курил толстую папиросу.

«Неужели убежал из тюрьмы? Из-за... Не может быть! Из-за девчонки?.. Знает...»

— Ты что, ко мне прямо с вокзала?

— Не твое дело, откуда!

— Чудак, да я просто так спросил.

Фролов потушил папиросу о каблук, посмотрел на Сергея исподлобья и задумался на одну минуту.

— Сергей, я тебя давно не видел. Никак с 18-го года. Расскажи же, чортов сын, как ты жил?

Сергей кончил есть и, не отвечая, схватился за фуражку.

— Поедешь ты или нет, говори прямо?

Фролов тоже вскочил и остановился перед ним, придвинувшись к нему вплотную.

Теперь он смотрел на него с ненавистью, сжав зубы.

— А ты думаешь, я испугался, мать твою так! Едем!

Он выдвинул ящик стола, взял второй револьвер и зарядил его новой обоймой.

Оба спустились по лестнице, сторонясь друг друга.

Фролов крикнул извозчика:

— На Острова!

Ехали молча. Фролов, дымя папиросой, глядел на серые стены домов, вдоль улиц, которые вдруг открывались за каждым углом, читал вывески: «Продукты питания», кафэ «Кавказский уголок».

На одной вывеске, висевшей криво, он прочел только одно слово «качества».

Фролов засмеялся, повторил про себя это слово и с испугом обернулся к Сергею:

«Не услышал ли...»

Сергей сидел, забившись в самый угол пролетки. Он снял фуражку и много раз проводил рукой по голове, как будто с усилием припоминая что-то. Время от времени он машинально расписывался у себя на колене—С. Травин—С. Травин—С. Травин и ладонью в ту же минуту как бы стирал эту подпись.

Мимо них потянулись какие-то красные здания, стало совсем пусто, снова пошел дождь.

С. Травин обернулся к А. Фролову и сказал, сжимая рукою браунинг:

— Можно здесь.

— Что ты, совсем с ума сошел. Где же ты здесь стреляться будешь? Скоро приедем.

Он ткнул извозчика в спину.

— Подгони, дядя.

Дождь усилился. Извозчик вытащил откуда-то из-под сиденья кожаный фартук, накинул его себе на спину и погнал лошадь во всю мочь.

Красные здания вскоре остались позади, мимо полетели какие-то деревянные домишки с огородами, наконец, пролетка перекатилась через мост и поехала по лесной дороге.

— Здесь, — сказал Фролов.

Оба одновременно соскочили с пролетки.

— Ты нас здесь подожди, дядя, — сказал Фролов.

— Да долго ли ждать-то?

— Недолго... Или вот что.. поезжай-ка с богом, я тебе заплачу.

Они отправились по узенькой тропинке в глубь леса.

Желтые листья падали на них и ложились под

ноги. Мокрые сучья задевали по лицу. Деревья редели.

Наконец, Фролов остановился и обернулся к Сергею.

— На сколько шагов?

— На сколько хочешь. На десять шагов.

— До результата?

— До результата.

Фролов обломал толстую ветку и от дерева до дерева провел барьер. Потом сделал десять шагов по направлению к Сергею,

Он сосчитал громко до десяти и суковатой палкой провел барьер противника.

— Кому первому стрелять? — спросил Сергей.

— Стреляй ты, если хочешь. Твоя выдумка.

— Ты вызван; стало быть, первый выстрел за тобой.

— Иди ты к чортовой матери.

Фролов вытащил из кармана коробку спичек, взял две спички и надломил одну из них.

— Целая — первый выстрел.

Сергей с закрытыми глазами нащупал спичечную головку, быстро вытащил спичку и открыл глаза.

— Целая, — сказал Фролов чуть-чуть хрипловатым голосом. — Нужно написать записки, что ли?

— Какие записки?

— «Прошу в моей смерти...»

— Ах да! У тебя есть бумага и карандаш?

— Есть.

Сергей быстро написал на клочке бумаги: «Прошу в моей смерти никого не винить. Сергей Травин».

Фролов сделал то же самое.

Они сошлись и, не глядя один на другого, молча показали друг другу свои записки.

— Стрелять по команде «три», — сказал Фролов, — осмотри браунинг, не выронил ли ты дорогой обойму?

Сергей посмотрел на него в упор: Фролов был бледен, на скулах у него играли жесткие желваки.

— Фролов, ты... Неужели ты не знаешь, за что?

— Знаю. Из-за твоей девочки. Становись к барьеру. Считаю... Раз...

Сергей остановился на черте, медленно наводя на него револьвер.

— Два...

Фролов почти отвернулся от Сергея, согнутой правой рукой защищая корпус.

— Три.

Сергей нажал курок. Раздался сухой и легкий треск, и ветка над головой Фролова треснула и надломилась. Кусочек коры сорвался с дерева и упал к его ногам.

— Мимо...

Фролов повернулся к Сергею всем телом и с силой раздвинул как будто связанные губы.

— Теперь ты считай, — сказал он.

Сергей для чего-то переложил револьвер в левую руку.

— Раз... два... три!

Одновременно с коротким револьверным треском он почувствовал в левом плече боль, как будто от пореза перочинным ножом.

Он невольно вскрикнул, просунул руку под пиджак и дотронулся до порезанного места.

Рука была в крови.

Фролов сунул револьвер в карман и сделал шаг по направлению к Сергею.

— Ничего нет, — сказал Сергей, побледнев и сжав кулаки. — Становись к барьеру. Я стреляю. Считай.

Фролов пожал плечами и вернулся обратно.

— Я буду считать, — сказал он, — но только... Может быть... А, впрочем, пустяки. Считаю: раз...

Сергей поднял браунинг и с ужасным напряжением принялся целить между глаз противника.

— Два...

Он вдруг изменил решение и начал водить револьвером по всему телу Фролова. Он направлял браунинг на живот и видел, как живот втягивался под черным дулом, он направлял браунинг на грудь, и грудь падала с напряженным вздохом. Наконец, он вернулся к исходной точке: револьвер уставился между глаз и остановился неподвижно.

— Три!

Сергей нажал курок.

Фролов сделал шаг вперед, взмахнул обеими руками, как будто отмахиваясь от чего-то, и упал лицом вниз, в мокрые листья, в землю.

Ноги его в высоких желтых сапогах со шпорами вздрогнули, подогнулись и вновь выпрямились, чтобы не сгибаться больше.

Сергей бросил браунинг в траву, подбежал к нему и перевернул тело: пуля попала в левый глаз — на месте глаза была кроваво-белесая ямка.

Он поднялся с колен и несколько минут стоял над убитым неподвижно, сдвинув брови, как будто стараясь уверить себя в том, что все это — дуэль и смерть Фролова — произошло на самом деле.

Где-то далеко на дороге загромыхала телега.

Сергей снова бросился к мертвецу и принялся расстегивать на нем френч.

Френч никак не расстегивался.

Наконец, расстегнулся, и Сергей вытащил из бокового кармана записную книжку, карандаш и бумажник. Бумажник был набит продовольственными карточками и вырезками из газет.

В записной книжке Сергей нашел три письма.

Первое письмо было набросано на клочке бумаги.

Сергей прочел:

«...Сенька вчера купил со шкар четыре паутинки. Если можешь, дядя, пришли мне липку. Сижу под жабами на Олене. Не скажись дома, дядя, брось своих бланкеток, задай винта до времени. Скажи Барабану, что на прошлой неделе раздербанили без меня. Жара, дядя. Здравствуй...»

Сергей не понял ни одного слова, сунул обрывок бумаги в карман и развернул второе письмо. С первого взгляда он узнал почерк Екатерины Ивановны. Екатерина Ивановна писала Фролову, что ждала его накануне до поздней ночи, упрекала в том. что вот уже третий раз он ее обманул, звала его к себе, обещала рассказать о том, как она теперь плохо спит по ночам, о том, какие глупые сны ей снятся про Фролова, как будто бы он стал хромать и лицом похудел ужасно.

Сергей с ненавистью посмотрел на склоненную голову Фролова. Труп свесил голову на грудь, ноги раздвинулись, царапая землю; он равнодушно косил на Сергея выбитым глазом.

Сергей отвернулся от него и огляделся вокруг. никого не было поблизости, солнце скользило между стволами почерневших берез и полосами ложилось на примятую траву лужайки.

Он старательно, с какой-то особенной аккуратностью сложил пополам письмо Екатерины Ивановны и положил его в боковой карман пиджака. Третье письмо было написано затейливым почерком, с завитушками, пристежками и множеством больших букв, которыми начиналось чуть ли не каждое слово. Сергей прочел:

«Уважаемый Павел Михайлович.

Некоторые затруднительные Обстоятельства требуют от Меня просить вас не отказать в ниже-

следующей Просьбе. Не откажите 23-го июля сего года в 7 часов Вечера положить в крайнее Левое окно Грибовского пустыря, находящееся на Песочной улице 1025 р. 65 к. золотом в Запечатанном конверте. Извиняюсь за эту Назойливость, которого трудно избегнуть в Подобного рода Делах.

Позвольте также Уведомить Вас, что в случае которого конверта на месте Не окажется, то Мы никак не можем, к искреннему Сожаления, дальше сохранять вашу Драгоценную жизнь.

В случае Же, если вы доведете вышеуказанную Мысль до сведения мильтонов, то Мы никак не ручаемся за Жизнь И вашей Глубокоуважаемой Супруги.

С почтением Турецкий Барабан.»

На конверте было написано красным карандашом: «Дяде — для передачу по Назначения».

Внизу за подписью стояла печать.

Сергей вгляделся в печать: это была церковная печать церкви Гавриила архангела.

Он снова огляделся вокруг, отыскал глазами небольшой пенек, поросший мхом, и уселся на этот пенек, схватившись руками за голову и напрасно стараясь собрать разбегающиеся мысли.

«Так значит Фролов... вор... или нет, скорее... этот... как называется... налетчик. Но если он — налетчик, если она была с ним, так значит... так значит... так значит... Не может быть».

Он стал ходить по лужайке, заложив руки за спину, в одной руке крепко сжимая записную книжку Фролова.

«Так где же она?» — сказал он сам себе, остановившись в раздумьи и потирая рукою нахмуренный лоб.

Раскрытый бумажник, лежавший на траве, воз трупа, обратил на себя его внимание.

Он поднял бумажник, сунул его в карман френча, снова застегнул френч, стер линии, служившие барьером, снова положил труп Фролова лицом вниз, в землю, отыскал брошенный в траве браунинг.

С силой разжимая пальцы руки, уже начинающей коченеть, он вложил в нее револьвер, достал бумажник и, собирая в строку танцующие перед глазами буквы, снова прочел о том, что Фролов в своей смерти просит никого не винить.

Тут только он заметил, что все время не выпускает из рук записной книжки Фролова.

Он заглянул в эту записную книжку, прочел на оборотной стороне переплета кроваво-красную подпись «Memento mori» и увидал под надписью плохо нарисованный череп с двумя костями.

Он подумал немного, хотел было положить книжку туда, откуда он ее взял, но вместо этого положил ее в карман своих шашечных штанов.

Никого не было видно кругом: он опустил ворот пиджака, нахлобучил на уши фуражку и зашагал между деревьев на городскую дорогу.

VI.

Особым распоряжением в 22-м году все дома были вновь учтены и перенумерованы.

На месте угловатого фонаря с резными нумерами появился фонарь, похожий на китайский веер.

Но учет миновал пустыри и полуразрушенные здания. Таким образом хазы выпали из учета, из нумерации, из города. Они превратились в самостоятельные республиканские государства, неподведомственные Откомхозу.

За полуразрушенным фасадом засел бунт против нумерации и порядка.

Этот бунт был снабжен липой, удостоверяющей личность республиканца.

Нельзя решиться на большое дело без делового разговора. Мелкая шпана уговаривается на Васильевском — в «Олене», в Свечном переулке, в гопах, разбросанных по всему городу.

Но мастера своего дела скрываются в хазу, единственное место, где честный налетчик может сговориться о деле, пить, спать и даже любить, не кладя погана под подушку.

В хазе совещаются, обсуждают планы на работу, пропивают друзей, идущих на жару — на опасное дело.

В 22-м году ненумерованный бунт, скрывшийся за полуразрушенным фасадом, часто бывал штабом бродячей армии налетчиков; штаб руководил борьбой и давал боевые задания.

Добродетель уничтожалась ураганным огнем, и порядок отступал в тыл.

В 22-м году хороший налетчик еще не поддавался регистрации.

Эти времена теперь вспоминают мертвецы, расстрелянные порядком, и у них дрожат истлевшие сердца, и кости ударяются одна о другую.

— Уважаемые компаньоны! Наше последнее дело потребовало неотложно быстрое совещание, больше того, нужно уже ускорять всю механацию, пора!

Шмерка Турецкий Барабан ударил кулаком о стол и побагровел от гнева.

— Вы уже знаете, что этот проклятый жиган Васька Туз сгорел из-за какой-то говенной покупки. В чем дело? Почему нарушают работу, вы—горлопаны, вы—приват-доценты! Разве так работают, разве работают

на стороне, когда вас ждет дело большого масштаба? Что же вы молчите? Отвечайте!

Никто не отвечал; все молчали; каждый работал на стороне.

Барабан продолжал, успокаиваясь:

— Но не в том-то дело. Подработки происходят, как нужно. Вчера мы увезли инженера. Барин, расскажи об инженере.

Сашка Барин поднял голову — узенькая красная полоска от высокого воротника кителя осталась у него на подбородке. Он медлительно отложил в сторону недокуренную папироску и начал:

— Инженера Пинету мы увезли для подработки по сейфам. Барабан наколол его как хорошего специалиста. Вчера Барабан говорил с ним, и он обещал сделать все, что надо; он берется приготовить в пять—шесть дней, если ему доставят все, что нужно для работы. На мой взгляд этот инженер может оказать нам услуги насчет телефонной станции.

Барин замолчал, снова всунул в рот папироску и достал из кармана зажигалку.

— Аз эр из клуг, бин их шейн [1]), — сказал Барабан с презрением, — эту предпоследнюю пусть он оставит для нас. На это мы справимся без инженера Пинеты. Пятак, что нового у тебя?

Сенька Пятак был франтоватый мальчишка лет 22-х. Он носил черные усики, вздернутые кверху, и ходил в брюках с таким клёшем, что нога болталась в нем, как язык в колоколе.

Веселый в пивушке, в кильдиме, на любой работе, он терялся на этих собраниях, которые устраивал Турецкий Барабан. Турецкий Барабан всегда любил торжественность и парламентаризм.

---

[1]) Если он умен, то я красив.

Пятак кратко отчитался в своей работе: он сказал не больше двадцати пяти слов, из которых ясно было, что все, порученное ему на прошлой неделе, он выполнил, что на телефонную станцию пробраться может когда угодно, что телефонистка Маруся третий день на него таращится и «старается для него маркоташками».

— Дело идет на лад! — объявил Барабан и застучал волосатым кулаком в стену.

— Маня, дай нам пива.

— Дело идет на лад! — повторил он через несколько минут, расплескивая по столу пиво. — Студент, что нового у тебя?

В самом углу комнаты сидел обтрепанный человек в изодранном пальто с каракулевым воротником и в новенькой студенческой фуражке. Он был прозван Володей-Студентом за то, что во время работы всегда носил студенческую форму.

— Ничего нового. Работаю попрежнему. Сарга кончилась.

— Сарга кончилась! — передразнил тот, — каждый день у тебя сарга кончается!

Володя-Студент обиделся, почему-то снял фуражку и привстал со стула.

— Да что ты, смеёсся что ли? А нужно мне вкручивать баки сторожам. Нужно поить-то их или нет? Попробуй-ка, прицепись к самогонке.

— Хорошо, об этом мы с вами переговорим после, Студент. Вы тут кой-чего протрепали с вашей гамыркой. Так не работают, имейте это в виду.

Володя-Студент окончательно обиделся, сплюнул на пол и принялся свертывать огромную козью ножку.

— Отличное дело, протрепал. Если я протрепал, так пусть с ними хоть Пятак возится.

— Молчать, Студент! — Барабан побагровел и стукнул по столу так, что пивные стаканы со звоном

ударились один о другой.—Кто тут балбес, ты или я? Ты забыл, что такое хевра, сволочь, паскудство!

Барабан вдруг успокоился, выпил пива и сказал, с важностью выдвигая вперед нижнюю губу:

— Да, это верно. Деньги нужны. Сколько у меня еще есть? У меня еще есть на пару пива! Значит что? Значит нужно работать.

Он помолчал с минуту и продолжал, проливая пиво на жилет, который как будто пережил на своем веку всю мировую историю.

— Но ни в коем случае не итти на это самим. Нужно пустить шпану. Вы знаете, о чем я говорю? Я говорю о двух адресах: во-первых, ювелир Пергамент на Садовой, во-вторых... Пятак знает во-вторых.

— На Бассейной, что ли? — пробормотал Пятак, который решительно ничего не знал ни о первом, ни о втором адресе.

— Нет, не на Бассейной, а на Мильонной. У кого? У одного нэпача. Это нужно будет сделать в течение ближайшей недели. Саша и Пятак, это вы возьмете в свои руки.

— Об этом нужно сговориться со шпаной, — снова повторил он.

Пятак вдруг вскочил и с жалостным видом хлопнул себя кулаком в грудь.

— Мать твою так, Барабан, да не филонь ты, говори толком! Есть работа, что ли? Навели тебя? На Мильонной?

— В чем дело? Ну да, нужно сделать работу по двум адресам.

Он снова перечислил эти адреса, загибая на правой руке сперва один, потом другой палец.

— Во-первых, с ювелиром Пергаментом на Садовой, во-вторых, с одним нэпачом на Мильонной.

Пятак внезапно успокоился и снова молча уселся на то же место.

— Между прочим, — сказал Барабан, поднеся руку ко лбу и как будто вспомнив о чем-то, — я предлагаю прежде всего почтить вставаньем память Александра Фролова, по прозвищу Дядя. Покойный был нашим дорогим другом, умер в расцвете своей плодовитой деятельности. Сколько раз я говорил ему: «Дядя, оставь носиться с часами брось свои любовные приключения, будь честным работником, дядя». Теперь его нашли со шпаллером в граблюхах. Конечно, его погубила женщина. На нем ничего не нашли, вечная тебе память дорогой товарищ.

Барабан снова пролил пиво на живот, но на этот раз старательно вытер жилет огромным носовым платком.

— Еще хорошо, что не зашухеровался со своим бабьем, — заметил Пятак, — тоже интеллигент, малява!

— Пятак, оставьте интеллигенцию в покое! — вскричал Барабан, — я учился на раввина, я всегда был интеллигент, и интеллигенция тут не при чем. Интеллигенция, это — Европа, это...

Барабан со звоном поставил бокал на стол.

— Оставьте, Пятак, это грызет мне сердце.

Пятак, смущенный, вытащил коробку папирос с изображением негритенка и принялся закуривать.

— Собрание кончено, — сказал Барабан. — Почему не пришел Гриша?

— Он, кажется, на работе, — отвечал Барин, — третьего дня я видел его в Олене. Говорил, что все идет удачно.

— Собрание кончено, — повторил Барабан, — можно итти. Не засыпьте хазы. Студент, завтра ты получишь, сколько тебе нужно. Саша, ты можешь остаться со мной на одну минуту?

Пятак и Володя-Студент ушли.

Сашка Барин сидел, заложив ногу за ногу, опустив голову на грудь и блестя точным, как теорема, пробором.

Барабан подсел к нему и спросил, легонько прихлопнув его по коленке.

— Ну, что ты мне скажешь, Саша Барин?

— Относительно чего? — ответил тот, равнодушно покачивая ногою.

— Не притворяйся, Саша. Я говорю про девочку.

— Девочка скучает.

— Саша, ты помнишь, что ты мне обещал?

— Помню. Да что мне с ней делать, если она о тебе слышать не хочет?

Шмерка Турецкий Барабан встал, снова начиная багроветь.

— Приткну! — вдруг сказал он, с бешенством сжимая в кулаки короткие пальцы. — Накрою, как последнюю биксу. Она меня еще узнает.

— Не стоит беситься, Барабан. Дай ей шпалер, она сама себя сложит. Лучше пошли к ней Маню-Экономку. Может быть ее Маня уговорит. Чего она тебе далась, Барабан, не пойму, честное слово!

Барабан сел в кресло и вытащил из заднего кармана брюк трубку. Он долго и старательно набивал ее, стараясь не просыпать табак на колени, наконец, закурил и сказал, полуобернувшись к Сашке Барину.

— Не будем больше об этом говорить. Ты должен меня понять, Саша!

VII.

Сергей Травин шел по Лиговке в изодранном пиджаке и нахлобученной на самые уши фуражке, немного покачиваясь из стороны в сторону и, как солдат, махая в такт шагам одной рукою. Другая болталась в гряз-

ном платке, подвязанном под самую шею. Он шел вдоль забора, заплатанного ржавой жестью. Двое рабочих сидели друг против друга на деревянных чурбанах и пилили трамвайный рельс, поминутно поливая рассеченную сталь кислотою.

Сергей остановился возле них и долго с бессмысленным вниманием смотрел, как они работали.

Один рабочий был еще мальчик, лет 16-ти, другой — старик с бабьим лицом, в изодранной кондукторской фуражке.

— Ну и что же? — сказал Сергей, сам не ожидая, что он сейчас что-то скажет, — ну и ни чорта вам не перепилить, пожалуй.

Рабочие молча продолжали свое дело, попеременно наклоняясь друг к другу размеренными движеньями; они походили на игрушку — кузнеца и медведя, ударяющих по деревянной наковальне своими деревянными молотками.

Сергей повернулся и пошел дальше, растерянно блуждая по улице глазами.

Заплатанный жестью забор сменился обшарпанным домом. У подъезда два безобидных каменных льва скалили зубы. Над львами висел кусок картона, на котором был нарисован сапог со свернутым набок голенищем.

— Принимаю заказы. Сапожник Морев, — прочел Сергей.

Он еще раз почти неслышно повторил все это про себя, как будто с тем, чтобы непременно запомнить.

— Сапожник Морев. Именно Морев.

Он поднял брови, прошел несколько шагов, остановился, отправился дальше, пересек Обводный канал и вдруг снова остановился, хлопнув себя по лбу и вспомнив, наконец, что ему напомнила эта фамилия.

— Вот оно в чем дело. Memento mori! Череп с костями. Где она, эта записная книжка?

Он принялся пересматривать карманы пиджака, вытащил письма, сунул их обратно и, наконец, нашел записную книжку Фролова — маленькую тетрадочку, переплетенную в кожаный переплет.

Он оглянулся вокруг, повернулся к мосту и, облокотившись о перила, принялся читать записную книжку; он читал с напряженным вниманием, не пропуская ни одной строки.

Он прочел:

«1. Любовь бывает только раз в жизни.

Де-Бальзак.

2. На прошлой неделе работали с Сашей на Песках. Купили бинбер, Саша хотел отначить для Кораблика — не дал. Бинбер продали в Олене на блат.

3. Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла,
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты, Манечка, ушла!

Сергей перевернул страницу: дальше шли какие-то рисунки. Двое людей с револьверами за поясом несли в руках знамя; на знамени было написано печатными буквами:

Гамля, жаба, двадцать пять
Дай на шпаллер, дай сыграть!

На следующей странице Сергей прочел стихотворение «Под душистою веткой сирени».

За стихотворением шла краткая заметка:

«Сегодня, 27-го июня, Пятак записал на Елагином какого-то брица. Смылся».

Вслед за заметкой Сергей прочел длинную выписку из какого-то переводного романа:

«Дорогая Антуанетта. Я хочу одним словом рассеять все твои страхи. Слушай: если я тебя брошу, я буду достоин тысячи смертей. Отдайся мне окончательно. Я дам тебе право меня убить, если я изменю. Я сам напишу эту бумагу, в которой изложу некоторые мотивы, по которым будут вынуждены меня убить; я объявлю также мои последние распоряжения. Ты будешь владеть этим завещанием, каковое узаконит мою смерть, и можешь, таким образом, отомстить мне, не боясь ни людей, ни бога».

Далее без всякого перехода следовало замечание:

«Буй сработал перацию на Васильевском. Купил порт.»

Бурей жизнь моя изрыта,
Дух исканий помертвел,
Хляет смерть, и в ней сокрытый
Жизни налетчика предел.

* * *

Слышу возглас похоронный.
Росхлись, мазы! И вперед!
Рвите грудь мою вороны,
Пусть будет все наоборот!

* * *

Разошлись больные нервы
Пред работой на беду.
Жизнь моя! Милашка — стерва!
Я на мокрое иду!..

Сергей вдруг отступил на шаг и, размахнувшись, швырнул записную книжку в Обводный канал.

Потом он оборотился и пошел дальше по Лиговке, немного покачиваясь из стороны в сторону и, как солдат, махая в такт шагам здоровой рукой.

Старушке в малиновом чепчике, той самой, что называла себя кружевницей, выдался счастливый день: во-первых, она нашла серебряное колечко с затейливой буквой М, во-вторых, ее соседка, известная злыдня, сегодня ошпарила себе руку.

Поэтому старушка в чепчике сидела на ступеньках четвертого подъезда дома Фредерикса, рассматривала затейливую букву на колечке, смеялась в кулачок и мурлыкала про себя:

«Пусть Новый год
С собой несет
Игры, подарки»...

хотя Новый год по справедливости должен был принести старушке в чепчике три аршина земли на Смоленском кладбище.

Так она пела и грелась на солнце, когда Сергей Травин, растерянно поглядывая вокруг себя глазами, на которые лучше всего было одеть синие консервы, подошел и молча остановился перед нею.

Старушка хотя и заметила странные глаза человека с подвязанной рукой и в нахлобученной на самые уши фуражке, но ничего не сказала и продолжала мурлыкать свою песенку.

— Не знаете ли вы, — спросил Сергей, обратив, наконец, вращающиеся глаза на старушку в чепчике, — где здесь живет Молотова, Екатерина Ивановна?

Старушка прервала перечисление предметов, которые она хотела бы получить на Новый год, и отвечала:

— Молотовой нет.

— Как нет? Она не живет здесь?

— Живет-то живет, да сейчас нет.

— Ничего, я подожду ее. Какой номер ее комнаты?

— Она ушла, — сказала старушка в чепчике, начиная смеяться в кулачок, — третью неделю не приходит.

Сергей затряс головой и схватил ее за руку.

— Как третью неделю? Уехала? Одна? Да говорите же, что же вы молчите!

— Ушла, не уехала, — повторила старушка в чепчике, смотря на Сергея с удовольствием, — ушла и не вернулась обратно. Надо полагать, пропала окончательно.

— Не оставила ли она чего-нибудь? Записки или адреса?

— Ничего она нам не оставила. Кто ж ее знает? Девица одинокая, — ушла да и не вернулась.

— А все-таки может быть... что-нибудь осталось?

— А остался от нее шиш, — сказала убежденно старушка в чепчике, — примус один, да и тот сломанный.

— А все-таки — позвольте мне пройти в ее комнату. Или там уже кто-нибудь другой живет?

— Никто не живет. Пустая комната.

Старушка в чепчике встала, вытащила откуда-то из-под юбки ключ и молча показала его Сергею.

Они вошли в подъезд и поднялись по лестнице.

— Будет темно, — сказала старушка в чепчике, — держитесь рукой за стены.

Они свернули за угол и несколько минут в полной темноте кружились по лабиринтам дома Фредерикса. Наконец, старушка в чепчике остановилась перед одной из дверей, выходивших в круговой коридор, и вставила ключ в замок.

— Вот здесь она и живет.

Сергей остановился на пороге и с напряженным вниманием оглядел комнату Екатерины Ивановны.

Комната имела такой вид, как будто хозяйка ее с минуты на минуту должна была вернуться.

На ночном столике лежала открытая книга, подушки на кровати были смяты, и одеяло отброшено; штора окна была отдернута наполовину.

Сергей вошел в комнату.

— Может быть вы разрешите, — сказал он тихим голосом, — посмотреть здесь ее письма, книги?

— Пожалуйста, посмотрите, — сказала старушка в чепчике, — а только ничего не найдете.

Он подошел к маленькому письменному столу, на котором в беспорядке разбросаны были книги, взялся за корешок, потряс над столом каждую из них, в надежде, что откуда-нибудь выпадет письмо или записка, и ничего не нашел; тогда он попытался выдвинуть ящик стола. Ящик легко выдвинулся; он был полон всякой рухлядью — тряпочками, лентами, даже соломенная шляпа была затиснута куда-то в самый угол.

Но среди рухляди стали попадаться бумаги. Тогда он сразу высыпал все, что было в ящике, на стол и наткнулся на связку писем, перевязанных простой тонкой веревкою.

Едва только он развернул одно из них, как его поразил до странности знакомый почерк.

Он взглянул на подпись, прочел: «твой Сергей», с размаху швырнул письма на стол, повернулся и пошел к двери.

— Я ничего не нашел здесь, бабушка, спасибо вам.

Старушка подошла к нему поближе.

— А вы Екатерине Ивановне будете брат или другой родственник? Я вижу, что вы очень интересуетесь ее судьбою.

Она посмеялась в кулачок и продолжала:

— Я вам могу все рассказать, если хотите. За один раз тридцать копеек.

— Как это тридцать копеек?

— Меньше никак, никак не могу.

— За какой же один раз?

— За одно гаданье. Я очень, очень гадаю на картах.

— Нет, бабушка, спасибо за услугу.

Сергей сунул ей какие-то деньги и вышел; но не успел он отойти и десяти шагов по коридору, как старушка позвала его обратно.

— Молодой человек!

— Что вам, бабушка?

— Нужно уж вам сказать: на другой день, как ушла Екатерина Ивановна, я нашла в ее комнате письмецо. Должно быть она его уходя-то и обронила. Вот это письмецо у меня имеется.

Старушка снова полезла куда-то под юбку и вытащила оттуда небольшое письмо, без печатей и марок, переданное, должно быть, из рук в руки.

Сергей молча взял у нее письмо и пробежал его глазами: это было предложение поступить на службу в какой-то союз в качестве стенографистки. Имя Фролова попадалось в письме два раза.

Сергей прочел до конца и вдруг вскинулся как бешеный.

Он в одну минуту вывернул карманы своего пиджака, отыскал среди бумаг, взятых у Фролова, письмо с вымогательством 1025 рублей от какого-то Павла Михайловича и его глубокоуважаемой супруги и принялся сравнивать оба письма с быстротой, от которой строки метались и прыгали в глазах.

Оба письма были написаны одною рукой.

— Они ее утащили, мерзавцы! — проворчал он, серый, как крот, от ярости.

Сунув все бумаги в карман, он повернулся и вышел.

Старушка в чепчике проводила его внимательным взглядом, снова посмеялась в кулачок и вернулась на свое место.

У нее сегодня счастливый день: во-первых, человек с подвязанной рукой дал ей много денег, во-вторых, она нашла серебряное колечко с буквой М, а в-третьих, ее соседка, известная злыдня, до локтя ошпарила себе руку.

VIII.

— Клей!

— Да ну? Посый?

— Не посый, так я бы с тобой говорить не стал!

— Врешь!

Сашка Барин нахмурился.

— Я с тобой в пустяках работал?

— Ну, ну. На сдюку, что ли?

— Я с тобой не на сдюку работал?

— А как шевелишь, на сколько дело ворочает? На скирью стекленьких будет?

— Поднимай выше.

— На чикву?

Барин покачал головой и с большим вниманием начал рассматривать свои ногти.

— На пинжу? На сколько же, чорт побери?.. Неужто...

Барин наклонился к нему через стол:

— На лондру стекленьких!

Тетинька открыл рот, стукнул зубами:

— Труба! А где?

— Где? — это я тебе скажу на Бармалеевой. Один ювелир...

— Ну как, идет?

Тетинька замолчал и стал задумчиво сощелкивать с колен хлебные крошки.

— Жара!

— Подо мной без жары еще не работали.

— Погоди, Сашка. Мы подумаем!

— Кто это мы?

— Да я со Жгутом!

— Я твоего Жгута дожидаться не буду. Будешь работать, так приходи сегодня вечером на Бармалееву. Нет, так...

Сашка Барин прошел к дверям и у самых дверей столкнулся с вертлявым мальчишкой. Мальчишка носил длинную кавалерийскую шинель и в руке держал тросточку.

— Вот и Жгут!

Жгут, не здороваясь, пошел к столу, сбросил фуражку и выплюнул изо рта папиросу.

— Слышали, братишки?.. Гришка Савельев засыпался.

Барин вернулся, закурил и сел, положив ногу на ногу.

— На квартире! Пришли и взяли. Лягнул кто-то... Теперь плохо, пожалуй, стенку дадут.

Жгут побегал по комнате, хлопнул себя по лбу и закричал:

— А про Кольку Матроса слышали? Я его вчера в Народном Доме встретил; он открыто признал — хвастал, е.... его в душу мать. Говорил, что всех продаст.

Жгут подошел к Сашке Барину.

— Не скажись дома, Сашка, он ведь про вашу хевру знает!

— Ничего не знает. Воловёр.

— Он говорил, что скоро начальником бригады будет, меня звал на службу в угрозыск.

Тетинька выругался по матери, Сашка Барин равнодушно посмотрел на Жгута своими оловянными бляхами.

— Жгут, — сказал Тетинька, — есть работа. Барабан нахлил.

— Мальё!

— Если мальё, так сегодня вечером приходи на Бармалеву. Там договоримся. Дело посое.

Барин кивнул головой и вышел.

— Аристократ, конечно, и сволочь, — сказал Тетинька, подмигнув глазом на двери, — но фартовый же парнишка, ничего не скажешь, честное слово!

Пустыри, хазы, ночлежные дома города, 200 лет летящего чорт его знает куда своими проспектами, иногда поднимаются на стременах. Наступает время работы для фартовых мазов, у которых руки соскучились по хорошей пушке. Шпана, до сих пор мирно щелкавшая с подругами семечки на проспектах Петроградской стороны и Васильевского Острова, катавшаяся на американских горах в саду Народного Дома, проводившая вечера в пивных с гармонистами или в кино, где неутомимый аппарат заставлял американок нежного сложения подвергаться смертельной опасности и быть спасенными Гарри Пилем, любимым героем папиросников, — теперь оставляет своим подругам беспечную жизнь.

Зато в гопах в такие дни закипает работа: в закоулочных каморках, отделенных одна от другой дощатыми перегородками, барыги скупают натыренный слам, наводчики торгуют клеем, домушники, городушники, фармазонщики раздербанивают свою добычу. Гопа гудит до самого рассвета, и если бы ювелир Пергамент в такую ночь встал с постели и провел два часа на Свечном переулке, так он соорудил бы целый арсенал под прилавком своего магазина.

Первым со скучающим видом вошел Барин, за ним Тетинька и Жгут.

Барин вытащил наган и приблизился к прилавку. За прилавком стоял пожилой еврей, который, судя по внешнему виду, верил в бога и аккуратно платил налоги.

— Ключ!

Из второй комнаты, в глубине магазина, выбежал молодой человек с пробором.

Он зашел было за прилавок, потер руки, поклонился, но тут же увидел наган Сашки Барина и побледнел так, как будто ему за это хорошо заплатили.

— Ключ!

Пожилой еврей затрясся, замигал глазами, ущипнул себя за подбородок и опустил руку в карман пиджака.

Жгут перевернул на стеклянной двери дощечку с надписью: «Закрыто».

Ключ с трудом влез в замочную скважину и отказался повернуться.

— Не запирается! Не тот ключ!

Сашка Барин оборотился к двери, и тогда пожилой еврей, верящий в бога, сорвался с места. Серебряная вилка полетела в окно и воткнулась в подоконник.

— А, шут те дери!—заорал Тетинька, вытаскивая револьвер,—выходи из-за прилавка, сволочь!

— Зекс! — сказал Барин.

Он подошел к хозяину и приставил наган к животу, на котором болталась цепь с брелками.

— Последний раз говорю, дадите ключ или нет?

Рука вторично опустилась в карман, и на этот раз ключ повернулся дважды.

— Теперь пройдите, пожалуйста, в соседнюю комнату,—вежливо заметил Барин.

Молодой человек с пробором открыл рот и окаменел; Тетинька дал ему пинка, он завизжал поросенком и, механически шагая, отправился в соседнюю комнату.

Пожилой еврей уже сидел там, закрыв лицо руками, качался из стороны в сторону и говорил по-еврейски.

Тетинька утвердился на пороге с револьвером в руках и начал утешать своих пленников.

— Ничего, ребята! Тут ни хрена не поделаешь, бывает! Дело наживное. Очистили — и никаких двадцать. А вы еще вилкой бросаетесь, сволочи! Рази можно?

— Не мои вещи, не мои вещи, — бормотал еврей.

— А рази можно чужими вещами торговать? Что ты!

Барин быстро и аккуратно укладывал драгоценности в небольшой чемодан. Жгут набивал карманы часами и кольцами; через несколько минут он тикал с головы до ног на разные лады.

— Готово.

Барин остановился на пороге соседней комнаты.

— Ложитесь!

— Ложитесь, вам же лучше будет, малявые! — подтвердил Тетинька.

Молодой человек с пробором вскочил и лег на пол с таким видом, как будто это доставляло ему большое удовольствие.

— Лицом вниз!

Пожилой еврей со стоном грохнулся на пол.

— Кажется, того... — сказал Тетинька.

— Если вы закричите или подниметесь с пола раньше, чем через полчаса, — сказал Барин, — так... Впрочем, вставайте, чорт с вами, и помогите вашему старику! Он, кажется, умирает.

Человек с пробором впал в транс и только тихо посапывал.

— Ну, шут с ними! — сказал Тетинька, — айда!

Они вышли, закрыли за собой дверь и заставили ее конторкой.

Жгут завертывал в клочок бумаги часовые инструменты, стекла.

— Жгут, ты засыплешься из-за этой дряни! Айда!

Ключ повернулся в замке сперва изнутри, потом снаружи.

Первым вышел Жгут. За ним Тетинька и Барин.

На углу они постояли немного, закурили, поговорили о погоде и разошлись в разные стороны.

IX.

На углу Рыбацкой улицы, против пустыря, на котором все собаки Петроградской стороны познают радость жизни, стоит ресторан Прянова.

В этот ресторан каждую ночь приходят с дамами военморы в удивительных штанах, лавочники в пиджаках и косоворотках и просто так, неизвестные люди. Эти люди предпочитают носить пальто с кушаком и фуражку с золотыми шнурами, надвинутую на глаза или сброшенную на затылок.

Если никому неизвестный человек, как всякий человек, хорошо знает все, что было вчера, то он никогда не уверен в том, что его ожидает сегодня. Поэтому в карманах его пальто на всякий случай лежат еще 2 — 3 шапки: беспечная кепка, строгий красноармейский шишак и хладнокровная, как уголовный кодекс, панама.

Военморы тащат из кармана бутылочку, пьют ерша и, полные морского достоинства, до поздней ночи играют на биллиарде.

Лавочники скромно слушают музыку и терпеливо, подолгу выбирают подходящую для короткой встречи подругу.

Просто так, неизвестные люди садятся по-двое, по-трое где-нибудь в уголку и говорят о том, что Васька Туз сгорел, а Соколов продает, о том, что Седому посчастливилось найти новую хазовку на Васильевском и что лягавые ходят за Паном Валетом Шашковским.

Внизу на улице возле ресторана Прянова гуляют барышни в цветных платочках, повязанных по самые глаза. Они гуляют от одного кинематографа до другого, от Молнии до Томаса Эдиссона и обратно, лущат семечки, рассматривают снимки боевика

в 24-х частях, поставленные под стекло витрины, скучают и ищут друга на час, на ночь, на год, на целую вечность.

К полуночи, когда гаснут кинематографические огни, проспект Карла Либкнехта погружается в темноту, — только ресторан Прянова еще сверкает, шумит, волнуется, и биллиардные игроки гулкими, как револьверный выстрел, ударами пугают кошек, уже сменивших собак и, подобно собакам, испытывающих на заброшенном пустыре живейшее из жизненных наслаждений.

Тогда начинается жаркая работа для милиционеров. Посетители Пряновского ресторана, нагрузившись вволю, начинают сомневаться в реальности и целесообразности всей вселенной: они начинают крушить все вокруг, и иная барышня из сил выбивается, чтобы спасти ночь, уговорить буйного друга и увести его от беспощадного, как мировой закон, мильтона.

Сергей Травин бродил по городу.

Он искал в ночлежных домах, в пивных, в самых глухих притонах человека, имя которого — С. Качергинский — стояло в письме, полученном от старушки в малиновом чепчике и прозвищем которого — Турецкий Барабан — было подписано письмо за церковной печатью. Любой агент сказал бы, что у него губа не дура, потому что за этим же самым человеком в течение года безуспешно охотился уголовный розыск по делам, перед которыми похищение какой-то стенографистки было пустою шуткой.

Сергея не знала шпана.

Его считали, не без оснований, за лягавого, и при появлении его в гопах на Обводном канале, на Свечном 11 — тотчас умолкали или начинали говорить о достоинствах Кораблика перед Машкой Корявой,

о погоде, о кинематографе, о политике, притворяясь либо простыми папиросниками, либо молчаливыми служащими трамвайного парка.

Однажды в чайной на Лиговке Сергей рискнул показать какому-то клёшнику, с которым разговорился по-дружески и вместе пил чай, письмо за подписью Турецкого Барабана.

Клёшник внимательно прочел письмо и посмотрел на Сергея, чуть-чуть сдвинув брови:

— Чего?.. Наводишь?

— Я хочу узнать, не скажете ли вы мне, где найти этого самого человека, который подписал письмо?

Клёшник вскочил и, ни слова не говоря, побежал к двери.

Уходя, он обернулся к Сергею и сказал, скривив рот и грозя ему кулаком:

— Что же ты, лярва, думаешь, что я своих продавать буду?..

Как-то ночью Сергей забрел в ресторан Прянова, поднялся наверх и сел за стол, прямо напротив зеркала.

Из зеркала на него посмотрело лицо, которое он не узнал и которое стоило продать за николаевские деньги.

Он пересел за другой столик и спросил пива.

Ресторан был полон.

Под картиной, изображающей не то сосновый лес осенью, не то гибель Помпеи, расположилась компания подгулявших торговцев, которыми распоряжался толстый, багровый человек с обвислыми усами.

Багровый человек одновременно ругал официантов, шутил с барышнями и с удивительным искусством подсвистывал струнному оркестру.

Недалеко от них, за круглым столиком, сидели трое парнишек лет по 15-ти, задававших форсу и игравших под больших.

Один из них, заложив ногу на ногу, каждую минуту кричал струнному оркестру:

— Наяривай, наяривай! — и открывал круглый, как яйцо, глаз.

Двое других спорили друг с другом о достоинствах какой-то Лельки Зобастенькой, курили без конца и беспрестанно пили пиво.

Говорили все разом, и смешанный говор изредка прорезывала мелодия знаменитой «мамы».

Веселенькие цветочки прыгали на обоях, с золоченых карнизов спускались какие-то кудрявые гардины, на стене, прямо напротив Сергея, было прибито объявление:

«Согласно постановления администрации
Сквернословие воспрещается.
С виновных в таковом будет взиматься штраф».

Внизу в уголку было приписано мелкими буквами:

«Коли так, так и х... с вами».

Сергей приглядывался к своим соседям.

Рядом с ним сидели два молчаливых посетителя, которые, не обращая никакого внимания на все, что происходило вокруг, спокойно тянули пиво, изредка обмениваясь друг с другом двумя-тремя словами.

Оба курили: один, степенный, лет 35-ти, курил трубку; другой, одетый под военмора, в фуражке с щегольским козырьком, держал в руках сигаретку

Сергей допил свое пиво и пересел поближе к соседям.

— Разрешите, — сказал он, вытащив из коробки папиросу и наклоняясь с папиросой в руках к тому, что курил сигарету.

Тот молча дал Сергею прикурить.

— Вы позволите мне здесь посидеть, — сказал Сергей, — там, знаете ли, ужасно бьет в уши оркестр.

Человек с трубкой едва заметно показал на него глазами своему товарищу.

— Пожалуйста, садитесь.

Некоторое время все трое молча тянули пиво.

Подгулявший торговец с отвислыми усами держал за жилетку какого-то маленького человечка и кричал во весь голос:

— Нет, ты мне скажи, если я к твоей жене приду, она мне что?.. Она мне даст или не даст? Вот ты, например, на железной дороге производишь хищения! Так по этому поводу она должна мне дать или не должна?

Куривший трубку прижал пальцем потемневший пепел и спросил, обратившись к товарищу:

— Этого как фамилия, не знаешь?

— Этот с Ситного, мучной лабаз на углу Саблинской, — ответил тот.

— А вы как, тоже торговлей занимаетесь? — спросил Сергей.

Старший чуть-чуть повел глазами, постучал пальцем по столу и отвечал:

— М-да. Торгуем. Мебельщики

«Знаем мы, какие вы мебельщики», — подумал Сергей».

— Как теперь торговля идет? Теперь многие возвращаются обратно в Питер, должно быть снова обзаводятся мебелью?

Старший пососал трубку и ответил спокойно:

— М-да. Ничего. Не горим. Хотя покамест больше покупаем.

Младший чуть-чуть не захлебнулся пивом, поставил стакан на стол и взял в рот немного соленого гороха.

«Принимают меня за агента», — подумал Сергей.

Он перегнулся через стол и спросил словами, которые усвоил себе во время своих скитаний по петроградским кабакам:

— А клея нет?

Старший вынул трубку изо рта.

— Как?

— А клея, спрашиваю, не предвидится?

— Это что же такое значит клей? — спросил старший с таким видом, как будто ему сказали что-то даже оскорбительное, пожалуй, — клей нужно не у мебельщиков, а у москательщиков спрашивать.

«Не дается, — снова подумал Сергей, — принимает за агента».

Старший подозвал официанта, расплатился и поднялся со стула, пыхтя трубкой; младший мигом вскочил и насмешливо раскланялся с Сергеем.

Сергей остался сидеть, следя за ними глазами; оба прошли в соседнюю комнату — в биллиардную.

На столе лежали пивные бутылки, какой-то гарнир на жестяной тарелочке, блюдечко с горохом.

Сергей заплатил за пиво; встал из-за стола с намереньем уйти от Прянова; в одно мгновенье ему опротивели веселенькие цветочки на обоях, струнный оркестр, багровый человек с отвислыми усами.

Однако, не успел он сделать и двух шагов, как кто-то хлопнул его по плечу:

— Ну, дружочек, что̀ заработали сегодня?

Он обернулся: перед ним стояла девушка лет 22-х, в клетчатой мужской кепке, надвинутой низко на лоб. В руке она держала тросточку и похлопывала ею по высоким красным ботинкам с острыми каблучками.

— Ну, одолжите папироску!

Девушка села на стул и потянула его за рукав.

— Садитесь.

Сергей послушно уселся.

— Я давно на вас смотрю; у вас, миленький, очень симпатичные глаза. Что ж это вы такой скучный? Выпьемте лучше пива, чем скучать!

— Одну минуту, — сказал Сергей, — не знаете ли вы случайно, кто это вот тот высокий с трубкой, там, около окна, видите, выходит из биллиардной?

— Вот тот? Это один такой человек.

— Какой это такой человек?

— Ну да! А вам зачем это знать нужно, а?

— Просто так. А кто же он такой, этот человек?

Девушка перегнулась к нему через стол и спросила шопотом:

— А вы кто? Лягавый? Скажите мне, я никому не скажу.

— Нет, я не лягавый.

Сергей заказал пива, вытащил коробку с папиросами и предложил закурить.

Девушка взяла две папироски, одну закурила сейчас же, другую положила куда-то за козырек своей кепки. Она не сидела на месте, вертелась, вскакивала каждую минуту и смотрела в зеркало, выставив вперед подбородок.

— А как вас зовут, барышня?

— Сушка.

Она засмеялась, села рядом с ним и заложила ногу за ногу. Коротенькая, потрепанная юбчонка задернулась, и маленькая нога в высоком красном ботинке открылась до колена.

— Пейте, пожалуйста, пиво, — сказал Сергей.

— Мерси.

Она отпила немного, поставила бокал на стол.

Оркестр гремел, затихал, гремел снова и все чаще плакал о том, что плохо жить без пальто и без теплого платочка, когда настанут зимние холода, столь чувствительные в нашей северной столице.

— Вот теперь у нас плохой оркестр играет — говорила Сушка, следя глазами за длинным скрипачом, который извивался, как ярмарочный змей, вместе со

своей скрипкой,— а вот весной играл маэстро Ридель, так многие из-за одного оркестра приходили.

Она увидела, что Сергей смотрит мимо нее, куда-то поверх клетчатой кепки, в зеркало, мимо зеркала — на золоченые карнизы, мимо карнизов — в темные оконные стекла.

— Скажите, миленький, почему вы такой скучный? Вы мне скажите, я и раньше заметила, что вы скучали.

— Нет, какой же я скучный, я веселый, — сказал Сергей, — пейте, пожалуйста. Так вы значит здесь часто бываете?

— Ну, что же — пейте, да пейте! Расскажите мне лучше причину.

— Какую причину?

— Экой же вы несговорчивый! Ну, дайте мне вашу руку, — я умею гадать по линиям рук. Сейчас расскажу все, что с вами случилось.

Она взяла руку Сергея и деловито запыхтела папиросой.

— Я у одной хиромантки когда-то служила в компаньонках, вот она меня и выучила. Ой, какая у вас нехорошая рука.

— Почему же нехорошая?

— Потому что у вас линия жизни непервоначальная.

— Как это так — непервоначальная?

— Мне вас даже жаль, миленький, вам что-то очень не везет последнее время.

Сергей вдруг вскочил и отнял у нее руку.

— Ну, ладно, довольно.

Сушка тоже встала и, небрежно похлопывая тросточкой по своей истрепанной юбчонке, подняла голову и лукаво заглянула ему в лицо.

— Брось, не скучай по ней, фàртицер! Я тоже топиться хотела, когда меня мой студент бросил. И ничего. Видишь, до сих пор гуляю!

Сергей отступил на шаг и посмотрел на нее с таким видом, как будто перед ним стояла не проститутка Сушка, а доктор тайной магии Бадмаев или граф Калиостро.

— Откуда вы знаете, что она меня бросила?

— А что, правда или нет?

— Правда.

— Хм, откуда знаю? А ты думаешь, фартицер, что вас мало таких по бар...ышням шляется?

Сергей молча уселся против нее.

— Знаете что, барышня, бросим этот разговор, выпьем лучше пива. Или может быть портвейну?

Сушка пыхтела папироской и напевала сквозь зубы:

Мальчик девочку любил
И до дому проводил,
И у самого крыльца
Ланца дрица а ца ца!
Вот идет девятый номер,
На площадке кто-то помер.
Тянут за нос мертвеца,
Ланца дрица а ца ца!

Сергей пил портвейн из стакана. Он один выпил почти всю бутылку—цветочки на обоях вдруг врезались в глаза с удивительной отчетливостью, потом сплелись, расплелись и свернулись.

Скрипач с бешенством встряхивал белокурыми волосами, летел за смычком и ни с чем возвращался обратно.

— Слушайте, барышня...—Сергей для убедительности даже стукнул себя кулаком в грудь.—Не в том, понимаете ли дело, что бросила... Я бы, может быть, и сам ее бросил... Если бы... А, долго рассказывать! Пейте лучше портвейн.

Он опустил голову на грудь и закрыл глаза.

— А теперь, когда я его....

Он сжал кулаки с такой силой, что ногти врезались в ладони.

— Да я бы сразу ее забыл, если бы я ей все сказал! А я не могу сказать, потому что она пропала!

Сушка поставила локти на стол и слушала его с вниманьем.

— Куда же она пропала?

— Неизвестно куда. Никаких следов. Пропала, как дым.

— Выпейте теперь сельтерской, — посоветовала Сушка.

— Послушайте, барышня... я вам одну вещь покажу... А вы мне скажите, что эта вещь означает; то-есть не вещь, собственно говоря, а письмо. Самое настоящее письмо и подписано, знаете ли..... Нет, не скажу.

Он оглянулся вокруг себя, внезапно начиная трезветь.

— Или вот что... пойдемте куда-нибудь отсюда и там... я вам его покажу.

Сушка кивнула головой.

— Идет. Только, знаете что... я сперва выйду, а вы потом расплатитесь. Я вас внизу на улице подожду.

Она встала, чуть-чуть покачиваясь, прошла между столиков, мимоходом заглянула в биллиардную, как будто ища кого-то глазами, но тотчас же отвернулась и начала спускаться по лестнице.

Сергей подозвал официанта, расплатился и, держась руками за все, что попадалось по пути, добрался до выхода.

Спускаясь по лестнице, он увидел, что Сушка отворяет выходную дверь.

Он спустился вслед за нею и на последних ступеньках вплотную столкнулся с давешним человеком в фуражке с лакированным козырьком, одетым под военмора.

Человек, на которого он наткнулся, воротился назад, посмотрел на Сушку, которая спешила перебежать улицу, приподнимая короткую юбчонку, потом на Сергея, сплюнул сквозь зубы, заложил руки в щегольские штаны и присвистнул каким-то особенным свистом.

X.

«19 сентября в 1 час дня в больнице Жертв Революции скончался агент уголовного розыска Н. И. Рюхин, который несколько дней тому назад был ранен налетчиком в одном из домов Фурштадтской улицы.»

— Этого, кажется, Пятак накрыл!

«Смерть последовала после операции извлечения из области живота агента Рюхина застрявшей там пули. Незаметный герой умер на своем служебном посту, его сразила пуля этого негодяя-бандита.

Покойный Н. И. Рюхин определенно отличался особым усердием в исполнении возложенных на него оперативных заданий.

Не пора ли взять в железные рукавицы эту паразитарную братию?»

Сашка Барин бросил газету на окно и, не слушая о чем говорил, картавя, Турецкий Барабан, закурил папиросу и задумался.

Он был недоволен: с тех пор, как Барабан замарьяжил эту девчонку, дела идут все хуже и хуже.

Хевра начинает трещать, Пятак работает на стороне, дело с госбанком загнивает. Напрасно не отдали на сдюку последнюю работу — было чисто сделано. Нужно сплавить девчонку, или Барабан потеряет последний форс.

— Уважаемые компаньоны! Рыхта для госбанка должна была потребовать достаточное время. Мы сделали подработки, как нужно.

— В чем раньше было дело? Дело раньше было в том, чтобы найти хороший шитвис, но, во-первых, сейчас нельзя подобрать хороших кассиров. Откровенно говоря: мальчиком нельзя же открыть сейф. Тогда я сказал, что я недаром учился на раввина. Мы будем работать по новейшей системе, за нашей спиной — Запад.

Шмерка вытер вспотевший лоб платком и продолжал:

— Я сказал: пусть нам дорого встанет такая лаборатория, не нужно забывать, что нас ждет дело большого масштаба. Хевра не проиграет от такой постановки дела.

Пятак сидел против него с растерянным видом. Его клонило ко сну, и он с трудом раздвигал слеплявшиеся веки.

— Компаньоны! — продолжал Барабан, закладывая пальцы за пуговицы своего жилета.—Сработать госбанк, это не портняжить с дубовой иглой, компаньоны. Для этого нужно иметь под рукой — цивилизацию!

— Я говорю!—меня не интересуют бумаги, которые завтра будут — пха, и которые вы можете достать, наставив шпалер на лоб. Нам нужно рыжевье! Нам нужна наховирка! Подавайте нам звонкую монету!

— Ладно, отлично, — равнодушно сказал Барин, — на какой день мы назначим работу?

— Мы назначим работу на пятницу, — в четверг в госбанк будут сданы деньги кожтреста. Они пролежат только один день, — это мне известно досконально.

— Послушай, Барабан, — Барин говорил медленно, ровным голосом, — ты уже истратил деньги, которые получил от меня и Тетиньки за ювелира на Садовой?

— В чем дело? — спросил Барабан, — тебе нужны деньги, Сашка? Или, быть может, ты сам хочешь вести работу?

— Я спрашиваю, — спокойно повторил тот, — истратил ли ты деньги, которые мы передали тебе на прошлой неделе?

— Я не истратил эти деньги! — передразнил Барабан, — а как ты думаешь, откуда я знаю, что в четверг в госбанке будут деньги из кожтреста, и где именно они будут лежать? Это стоит денег или нет? Мне нужно платить кожтресту или нет? Меня критикуют, а? Мне не доверяет хевра!

Пятак, наконец, отогнал сон, раздвинул слипшиеся веки и соскочил с окна.

Он заложил руки в щеголеватые штаны и прошелся по комнате.

— Какого рожна тебе нужно от него, Сашка? — сказал он со злобою, — чего ты пялишь на него лупетки, сволочь? Он плохо работает, Барабан? А в прошлом году, когда ты уговорил штымпа, он тебя не выручил? Ему бабки для дела, он после отчитается во что пошло, а ты хевру поганишь, жиган! А еще фай называется!

Барин чуть-чуть побледнел, медленно поднялся со стула и вдруг, подпрыгнув, одной рукой схватил Пятака за ворот его матросской блузы, другой ударил его в лицо.

Кровь брызнула из рассеченной скулы.

Пятак, оскалив зубы, кинулся на него, но тут же остановился на мгновенье, чтобы вытащить из-за пояса нож.

Барабан сорвался с места и бросился между ними.

— Довольно, — закричал он с гневом, — довольно этих глупостей! Ха! Это еще новое дело!

Пятак отошел в сторону, пряча нож. Он вытирал рукою кровь на разбитой скуле. Минуту спустя он

вышел и тотчас же вернулся снова с папиросой в зубах.

Барин медленно опустился на стул.

— Мы делаем дело! — объявил Барабан, садясь на прежнее место.—Спокойствие! Терпение! Барин, я отчитаюсь перед хеврой, когда угодно! Пятак, я не нуждаюсь в адвокатах! Я сам знаю, что я делаю, и то, что я делаю, не могут изменить ни мои защитники ни мои прокуроры! Баста, на этом покамест оставим пустяки, недостойные серьезных людей!

Он помолчал несколько минут.

— Дело обстоит в следующем, — продолжал он, — я остановился на пятнице. Да, именно в пятницу! В четверг мой инженер, между прочим, также закончит все приготовления.

Барабан замолчал, потемнел и как будто только теперь обиделся на подозрения Сашки Барина.

— Вот, если угодно,—сказал он с обидой в голосе,— отличный случай. Вы хотите реабилизации? Вы получите ее! Я вам докажу, Барин, могут ли в моих делах быть какие-либо междруметии. Я больше не хочу полагаться на одного меня. Пусть сам инженер расскажет о том, как он сделал это! Я его выдумал, этого инженера, и, пожалуйста, отлично, проверяйте меня!

Он выбежал в коридор и спустя несколько минут вернулся с Пинетой.

Пинета был бледен, но весел. Он с комической важностью вошел в комнату и отвесил каждому из налетчиков в отдельности низкий поклон.

— Очень рад вторично с вами встретиться, — сказал он, протягивая Барину руку, — необыкновенно рад! Живешь-живешь один-одинешенек и вдруг встречаешь знакомого, даже хорошо знакомого человека.

Барин посмотрел на него с удивлением, но, впро-

чем, с неожиданным для него радушием пожал протянутую руку.

— Пинета, — громко сказала Пинета, подходя к Пятаку.

Пятак нехотя ухмыльнулся, схватил руку, смутился и принялся закуривать.

Пинета был настроен очень весело. Барабан не успел еще начать демонстрацию своей блестящей выдумки, как Пинета подсел к нему совсем близко и по-приятельски хлопнул его по коленке.

— Ну, а ты как поживаешь, старичок?

Барабан молча снял с колена руку Пинеты, посмотрел на него внушительно и начал:

— Я уже говорил вам об инженере Пинета — лучшем специалисте по сталелитейному делу.

Пинета кивнул головой с одобрением.

— Действительно — лучший специалист.

— Мы пригласили инженера для того, чтобы он сделал нам в моментально то, что даже хороший шитвис не сделает в два часа с половиной. И он берется это сделать, как человек, понимающий, что такое есть настоящее дело.

— Я берусь это сделать в моментально, честное слово! — весело подтвердил Пинета.

— Прошу не перебивать, — продолжал Барабан, — сейчас он расскажет нам свой проект, но это, конечно, это же мой проект — проект вскрытия ливерпульских сейфов в госбанке.

Он оборотился к Пинете с покровительственным видом:

— Говорите, инженер, не стесняйтесь!

Пинета встал и снова отвесил низкий поклон налетчикам.

Он вдруг стиснул зубы, сжал руки в кулаки и перестал смеяться.

— За двадцать пять лет, которые я прожил,—начал он, делая шаг вперед и подходя к Барабану ближе, — я встречал очень много бездельников, которые притворялись настоящими людьми. Но такого макового бездельника, как вот этот толстый еврей, я не встречал ни разу.

— Он сошел с ума, — спокойно определил Барабан. — Бедняга, у него наверное есть старые родители.

— Вы думаете, что вы налетчики? — закричал Пинета, потрясая сжатыми кулаками. — Портачи!

Барабан откинулся немного назад и посмотрел на Пинету серьезно.

— Что вы хотите этим сказать?

— Портачи! — повторил Пинета с удовольствием. — Вы думаете, что вы увезли инженера Пинету, Михаила Натановича?

— Именно так, — подтвердил Барабан.

— Портачи! — в третий раз повторил Пинета, — вы увезли художника Пинету. Инженер Пинета — мой дядя — в прошлом году умер!

Все замолчали. Пятак было засмеялся, но тотчас же умолк и только свистнул от удивления.

— Инженер Пинета в прошлом году умер? — переспросил Барабан. — Что значит умер?

— Умер, как все умирают, — так это и называется; если бы вы тогда меня не увезли, так и я бы, пожалуй, умер. От голода.

— Он сошел с ума, — закричал Барабан, — гоните его! Этого не может быть! Не может быть, чтобы инженер умер!

Барин встал и не торопясь подошел к Барабану. Он наклонился к нему через стол, спокойно следя, как краска сбегала с лица, которое стиралось перед ним, как мел стирается губкой, и сказал, опустив углы губ и всматриваясь в Барабана с презрением:

— Эх ты... задница овечья!

Барабан, не поднимая головы, блеснул исподлобья глазами, снова побагровел, вытащил из заднего кармана револьвер и с силой, которой от него нельзя было ожидать, вдруг ударил Пинету в лоб рукояткой револьвера.

Пинета взмахнул руками и без крика свалился на пол. Тогда Барабан сорвался с места, с яростью закричал и ударил Пинету ногой в лицо.

И этот новый удар как будто сбросил с рук Барабана веревку. Он схватил табурет и принялся с размаху бить им по телу, которое под каждым новым ударом послушно отбрасывалось назад.

Он топтал Пинету ногами и бил по лицу до тех пор, покамест лицо не превратилось в красный блин с закрытыми глазами.

Тогда Пятак схватил его за руку и сказал, становясь так, чтобы защитить Пинету от новых ударов:

— Будет!

И схватив Пинету под мышки, он вытащил его из комнаты, проволочил через коридор и с помощью Мани-Экономки уложил на кровать.

— Его Барабан измордовал, — ответил он на расспросы Мани, — ты за ним тут походи, пожалуйста; он будет настоящий фай, помяни мое слово!

Он вернулся обратно и, еще не дойдя до комнаты, в которой так неожиданно был разыгран Турецкий Барабан, услышал горячий разговор. Он сразу же узнал ровный и вежливый голос Сашки Барина.

— О чем тут говорить? Ясно, конечно, что дело не в этом Пинете. Дело в том, что за последнее время ты склевался и потерял голову. Твое личное дело, Барабан, возиться со всякими девчонками, но чтобы это не касалось работы! Или чорт с тобой, бросай хевру и открывай гопу на Обводном.

Пятак засмеялся и отворил двери.

Барин попрежнему сидел на том же самом месте; он забросил ногу за ногу, курил и при каждом слове кривил гладкие, как бы отполированные губы. Барабан стоял перед ним, потупив голову, как нашаливший мальчик; он весь обвис, утомился и посерел.

— Я у тебя тогда спрашивал, какого дьявола нам нужен этот инженер? Когда мы приехали, я на лестнице спросил — знаешь ли ты человека, которого нам нужно взять? — «Цивилизация, современная техника Запад!» — вдруг передразнил он хрипловатым картавым голосом, расставив немного ноги и закинув голову совершенно так, как это делал Барабан, — «меня не интересуют бумаги, давайте нам наховирку и звонкую монету!»

Пятак подошел к нему сзади, дернул за рукав и глазами показал на Турецкого Барабана.

Тот все еще не поднимал головы, но снова начал багроветь, почему-то начиная со лба, на котором выступили крупные капли пота.

Барин вгляделся в него, замолчал и принялся тащить из кармана своих офицерских брюк портсигар.

Барабан перевел затрудненное дыхание и поднял голову. Он был почти спокоен.

— Ладно, довольно разговоров, — сказал он, поглядев на обоих налетчиков так, как будто ничего не случилось.

— Работа назначена в пятницу?

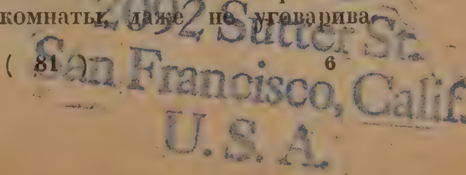
Он стукнул кулаком по столу и закончил:

— Так значит работа будет сделана в пятницу!

XI.

Сушка жила на Васильевском Острове, на —ом переулке, у старой финки Кайнулайнен.

Это была старая высохшая финка, которой ничего не платили за комнаты, даже не уговарива-

лись о плате и только удивлялись тому, что хотя она вовсе ничего не ест, но живет и даже страдает желудком.

Финка не жаловалась, не плакала, но каждый день писала по-фински открытки и опускала их в почтовый ящик, из которого уже более 2-х лет не вынимались письма...

Сергей шел за Сушкой, чуть пошатываясь, прищуривая то один, то другой глаз так, чтобы свет от фонаря разлетелся тонкими стрелами, и внезапно раскрывал глаза так, чтобы фонарь снова повис над улицей неподвижным и тяжелым шаром.

— Чорт меня возьми, куда я иду за этой б.....? Мне нужно скрываться, уйти в нору, в подворотню, в землю.

Он взял свою спутницу под руку и заглянул в лицо. Сушка шла, опустив голову, похлопывая тросточкой по своей ветхой юбчонке.

— Сушка! Как тебя зовут?

— А тебе на что это знать, миленький?

— А кто это тебя окрестил Сушкой?

— Мой типошничек.

Какая-то густая сырость вдруг поползла Сергею за ворот пиджака, спустилась по спине и разошлась по всему телу. Он задрожал, поднял ворот и заложил руки в рукава.

— Брр...... холодно. Что же это такое типошничек?

— Ну, пойдем, пойдем, тут мильтоны шляются.

Они прошли освещенные улицы, — тротуары почернели, дома слились в огромные сплошные ящики с беспомощными, мигающими окнами.

«Может быть, за мной следят? Может быть, кто-нибудь идет за мной (он обернулся), а сейчас спрятался вот там, вот в той подворотне?»

— Вот уж никак бы я не поверила, — сказала Сушка, — что есть такой человек, который не знает, что такое типошник.

— Да ты мне скажи, что это такое?

Сушка замедлила шаги и притянула его поближе.

— Это мой... зуктер. Ну, понимаешь?

— Зуктер? Зуктер так зуктер, шут с ним. А хороший он у тебя?

— У меня?

Сушка остановилась перед каким-то поганеньким задрипанным домишкой и застучала в ворота.

— У меня, брат, зуктер — прямо знаменитый человек. Его весь Петроград знает.

— А как его зовут?

Завизжал замок, и заспанный дворник впустил их во двор.

— Сюда, сюда,—говорила Сушка, таща его за рукав.

Они поднялись по лестнице, и Кайнулайнен впустила их в кухню.

Сергей поднес руку к лицу; ему вдруг невыносимо, до дрожи захотелось спать. Он зевнул с содроганьем и спросил почти про себя, с усилием разнимая слипшиеся глаза:

— Чем же он знаменит, твой зуктер?

— Эка дался тебе мой зуктер! Он.... ну.... ну, мебельщик.

Они были уже в комнате, когда Сергей услышал это слово, сказанное минуту тому назад.

Он вскинул брови, и тут же перед ним возникли кудрявые гардины, жестяные тарелочки, одесская мама и голос человека, курившего трубку:

— М-да. Торгуем... Мебельщики.

Он схватил Сушку за руки.

— Как? Что ты говоришь? Мебельщик?

Сушка, наконец, рассердилась на него.

— А тебе что за дело? — спросила она, вырывая руки и глядя на него сердито, — ты что, подрядился, что ли, допрашивать? Лягавый ты, что ли?

Сергей опомнился.

— Послушай, Сушка... Я хотел показать тебе письмо.

Он расстегнул пиджак, вытащил письмо, найденное им на мертвом Фролове, и, перегнув пополам, показал Сушке печать церкви Гавриила архангела.

Сушка нахмурила брови, вытащила изо рта папиросу, немного побледнела и сказала, приглядевшись к печати и забрасывая ногу на ногу:

— Ну, а чем ты мне докажешь, что ты не лягавый?

Сергей посмотрел на нее с отчаяньем. Он сел на кровать и опустил голову на руки.

— Ну, слушай, я тебе расскажу... чорт с ним, все равно, только бы отыскать ее...

Сушка вскочила, принесла разбитое блюдечко вместо пепельницы, сунула в него окурок, закурила новую папироску и приготовилась слушать.

Сергей сразу начал говорить, говорить, говорить безостановочно, шагая по комнате.

Он говорил как будто читая по книге, забывая о том, что Сушка и не знает вовсе того, о чем он ей говорил, ходил из угла в угол, останавливаясь, чтобы взмахнуть рукой, и снова начиная ходить.

— Не в том дело, не в том дело, что прислала письмо, — ну, что же, я и правда когда-то просил известить, сказать! Не в том дело, что ушла к другому, все равно к кому, даже к нему, к Фролову, к налетчику, как я это неделю тому узнал, а то, что он ее продал, понимаешь ли, продал?

— Лягавый! Лягавый! Да какой же я лягавый, когда мне самому скрываться надо; я — арестант, поли-

тический арестант, меня может быть по всей России ищут, — ну, не убьют, конечно, но ведь ищут, чтобы арестовать! И арестуют в ту же минуту...

Он остановился и поглядел куда-то поверх лица Сушки на стену, как будто там, на серой исцарапанной стене находилось то самое, — человек, предмет или даже слово, которое было ему нужнее всего в эту минуту.

— Подожди, как ты назвал, Фролов, что ли?

— Ну да, Фролов, налетчик, понимаешь, нашел у него в записной книжке (и в книжке тоже есть, видно, наверное, несомненно, что он — налетчик), нашел три письма, одно от нее, другое через Фролова какому-то человеку, письмо с шантажом. Вот оно, это самое, что я показывал, — с печатью. Ну, может быть, не налетчик, все равно, вор, грабитель. Или убийца? Наверное, наверное убийца.

Он остановился и взмахнул рукой, как бы отбросив Сушке в лицо последнюю, фразу.

— Чем же, чорт возьми, я докажу тебе, что я не лягавый? Ах да, хорошо, я покажу письма!

Он принялся рыться в боковом кармане своего пиджака, выбросил на стол груду каких-то затрепанных бумажек, нашел письмо Екатерины Ивановны, то самое, которое он получил от нее в тюрьме, и положил его перед Сушкой.

Сушка развернула письмо, но не стала читать, а продолжала слушать.

— Что же мне было делать? — говорил Сергей, безостановочно шагая по комнате, — должен был приехать, непременно должен. Просила не беспокоиться, поберечь себя, не винить... Кого не винить? Ее? Я ее ни в чем винить не буду, только бы найти, чтобы сказать, объяснить, да нет, хоть ничего не сказать, а только увидеть, узнать, что она жива.

Сушка все еще не читала письма, облокотилась на стол и задумалась, потирая рукою лоб, собранный в мелкие морщины.

— Я знаю, что продал, именно продал, — снова заговорил Сергей,—потому что нашел у нее письмо, понимаешь, подняла какая-то старуха у дверей, в коридоре; в нем он, Фролов, два раза упоминается и должен был сообщить адрес. Он должен сообщить адрес! Это не спроста, что именно он. Почему же в письме не указан адрес? Вот, прочти, кем подписано, посмотри фамилию, не знаешь?

Сергей сел, снова вскочил и начал оттягивать ворот рубахи, который вдруг почему-то показался ему невероятно узким.

— Послушай, фàртицер, — да подбодрись, не склевывайся, найдется, — заметил ты того, что встретился с тобой у Прянова в подъезде? Я видела, что ты встретился с ним, когда я перебегала улицу. Вот он и есть мой типошник. Он из той хевры, от которой письмо, то, с печатью, понимаешь? Это одна хевра, одна, понимаешь? Да я тебе сейчас ничего говорить не буду... Я все узнаю, что нужно.

Сушка откусила и сплюнула мокрый конец папиросы, покусала ногти и снова задумалась.

— Ну да! И еще у меня в той хевре подруга есть, зовут Маней, Маней Экономкой. Она тоже скажет, что знает. Но прямо скажу тебе, фàртицер, что это трудное дело. Одно слово: Барабан!

— Барабан? Ну да, Барабан подписал письмо. Одним почерком написаны оба, и то, с шантажом, и к ней, — один человек писал, потому-то я и догадался. Его-то именно я и ищу целую неделю. Кто он, где его найти, ты его знаешь?

Сушка задумчиво постукивала пальцами по папиросной коробке.

— Ну, знаю. Вот что, фартицер! Приходи ко мне в четверг, часов в 10 вечера. Но прежде... Подожди, у тебя мать есть?

— Нет, у меня...

— Что?

— Никого нет! Один! А зачем?..

— Никого, ни сестры ни брата?

— Никого, она только и была; да нет, не в том, видишь ли, дело...

— Ну, ладно, бог с тобой. Я тебе и так поверю. А ведь бывают такие накатчики, я-то не встречала, но знаю, что бывают; наговорит с три короба, письма пишет, а потом...

Сергей как-то сразу осел, утомился, побледнел. Он снова присел на диван, не слушая, что говорила Сушка, согнулся и даже закачался от невероятного желания уснуть, даже не уснуть, а хотя бы закрыть глаза, ничего не видеть и не слышать.

Сушка еще не кончила рассказывать ему о том, какие уловки иной раз подкатывают лягавые, как он уже спал, уткнувшись головой в спинку дивана и беспомощно бросив руки вдоль согнувшегося тела.

Сушка прервала себя на полуслове, встала, заглянула ему в лицо и раза два прошлась по комнате, прищуривая глаза и как будто примеряясь к чему-то.

— Маня Экономка — свой человек. Маня поможет, не выдаст, но Пятак?.. Ох, если узнает Пятак.

Она еще раз поглядела на Сергея.

— Жалко все-таки!—и поправила свесившуюся на пол руку.

Потом она разделась, вскочила в одной рубашке, бросила на Сергея какое-то изодранное пальто с торчащей во все стороны подкладкой, закурила папиросу и, наконец, улеглась в постель, закрывшись с головой одеялом.

XII.

До выполнения задуманного дела хороший налетчик ничего не пьет. Он по опыту знает, что на работу нужно итти с ясной головой, чтобы в случае опасности не растеряться и спокойно встретить все, что может встретить человек, который никогда не опускает предохранителя на браунинге и которому нечего терять, кроме жизни, а жизнь для хорошего налетчика запродана наперед, он почти всегда уверен в том, что когда-нибудь попадется.

Вот почему он может сгореть, но никогда не потеряет голову и не упустит случая задорого продать свою жизнь, за которую ни один человек, кроме верной марухи, не даст ломаного пятака старой императорской чеканки.

Но на этот раз Шмерка Турецкий Барабан изменил своему обыкновению.

Он пил и с ним вся хевра пила в трактире «Олень» на Васильевском Острове.

Они сидели за столом в малине, небольшой комнате в два окна, которая обычно служила для уговора о работе, и где содержатель «Оленя» принимал особо важных посетителей, которые по особым причинам предпочитали малину Шпалерке или степе, к которой идут налево.

В малине стояла мягкая мебель и были раскрашены стены.

На одной стене грациозно сплетались три грации, пожилые уже женщины с суровым выражением на лицах. Эти грации в причинных местах были еще раз подмалеваны посетителями малины.

На другой стене катилась пивная бочка, на которой сидел толстый, весь в складках иностранец, опрокинувший в рот кружку с пенистым пивом.

Обычно, из опасения, чтобы не накрыл угрозыск, рядом с малиной, в узеньком полутемном коридорчике, стоял на стрёме трактирный мальчишка. Теперь не было никого. Барабан, который любил пить на свободе, снял мальчишку с его поста и отворил двери настежь.

— Хевра пьет, и пусть весь «Олень» знает об этом!

За круглым столом, накрытым скатертью с княжеской меткой, на котором стояли графины с водкой, ветчина, зажаренная так, что звонко хрустела на зубах, швейцарский сыр с дырками величиной с голубиное яйцо и маринованные грибы, круглые и скользкие как рыбий глаз,—сидели Барабан, Сашка Барин, Володя Студент и барышни.

За стеною в трактирной зале был слышен шум, стук посуды, глухой говор, гармонисты разливались и ревели Клавочку, кто-то хохотал, свистел и топал ногами.

Здесь, в малине, пили почти молча, как будто делали важное дело, которое нельзя было нарушать пустыми разговорами.

Даже барышни призумолкли; впрочем, они были как будто только для того, чтобы не нарушать обычаев «Оленя».

Барабан сосредоточенно пил водку. Он был не брит и с коммерческим видом закладывал свои толстые пальцы за проймы жилета.

Сашка Барин, надевший для пьяного дня черный офицерский галстук, молча оглядывал круглый стол своими оловянными бляхами.

К полуночи пришел Пятак, как всегда одетый под военмора.

С его приходом все мигом изменилось.

— Ха, братишки!—заорал он,—выпиваете? Я тоже, если говорить правду, выпил. Но только я больше

через маруху пью, а вы чего? Ну ладно, коли так, так налейте и мне...

— Пфа, — он покрутил головой и объяснил одним словом: — марафет.

Барышни облепили Пятака. Он целовал одну, подталкивал другую и хватал за разные чувствительные места третью. Наконец, веселый и пьяный, добрался до стола и сел, положив ноги на соседний стул.

— Что же это вы молчите, братишки, а? — снова заорал он. — Девочки, танцовать! Где Горбун? Горбун, сукин сын! Позовите мне Горбуна! Моментально на месте устроим Народный Дом.

Одна из барышень опрометью выбежала из комнаты искать Горбуна.

Горбуном звали любимца публики, здешнего Олсневского исполнителя чувствительных романсов.

— Ого, он хочет устроить здесь Народный Дом, — сказал Барабан, — это — предприятие. Пятак, эй, возьми меня в компанию!

— Становись, — кричал Пятак, — Володя Студент, становись, устроим качели!

Он двинул Володю Студента плечом, стал к нему спиною и крепко сплел его руки со своими.

— А ну, кто кого перекачает? Начинай. Раз!

И Пятак присел к земле с такой силой, что Володя Студент взлетел на воздух.

В следующую минуту он сделал то же самое, и теперь Пятак в свою очередь, болтая ногами в воздухе, изобразил качели Народного Дома.

— Рраз! — сказал Пятак.

— Два! — отвечал Володя Студент.

— Рраз!

— Два!

— Рраз!

— Два!

Так они поднимали друг друга до тех пор, покамест Володя Студент охнул и в полном изнеможении потребовал водки.

Пятак бросился на диван и отер пот, который катился у него по лицу градом.

— Перекачал!..

В это время, покачиваясь, с важностью, которая так свойственна всем горбунам, в комнату медленно вошел любимец Оленевской публики, маленький человек в длинном сюртуке с огромным горбом спереди и сзади и с волосатыми, как у обезьяны, руками.

Вслед за ним вошел огромный человек с цитрой, который как будто несколько стеснялся своего высокого роста. Это был аккомпаниатор Горбуна и его бессменный товарищ.

— А, Горбун пришел! — заорал Сенька Пятак, отнимая ото рта графин с водкой и ставя его на стол почему-то с большими предосторожностями.

— Номер второй! Горбун, исполняй «Черную розу»!

Горбун заложил руку за борт сюртука, отставил ногу назад и стал таким образом в позу.

Он для чего-то вытер платком руки, слегка поклонился и начал не петь а говорить романс глухим, сдавленным, трагическим голосом.

Хевра слушала. Барабан сложил руки на животе, приподнял голову и моргал от удовольствия глазами.

Черную розу — блему печали
При встрече последней тебе я принес,

говорил Горбун, с некоторой хищностью раздувая ноздри:

Полны предчувствий, мы оба молчали,
Так плакать хотелось, но не было слез!

Он опустил голову, сложил руки на груди и замолчал с видом приговоренного к смерти; но тут же подался

вперед, с отчаянием поглядел на всех присутствующих и продолжал:

Помнишь, когда ты другого любила...

Пятак, который успел заснуть на диване, внезапно проснулся от какого-то слова, произнесенного с шипеньем, и потребовал другой жанр.

— Стой!—крикнул он,—я дальше и без тебя знаю. Братишки, пусть он нам споет «Мы со Пскова два громилы!»

— Как это два громилы? — спросил Горбун тонким голосом, совсем не тем, которым он говорил свой романс, — что вы?

— А что?

— Разве мы можем исполнить такой романс? Что ты на это скажешь, Христиан Иваныч?

Большой человек с цитрой крикнул «нет» таким голосом, как будто он взял хитрую ноту, по которой настраивал свою цитру, и снова замолчал.

— Не хотите?—грозно заорал Пятак, вскакивая с дивана,—не хотите, блошники? Так и х... с вами, мы сами споем! Братишки, покажем ему как нужно петь хорошие песни! Девочки, подтягивай! Начинай!

Он поставил одну ногу на стол, приложил руку к груди и затянул высоким голосом:

Мы со Пскова два громилы
Дим дирим, дим, дим!
У обоих толсты рыла
Дим дирим, дим, дим!
Мы по хазовкам гуляли
Дра ла фор, дра ла ла!
И обначки очищали

И м ха!

Через несколько минут вся хевра, даже Турецкий Барабан, пела так, что в малине дрожали стены.

Вот мы к хазовке подплыли
Дим дирим, дим, дим!
И гвоздем замок открыли
Дим дирим, дим, дим!
Там находим двух красоток
Дра ла фор, дра ла ла!
С ними разговор короток

И м ха!

Только Сашка Барин, пересевший от стола на диван, курил и молчал, поджимая губы.

К нему подсела было барышня в высоких ярко-красных ботинках, с черной ленточкой на лбу, но он оттолкнул ее и продолжал молча следить за Пятаком, который, разойдясь во-всю, вскочил на стол и, размахивая руками, дирижировал своим хором.

Барабан с тревогой посматривал на Барина:

— Ой, Сашка имеет зуб к Пятаку!

Вот мы входим в ресторан,
Дим дирим дим, дим!
Ванька сразу бух в карман
Дим дирим, дим, дим!
Бока рыжие срубил
Дра ла фор, дра ла ла!
Портсигара два купил

И м ха!

Эй, буфетчик старина,
Дим дирим, дим, дим!
Наливай-ка, брат, вина
Дим дирим, дим, дим!
Вот мы пили, вот мы ели
Дра ла фор, дра ла ла!
Через час опять сгорели

И м ха!

Пятак заливался во-всю, на шее у него трепетал кадык, он обнял двух барышень и вдруг, вложив два пальца в рот, свистнул так, что у всей хевры зазве-

пело в ушах, а барышни бросились от него врассыпную.

— Стой! — кричал Пятак уже хрипнущим голосом, — шабаш! Кто гуляет? Хевра гуляет! Где хозяин? Давай еще номера! Танго! Хевра, братишки! Пускай нам дают танго! Народный Дом! Барышни! Угощаю! Поднимите руки, кто еще не шамал?

Он позвал трактирного мальчишку, велел ему накрыть отдельный стол для барышень и повалился на диван в изнеможении.

Минуту спустя он уже расталкивал Турецкого Барабана, который внезапно впал в задумчивое и созерцательное настроение, лил пиво в фуражку Володи Студента и старался, чтобы одна из девочек изобразила собою перекидные качели Народного Дома.

Из коридорчика, соединявшего малину с трактирной залой, появились, взамен Горбуна и его товарища, два новых артиста.

Это были знаменитые Оленевские тангисты — Джек и Лилит — оба одетые в черное с нарочитой, прямо щегольской скромностью; он — в гладкой блузе с глубоким мозжухинским воротом, она — в простом кружевном платье с воланами и длинными рукавами.

— Тангуйте,—кричал Пятак,—аргентинское танго! Мандолину! На мой счет! Лопайте, барышни!

Из толпы, теснившейся в узком коридоре, вытолкнули худощавого человека с бойким хохолком на голове и мандолиной под мышкой.

Музыкант сел, ударил по струнам косточкой, и тангисты, почти не касаясь друг друга, приподняв головы и глядя друг другу в глаза, сделали несколько шагов по комнате, поворотились обратно, расстались, и Джек склонился перед своей подругой с удивительной для «Оленя» скромностью.

Барабан все еще с тревогой следил за Сашкой Барином.

— Ой, будет плохо Пятаку! Загнивает хевра.

— Будет! — кричал Пятак. — Теперь я! Теперь мой номер! Сушка! Барышни, позовите Сушку! Сейчас мы с ней исполним свое танго!

— Эй ты, смерть ходячая, — кричал он Джеку, — ты думаешь, я хуже тебя танцую! Сейчас мы, шут те дери, исполним такой танец... Сушка! Да где же она? Я же с ней пришел! Девочки!

Девочки почему-то молчали. Музыкант последний раз ударил косточкой по струнам и закончил танго.

Среди полной тишины Барин встал со своего места и медленно, ничуть не торопясь, подошел к Пятаку.

— Тю-тю, — вдруг сказал он, подмигнув одним глазом.

Пятак уставился на него с недоумением.

— Чего?

— Сушка-то тю-тю! — пояснил Барин, — другого кота нашла!

Должно быть об этом в «Олене» говорили уже давно, потому что едва эти слова были произнесены, как все закричали разом.

Барышни пересмеивались, Володя Студент засвистал, музыкант с хохолком почему-то ударил по струнам.

— Что ты сказал?! — Пятак вдруг протрезвел, сделал шаг вперед и схватил Барина за руки.

— Я сказал, что Сушка твоя тю-тю. С другим котом гуляет!

— Псира!

Пятак отступил назад, нащупывая в заднем кармане штанов револьвер. Девицы с визгом посыпались от него. Барабан вскочил, готовый вступиться в драку.

— Оставь пушку! — спокойно сказал Барин, — это все знают. Что, марушечки, я правду говорю?

— Стой, не отвечай! — бешено закричал Пятак.— Если правда... Я сам! Я сам узнаю!

Он быстро сунул револьвер в карман, повернулся и выбежал из малины. Никто его не удерживал. Он пробежал трактирную залу и, бормоча что-то про себя, спустился по лестнице.

Он ушел, и все понемногу разбрелись из малины. Ушли артисты, изображавшие Народный Дом, разбежались понемногу девочки, и за круглым столом остались только Турецкий Барабан, Сашка Барин и Володя Студент.

— Сволочь ты, Сашка, — сказал Барабан, — сволочь и паскудство. Ну к чему разыграл Пятака? Ведь перед работой пьем, перед делом большого масштаба пьем, мазы.

Барин ничего не ответил.

Пили почти молча, как будто делали важное дело, которое нельзя было нарушать хохотом и пустыми разговорами.

Хевра пила и думала о том, что на-завтра нужно заряжать револьверы, что можно сгореть, но нельзя потерять голову, что нужно стараться задорого продать свою жизнь, за которую ни один человек, кроме верной марухи, не даст ломаного пятака старой императорской чеканки.

XIII.

Было еще не так поздно, часов 11 или 12 ночи, когда Пятак выбежал из «Оленя». Вокруг «Оленя» стояли извозчики, на углу пьяный, ласковый матрос объяснял милиционеру, который крепко держал его за руки, устройство военно-морских судов, вокруг них собралась толпа папиросников.

Папиросники гоготали.

Пятак выбежал из трактира без шапки и вспомнил об этом только у третьего от 7-й линии квартала, и то потому только, что стал накрапывать дождь.

Пройдя несколько, он повернул в переулок. Он шел теперь, заложив руки в карманы штанов, посвистывая.

Баба, закутанная в изодранный зипун, с палкой в руках стояла у подворотни.

Пятак прошел мимо бабы и остановился посреди двора, подняв вверх голову.

Прямо над головой было небо, на котором плавало какое-то грязное белье, гонимое осенним ветром, под небом—крыша, под крышей слева от водосточной трубы — окно Сушки.

Пятак выругался: окно было освещено.

— Возвратилась, стерва!

Он отыскал за углом, рядом с помойной ямой, вход (где-то высоко горела угольная лампочка, которая догорала и никак не могла догореть) и поднялся по лестнице.

Финка Кайнулайнен отворила ему двери, сообщила, что у Сушки гости, и ушла, оставив Пятака в такой темноте, что, кажется, ее можно было схватить руками.

Он чиркнул спичкой. Спичка осветила коридор, который лучше было не освещать, обиделась и погасла.

Пятак зажег другую и отыскал комнату Сушки: тоненькая полоска света проходила между дверью и полом.

Он приложился глазом к замочной скважине и ничего не увидел: либо скважина была заложена бумагой, либо кто-то сидел очень близко к двери.

Зато он услышал разговор, который постарался запомнить.

— Ты мостик через Карповку знаешь, у газового завода? Ну, Бармалееву знаешь?

— Бармалеева? Это за Подрезовой?

— Там на углу возле мостика ты подожди. Я с Маней уговорилась, понимаешь. С подругой, которая в той хазе живет. Она тоже жалеет.

— Послушай, — заговорил мужской голос, — а что же... а как ты скажешь про меня?.. Скажи, что знакомый, или... Или нет, скажи—Сергей Травин, она знает, кто̀ я и все про меня...

— Да пустяки! Не все ли равно, кто? Небось, сама убежит, как стреляная.

Кто-то прошелся по комнате, и Пятак снова приложился глазом к замочной скважине: он увидел широкую мужскую руку, схватившуюся за спинку стула.

— Только бы удалось, только бы удалось, чорт возьми. А там я... Послушай, Сушка, а тебе за это?..

— На углу Бармалеевой, мать твою так, — вдруг сообразил Пятак, — на углу Бармалеевой?

Он скрипнул зубами.

— На Бармалееву хазу ка̀пает, стерва!

Мужская рука снялась с замочной скважины, и Пятак увидел Сушку: она стояла перед комодом, над которым висело небольшое зеркальце, и надевала свою полосатую кепку.

— Боюсь я одного человека, — услышал Пятак,— да что же с вами, шибзиками, поделаешь? Надо уже вам помочь!..

Пятак в темноте передернул плечами и подкрутил острые черные усики.

— Ну, погоди же, псира! — подумал, он, ощупывая нож за поясом, на котором держались его матросские штаны, — узнаешь ты, каково продавать мазов.

— Ну, теперь айда!

— А что если... она не захочет итти, когда узнает, что это я ее буду ждать... Может быть, не говорить имени,—сказать просто: один из друзей или...

— Эй, склевался ты, фартицер! Да подбодрись же! Ничего не скажу, скажу — свой человек, и никаких двадцать.

Пятак услышал короткий стук повернутого выключателя. Только-что он успел отскочить и, отбежав подальше по коридору, спрятаться за каким-то не то чуланчиком, не то сортиром, как Сушка вместе со своим собеседником вышла из комнаты. Пятак подождал две-три минуты, вылез из-за своего прикрытия, добрался до кухонной лестницы и благополучно миновал выгребную яму.

На улице под первым же фонарем он узнал в спутнике Сушки того самого человека, которого несколько дней тому назад встретил с нею в ресторане Прянова. Он вспомнил Барина и как будто снова услышал медленный и насмешливый голос:

— Сушка-то тю-тю! Другого кота нашла!

— Да ведь какого кота! Не простого... — Пятак сжал кулаки, — а лягавого.

Шел мелкий промозглый дождишка. Почти никого уже не было на улицах. Бородатые, с палками в руках, сторожа перед каждым домом вырастали из мокрого тротуара.

Сушка со своим спутником свернули на набережную Невы.

Пятак прятался за углы, в подворотни, в подъезды и шел за ними.

— Сушка продает Бармалееву хазу?! Убью лярву, своими руками убью!

Биржевой мост внезапно открылся во всю длину, как будто кто-то взял его двумя руками за фонари и разом вытянул за два передние фонаря до Зоологического переулка.

Пятак перебежал от Биржи на другую сторону и спрятался в тень, отбрасываемую маяком: он четко

различил на мосту две фигуры, под светом фонаря отбросившие длинные тени на деревянный тротуар.

В ту же минуту эти темные фигуры сорвались с места и побежали так, как будто кто-то с оружием в руках гнался за ними.

Пятак выбежал на мост.

Едва только он прошел несколько шагов, как услышал тяжелый, прерывистый звук цепей.

— Мост! А! Мост поднимают!

Те, за которыми он следил, перешли мост и стали спускаться к набережной с той стороны Невы.

Он побежал бегом, но не успел пробежать и 20 шагов, как увидел, что деревянная часть моста медленно начинает подниматься.

Он остановился на одну секунду, но тут же с бешенством притопнул ногой и снова пустился бежать. Цепи скрипели, и с каждым оборотом машины мост начинал пухнуть и коробить деревянную спину.

Он, наконец, добежал до пролета, которым оканчивался разорванный на-двое мост.

Под ним скрипели цепи, и видны были какие-то железные уступы, оси и визжащие блоки; еще ниже смутно блестела белесая, подслеповатая вода. Пятак остановился еще на одно короткое мгновение, увидел вдалеке темные фигуры, которые вступили уже в свет фонарей, где-то на Кронверкском проспекте, и перевел дыханье.

В следующее мгновенье он, как будто сбрасывая всю свою силу в напряженные ноги, уже летел вниз. Перед ним неясно мелькнули темные очертанья машин и светлая полоса воды; он упал на носки, едва удержался на ногах и несколько мгновений простоял неподвижно, взявшись рукой за голову и только чуть-чуть покачиваясь из стороны в сторону.

Потом он потащил было из кармана смятую папиросную коробку, нашел окурок, сунул его в рот и поискал спичек.

Спичек не нашлось; он выругался, выплюнул окурок и побежал по мосту бегом.

Сушка и ее спутник шли вдоль Народного Дома. Немного погодя они свернули на Сытнинскую площадь, и больше у Пятака не оставалось никаких сомнений.

— Продала! А, хоть бы встретить кого-нибудь на Белозерской. Хоть бы Барабан знал!

Он никак не мог обдумать, что нужно делать, как предупредить эту неожиданную опасность; когда прошли Белозерскую, и он не встретил никого из мазов, он решил действовать своими силами.

Покамест он остановился в подворотне где-то за Малым проспектом, пощупал, на месте ли нож, быстро пересмотрел обойму браунинга и поднял предохранитель; он не знал, с кем ему придется иметь дело.

— У лягавого наверное не одна пушка в пальте!

Он потуже затянул ремень на штанах, сунул браунинг в карман и вышел из подворотни: Сушка одна перебегала улицу.

— Ах, мать твою так, уходишь!

Он, больше не остерегаясь, бросился за ней.

Сушка быстро шла по Бармалеевой. У фонаря она остановилась, закурила папиросу и пошла дальше. Она напевала Клавочку:

Он сел на лавочку
И вспомнил Клавочку,
Ее глаза и ротик, как магнит,
Как ножкой топает,
Как много лопает,
Как стул под Клавочкой жалобно трещит!

Пятак вдруг остановился.

— Я тут хляю за ней, а он тем временем... Ах, курва, да что же это я!

Он бросился назад.

Никого не было на пустынной, как будто вычумленной улице.

Чернели полуразвалившиеся стены на пустырях. Дождь перестал, и сквозь разорванные тучи снова начала высовывать свой синий рог луна. Шагах в двухстах, на проспекте Карла Либкнехта, дребезжала на мокрых камнях пролетка.

Пятак пробежал до Малого и остановился; он знал, что тот, кого он искал, ждет Сушку где-нибудь недалеко. Он несколько раз прошел туда и обратно, заглядывал во все углы, во все подворотни. Никого не было.

Тогда он побежал назад, к Бармалеевой хазе.

Не успел он добраться до полуразрушенной решотки, которая окружала пустырь, как увидел, что Сушка воротилась обратно.

Он заметил, что она переоделась, сменила свою полосатую кепку на длинную шаль и шла как-то несмело, поминутно оглядываясь и ища кого-то глазами.

Пятак отошел в сторону и остановился у деревянного домишки, похожего на сторожевую будку. Справа от него виден был мост через Карповку.

Пятак вжал голову в плечи, передернул плечами и достал нож.

Женщина минуту постояла возле хазовой решотки, точно поджидая кого-то; все движения ее стали как-то неуверенны и несмелы.

Несколько минут она оставалась на том же месте, потом быстро перебежала дорогу и пошла по Бармалеевой.

Пятак пропустил ее мимо себя, вышел из-за своей засады, догнал двумя шагами, взмахнул рукой и, внезапно оскалив зубы, ударил ее ножом в спину между лопаток...

Сергей остался ждать во дворе полуразрушенного дома на Малом проспекте.

Он присел на груду камней, возле какой-то канавы, пролегавшей тотчас же за разбитой стеною.

Беловатый рассыпчатый кирпич, бесшумно раздававшийся под ногою, покрывал двор.

Сергей сидел перед падтреснутой стеною с темно-серыми пятнами, походившими на театральные рожи с изогнутыми ртами.

Какие-то пустяки все лезли в голову; очень явственно стучало сердце.

Он долго потирал лоб, стараясь вспомнить что-то необходимое, нужное сию минуту, без всякого замедления.

Это необходимое было лицо Екатерины Ивановны, которое вылетело у него из головы, из глаз и ушло куда-то, откуда его вернуть было невозможно.

Вместо лица Екатерины Ивановны все лезли на глаза театральные рожи.

Снова пошел дождь. Он снял свою фуражку, и маленький, протертый сквозь сито дождь с уверенностью и как бы с чувством собственного достоинства стал падать на голову, круглую как биллиардный шар.

Прошло минут двадцать, как ушла Сушка.

Надоело ждать; он вскочил и принялся ходить по двору, заглядывая в темные стекла, топча осколки стекла, разбитый кирпич.

Заброшенный сарай скривился на сторону, дверь повисла на одной петле. Сергей толкнул ее ногой, и она проскрипела ржавым басом.

Прошло еще с полчаса. Он, наконец, потерял терпение и выглянул из пустыря: никого не было видно.

Он прошел через ворота, загнул за угол и вышел на Бармалееву.

Шагов за 20 он различил темную фигуру какого-то человека; издалека он принял его за матроса.

Человек шел по другой стороне улицы, заложив руки в штаны и как будто высматривая кого-то.

Он был без шапки, ворот матросской блузы был приподнят и должно быть зашпилен булавкой.

— Уж не меня ли он высматривает?

Человек в матросской блузе остановился в тени деревянного строения, которым кончалась Бармалеева улица. Немного погодя из-за решотки, окружавшей пустырь, на другой стороне улицы показалась женщина в длинной шали, накинутой на голову.

Человек в блузе пропустил ее мимо, сделал шаг за нею.

Еще минута, и Сергею показалось, что его голова оторвалась от тела и, как бы взбесившись, полетела по воздуху. Он услышал отчаянный женский крик, который он узнал, и от которого у него ушло, провалилось, упало, чорт его знает куда, сердце.

Он бросился бежать и, еще не добежав, увидел, что матрос наклонился над женщиной, закутанной в шаль, и качал головой, как будто с сожалением:

— Ах, так это ж не она, не Сушка!

В следующую минуту матрос исчез, как будто растаял в воздухе.

Сергей добежал и ничком повалился на землю. Еще прежде чем добежать, он знал почти наверное, что женщина, лежавшая лицом вниз возле сторожевой будки, была Екатерина Ивановна.

XIV.

Рот был сжат и казался узким, как карандашная линия, глаза открыты, и в них еще стояли слезы — все это Сергей разглядел под светом луны, выстави-

вшей на несколько минут свои рога из-под изодранных облаков.

Он вскочил на ноги и с бешенством царапнул себя по лицу руками.

— Помогите!!

Тут же он как будто испугался своего громкого голоса, снова стал на колени и принялся для чего-то поддерживать руками запрокинутую голову Екатерины Ивановны.

Голова легко перекатывалась в руках, и через несколько минут стало казаться, что она отделилась от тела.

Он снова вскочил и с испугом огляделся вокруг себя; но тут же он как будто позабыл все, что случилось, озабоченно потер лоб и прошелся так, как бы раздумывая, туда и обратно, от одного дома до другого.

— Помогите, — сказал он еще раз и вдруг бросился к Екатерине Ивановне, схватил ее, поднял на руках и понес, крепко прижимая к себе.

Он прошел, спотыкаясь и с трудом ступая потяжелевшими ногами, не более десяти шагов, как увидел высокого человека в полупальто, которое в темноте казалось женской юбкой, одетой на плечи.

Человек стоял у телеграфного столба и с нерешительным видом глядел на Сергея.

— Помогите!

Человек в полупальто повернулся и бросился бежать опрометью. На углу Малого он трусливо поглядел назад и исчез.

— Да как же это, чорт возьми! Что же делать?

Сергей присел на тумбу, не выпуская из рук негибкого тела, которое вдруг показалось ему похожим на куклу.

— И голова вертелась в руках совершенно как у куклы. И глаза...

Он произнес эти слова вслух и испугался этого.

— Что ж, я с ума схожу, — ведь нужно же помочь; ведь ранили, должно быть. кровь идет!

Он осторожно ощупал грудь, руки, лицо, провел рукой по спине и вдруг вскрикнул и вытащил руку.

Рука была в крови, на кончиках пальцев остались следы крови.

— Только бы донести, чтобы помочь, перевязать, остановить кровь!

Он снова вскочил и на этот раз бегом пустился бежать по Бармалеевой.

Улица зашаталась, покатилась вниз, дома, как сломанные декорации, накренились над ним, крыши заслонили небо.

Он добрался, наконец, до проспекта Карла Либкнехта и здесь под первым же фонарем снова заглянул в лицо Екатерины Ивановны.

Лицо внезапно показалось ему отвратительным — нижняя челюсть отвалилась, слюна залила подбородок, один глаз закрылся.

Он положил тело на землю, возле тумбы, и увидел, что весь испачкался кровью, — повсюду, на груди, на руках, даже как будто на подбородке были темные пятна. Он порылся в карманах, вытащил заскорузлый платок и принялся старательно вытирать руки. Пятна сразу отошли, затерлись.

— Помогите же, чорт возьми, ведь нужно перевязать, сейчас же, немедленно!

Откуда-то из-за угла выплыл милиционер.

— В чем дело, гражданин?

Сергей молча вытирал руки и, оттянув край пиджака, смотрел, есть ли на нем пятна.

— В чем дело, гражданин?

— Да нет, ну, в чем же дело?.. — отвечал Сергей.

— Гражданин, в чем дело, что с этой гражданкой?

— Я не успел добежать, понимаете, как тот в матросской блузе... Я кричал, да никого не было. Один встретился было...

Милиционер быстро нагнулся к Екатерине Ивановне, дотронулся до нее рукой.

— Мертвая, что ли?

Он выпрямился, испуганно схватился рукой за кобуру, болтавшуюся у него на поясе и пронзительно свистнул.

— Да нет же, какая мертвая! Ранили, нужно помочь, перевязать, у вас должен же быть бинт под рукой, дежурный бинт, понимаете?

Второй милиционер подбежал к ним с угла Лахтинской и остановился, придерживая рукой шашку.

— Этого надо в дежурку... Мертвая.

Первый милиционер посмотрел на Сергея и взял его за плечо.

— Извозчик!

Сергей пошатнулся и попытался снять с плеча руку милиционера.

— В дежурку? Зачем, в какую дежурку? Чудаки, вы думаете, это я? Поймите вы, что кто-то в блузе, я не успел добежать, как он... А я уже не мог помочь, ведь я же нес ее на себе, не мог даже поддержать голову.

Милиционер посадил его в пролетку. Он сел и продолжал говорить с горячностью.

— Карпухин, эту придется, должно быть, в Петропавловскую, — сказал милиционер.

— Поезжай, — добавил он и ткнул извозчика локтем в спину.

— Стойте, а как же она? — закричал Сергей. — Поймите же вы, чорт возьми, что нужно перевязать рану!

— Сидите смирно, гражданин, — отвечал милиционер.

Сергей закинул голову, вытянул голову и закрыл глаза.

— Оружие есть? — вдруг спросил милиционер.

— Ни о чем я с вами не буду говорить, — раздраженно сказал Сергей, — если вы могли оставить без всякой помощи... Куда вы меня везете?

— Оружие есть? — с испугом повторил милиционер.

Он вытащил револьвер одной рукой, а другой мельком ощупал одежду Сергея.

— А-вввв, — вдруг завыл Сергей,—не везите меня, говорю вам, это тот, в матросской блузе... Разве я стал бы... Да я ее искал по всему городу...

Извозчик остановился.

Милиционер вытолкнул Сергея, и сам соскочил с пролетки.

— Идите вперед!

Они поднялись по лестнице и прошли через полутемный, захарканный коридор.

В коридоре Сергею, как час тому назад у Сушки, вдруг нестерпимо захотелось спать. Он потянулся, зевнул.

— Да вить ни продавали ничиво, — сказал из угла чей-то густой голос, — ничиво, ни капильки, вить гли сибя гнали, исключительно гли сибя, ей-богу.

Милиционер оставил Сергея в коридоре, и сам скрылся за дверью.

— А что до того, что гражданину Коврину, так вить кливита, ей-богу все кливита,— продолжал голос,— гражданин Коврин, он и непьющий, он совсем у бабки покупал, он же сволочь, ей-богу. Он рази может так пить?

Милиционер вернулся снова, взял Сергея за плечо и молча втолкнул его в комнату.

Комната была какая-то клоповая, задрипанная и вся увешанная инструкциями и приказами.

За столом сидел участковый надзиратель, небольшой, коренастый, похожий немного на калмыка, впрочем, с вежливым и даже участливым лицом.

Он писал что-то с деловым видом, старательно выводя буквы.

Сергей прочел вверх ногами.

— Протокол.

Участковый надзиратель поднял на него глаза и спокойно промолвил:

— Как ваша фамилия, гражданин?

— Да нет же, не в том дело, как фамилия. Ведь убили ее, понимаете! Или нет, еще может быть и не убили!

Сергей вдруг взволновался и двинулся куда-то; но не успел он и на шаг отойти от стола, как участковый надзиратель повторил:

— Как фамилия?

— Травин.

Сергей побледнел и ударил себя в лоб рукой. — Что я сделал! Ведь Травин же, в самом деле Травин!

Но тут же он добавил, как будто назвать имя было совершенно неизбежно, когда названа фамилия.

— Сергей. Сергей Травин.

— Сергей Травин, так, — промолвил надзиратель. — Документы имеются?

— Документы? Да нет, у меня и не может быть никаких документов. Ведь я...

«Только бы не сказать, не сказать, не сказать, что бежал, что скрываюсь».

— Что вы?

— Нет, ничего.

Надзиратель медленно отодвинул от себя протокол и уставился на Сергея с вниманием.

— Травин? Сергей Травин?

Он помолчал с минуту, двинул пером по бумаге и вместо того, чтобы приказать отвести арестован-

ного в дежурку, неожиданно для себя самого продолжал спрашивать.

— Ну, хорошо. Так, значит, документов у вас не имеется. Так. А как зовут женщину, у трупа которой вы были задержаны?

Слово «труп» показалось Сергею похожим на деревянную круглую колотушку, которой разбивают мясо.

— Труп! Да нет же! Я, еще когда ехали на извозчике, хотел сказать, что бывают такие случаи, что оживляют, понимаете ли, оживляют! Каким-то образом сжимают в руке сердце, и оно начинает биться.

— К сожалению, труп, — вежливо сказал участковый надзиратель, — так как же зовут эту женщину?

— Молотова, Екатерина Ивановна.

— Молотова, Екатерина Ивановна, — записал надзиратель, — какая профессия и сколько лет?

— Не знаю сколько. Стенографистка.

— Стенографистка, отлично; а где же она проживает, вам известно?

— Да ее украли, понимаете? Продали ее этому Барабану! То-есть я не уверен, что именно ему, именно Барабану, но думаю, да, думаю, что ему!

Надзиратель вскочил и во все глаза посмотрел на Сергея.

— Ба-ра-ба-ну! Какому Барабану?

— Ну да, Барабану! Он налетчик, вы должны были знать это имя! Я хотел даже одно время обратиться к вам, но...

Надзиратель сел с треском и, разбрызгивая чернила, с ужасной быстротой принялся писать что-то.

Через минуту он снова обратился к Сергею, стараясь говорить вразумительно и спокойно.

— Гражданин, успокойтесь. Успокойтесь, гражданин! Скажите мне, известно ли вам местопребывание этого человека, которого вы назвали Барабаном?

— Известно! Впрочем, нет! Не совсем известно. Должно быть, где-то на Бармалеевой. За Малым проспектом. Там у них эта... как называется?... Ну же!... Да! Хаза.

Надзиратель снова подскочил.

— Хаза?!

— Ну да, хаза! Там они держали ее, понимаете ли, ее, Екатерину Ивановну. Я искал ее по городу больше недели, бегал по притонам, по ночлежным домам, наконец нашел, должен был увидеть, увести с собой, и вот... Вы знаете ли, я еще не успел добежать, как он подошел к ней, два шага не больше, и ударил в спину.

— Кто он?

— Не знаю, кто! Какой-то в матросской блузе, ворот зашпилен.

— Подождите... — Надзиратель снова принялся выводить аккуратные буквы. — Так... искал стенографистку Молотову... так... подбежал человек, одетый, по показаниям задержанного, в матросскую блузу, и ударил в спину...

— Каким оружием ударил?

— Не знаю. Вся спина... в крови.

— А откуда же вам известно, что эта женщина была задержана у себя налетчиком Барабаном?

— Откуда известно? Да из письма же! Из письма, которое я нашел у нее в комнате, в доме Фредерикса!

— Где? Так! В доме Фредерикса! Имеется у вас это письмо?

В эту самую минуту Сергей вспомнил, что письмо, которое он взял у старушки из дома Фредерикса, подписано фамилией Качергинского, а вовсе не прозвищем Барабан.

— Имеется у вас это письмо?

— Н... нет. Я его оставил...

— Где?

— Дома.

— Позвольте узнать, — участковый надзиратель ласково наклонился к нему, — где вы имеете местопребывание? Я прошлый раз позабыл об этом спросить.

— Я? Я тут остановился... на Литейном.

— Так. На Литейном. Номер дома позвольте?

— Номер дома?—Сергей назвал первую попавшуюся цифру,— двадцать три.

— Литейный двадцать три, — с готовностью как бы подтвердил надзиратель. Он пересмотрел протокол: — Значит вы показали, что разыскивали эту самую стенографистку, и, наконец, узнали, что она находится в помещении, занимаемом Барабаном на Бармалеевой улице. Так. А от кого же вы это узнали?

Сергей вдруг посмотрел на него со злобой.

— Послушайте, оставьте меня! Я совсем разбит, я больше не могу, честное слово, не могу выдержать. Кроме того, я не скажу вам, от кого я это узнал. Я дал честное слово.

— Нет, вы не волнуйтесь, пожалуйста, — сказал надзиратель, — может быть вы курите? Разрешите, я вам предложу папироску. Так. Значит дали честное слово. Так и запишем: дал честное слово.

Он немного помолчал и потом продолжал спрашивать, сам закуривая папиросу.

— А где же вы были в момент совершения убийства?

— Я? Недалеко! Шагах может быть в двадцати, не больше. Я ждал ее, понимаете ли, один человек устроил это, чтобы она вышла, ну бежала, что ли, оттуда, из хазы, ночью. А меня оставили ждать на углу Малого.

— Так, так, так. Стало быть эта самая хаза-то по Бармалеевой за Малым. Запишем... гражданин

Травин... Травин, экая знакомая фамилия... н-ну, ладно, так... Травин показал, что в момент совершения убийства он находился в двадцати шагах, на углу Малого проспекта... А вам и видеть его так же случалось?

— Кого?

— Да этого самого Барабана?

— Да нет же. Я же говорил, что из письма, только из письма о нем знаю.

— А других прозвищ, кроме Барабана, не знаете?

— Знаю, кажется, его фамилию... Там было еще одно письмо... впрочем нет, просто говорили, что фамилия Качергинский.

— Качергинский?

Участковый надзиратель даже потемнел, кровь прилила к лицу.

Он вскочил и выбежал в соседнюю комнату.

— Оперативный отряд! Да! Кутумова! Да, да!

Сергей посмотрел на стол, заваленный бумагами, на стены в клоповых запятых. Позади него, засунув руку за пояс, стоял и таращил сонные глаза молодой безусый милиционер.

— Много, да, да, много, опасный налетчик, — говорил в соседней комнате надзиратель..., — а это уже как вам будет удобнее, товарищ! Проверьте, да, разумеется, проверьте, потому что сведения случайные.

Он вернулся и снова сел за стол.

— Так. Отлично. А вот, между прочим, вы упомянули о том, что эта самая стенографистка, которую убили, каким же образом она попала на Бармалееву улицу?

Сергей отвел глаза от клоповой стены, встрепенулся и снова начал говорить, говорить с убедительными жестами, наклоняясь через стол к участковому надзирателю.

— Как это, каким образом? Не знаю. В том письме, которое я достал, только приглашенье занять место, понимаете ли, место стенографистки, ведь она стенографистка отличная, ну и это письмо подписано Качергинским. Я потому и стал догадываться, что ее украли, понимаете, ведь она к себе домой не являлась больше двух недель, и это там, на Лиговке, в милиции должно быть известно.

— Так. Вероятно известно. А вы как же, гражданин Травин, давно уже живете в Петрограде или приехали только для того, чтобы разыскать эту стенографистку?

— Я? да нет, я... приехал сюда. Я не живу здесь постоянно.

— А где же вы проживаете постоянно?

Сергей замолчал. Надзиратель постучал косточками пальцев по столу и повторил вопрос.

— Я приехал из Тамбова, — сказал, наконец, Сергей, — да, из Тамбова.

— Ах, из Тамбова? Так. Запишем: из Тамбова. А какого числа вы приехали?

— Недели две или три, не знаю. Да не все ли равно, какого числа, вот вы спрашиваете о пустяках, а я мог бы пока помочь раненой.

— Убитая уже отправлена в Петропавловскую больницу, — сказал надзиратель, — вы можете быть на этот счет совершенно спокойны, гражданин Травин! Ах да! Травин, именно Травин!

Он пощипал складки между бровями и задумался, как будто стараясь припомнить что-то.

Сергей посмотрел на него в упор, и вдруг ему снова показалось, что его голова полетела по воздуху, а тело падает к ногам безусого милиционера.

Надзиратель встал и прошелся по комнате туда и назад.

— Поди-ка, позови ко мне товарища Поппе, — сказал он милиционеру.

Тот вышел и через минуту явился с маленьким человечком в штатском платье.

— Товарищ Поппе, у вас имеется сообщение П-ого Гепеу о задержании бежавшего оттуда арестанта?

— Да-с, — отвечал маленький человек в штатском.

Сергей закрыл глаза: все рухнуло, он стоял в каком-то необыкновенно узком коридоре и дрожащими руками держался за трещину в стене, за клоповую запятую на обоях.

— Товарищ Поппе,—снова спросил надзиратель,— вы не помните, как фамилия этого арестанта?

— Нет-с, никак не припомню сейчас, — отвечал человечек в штатском.

— Так будьте добры, разыщите-ка мне эту бумажку и принесите сюда.

Надзиратель снова закурил и принялся снимать со своей форменной куртки пылинки, волоски.

— Так вы приехали из Тамбова? М-гм. А как же случилось, что с вами нет никаких документов?

Сергей даже и не слышал, о чем его спрашивали.

— А чем же вы занимались в Тамбове?

Человечек в штатском принес бумажку и подал ее через стол квартальному надзирателю.

— Мыг, ымыг, мыни, мыним, — прочел тот, — так... предлагается вам... Сергея Травина... мыгы, мыгым, мыгым — так, задержать...

— И подписи, — сказал он, значительно поглядев на Сергея, — и надлежащие подписи. Так значит...

Он замолчал на мгновенье.

— Так значит, вы арестованы. Ничего не могу поделать. М-да. Это вы самый и есть бежавший арестант. Что вы на это скажете?

Сергей отвернулся от него.

— Ничего вы мне на это не скажете, — с удовлетворением сказал надзиратель, — а ведь оригинальный, честное слово, оригинальный случай!

XV.

— К сожалению,— сказал приказчик, ласково глядя на Пинету, — вам придется переменить голову. У нас нет ни одной фуражки, которая подходила бы к вашей голове.

— Мама, неужели придется переменить голову?— спросил Пинета.

— Здесь нет ничего такого экстраординарного, — отвечала мама, — мне известны даже такие случаи, когда меняли не только голову... но и другое. Да, да, нечего смеяться, — и другое.

На улицах огромные каменные тумбы и свет снизу, через какие-то особенные стеклянные решотки.

Мама вела Пинету за руку по улицам, в небе качалась круглая голова, похожая на ярмарочные воздушные шары.

Снова магазин.

— Будьте так добры, гражданин, — сказала мама, почему-то раздувая ноздри, — подходящую голову. Видите ли, дорос до седых волос и теперь не подходит фуражка.

«До каких седых волос? — подумал Пинета, — я же вчера, я же третьего дня родился».

Приказчик принес голову какого-то турка или перса. Голова походила на утиное яйцо.

— Вот, пожалуйста, подходящего размера.

— Да, это подходящего размера,—определила мама.

— Мама, как же это, ведь это какой-то турок! Не могу же я в самом деле менять голову на голову какого-то грязного турка!

— Никакие не турки, — отвечала мама,—пожалуйста, заверните мне эту голову.

— Прекрасная голова,—заверил приказчик,—голова масседуан, агратан, за пять копеек с бархатом. Вы будете довольны, уверяю вас!

Снова улицы, улицы, улицы.

«В чем же, чорт возьми, дело,—подумал Пинета,— зачем же менять голову! Чорта с три, ведь можно же переменить фуражку».

Улицы исчезли. Потолок и узкое окно мелькнули перед ним, и он снова закрыл глаза.

Кто-то постучал в двери: раз, два, три!

— Войдите! — закричал Пинета хриплым со сна голосом.

Он провел рукой по лбу и, наконец, очнулся.

— Кто там! Войдите!

Никто не входил. Пинета прислушался: стучали в соседнюю дверь.

Должно быть никто не открывал, потому что спустя несколько минут Пинета услышал мужской голос.

— Откройте же. Откройте же, наконец!

— Это Барабан, — догадался Пинета.

— На одну минуту,—говорил Барабан,—для делового разговора, честное слово, для делового разговора.

— Да откроешь ты или нет, стерва! — вдруг заорал он, разозлившись.

Пинета снова закрыл глаза; его как будто качало из стороны в сторону; сквозь сон он услышал, как дверь трещала под ударами.

— Ее здесь нет! — закричал Барабан. — Убежала? Выпустили? Хамы, разбойники!

Перед Пинетой вырезалось четкими буквами: убежала.

Он тихонько повторил про себя: «убежала» — попытался приподняться и сесть на постели, но снова со стоном упал назад и как будто ушел в темную

комнату без окон и дверей, куда уж никак не мог проникнуть даже громкий человеческий голос.

Второй раз Пинета очнулся часов в 6 утра. Кто-то камнем бросил в стену его комнаты. Немного погодя тот же звук повторился с большей силой.

— Стреляют, что ли?

Он сполз с постели и, держась руками за все, что попадалось на пути, добрался до двери, хотел постучать, но потерял равновесие и свалился на пол.

Тут же на полу он от боли с силой вытянул ногу; нога пришлась прямо в дверь, и дверь отворилась.

«Забыли запереть,—подумал Пинета,—должно быть все разбежались».

Он прополз несколько шагов по коридору и добрался до соседней комнаты, той, которую раньше занимала его соседка.

И здесь дверь была отперта. Пинета встал, держась за стены, добрался до окна и расплюснул нос о стекло.

Он увидел во дворе человека, который лежал на земле, за грудой камней.

На нем была шинель с красным воротником и фуражка с красным околышем.

Воротник и околыш в одну минуту объяснили Пинете положение дел.

Человек поднимал вверх голову и старательно целился из винтовки по нему, Пинете.

Раз! — и стекло разлетелось со звоном.

Пинета, шатаясь, отошел в сторону и сел на стул.

Разбитое стекло еще долго звенело у него в ушах каким-то особенным звоном...

Часов в 6 утра Пятак, обшарив все блатные места и не найдя никого из своей хевры, вернулся назад, вбежал во двор, бросился в подвал, влетел вверх по лестнице и плотно задвинул за собой тяжелый засов.

Он остановился посреди кухни и выругался по матери.

— Мильтоны! Мильтоны идут. Вставайте!

Маня-Экономка стояла перед ним в одной рубашке и тряслась от страха.

— Барабан здесь? Да говори же ты, сволочь! Барабан!!

Пятак выскочил в коридор и лицом к лицу столкнулся с Барабаном.

— Где? Откуда идут?

— С Большого! Чуть не сгорел! Поздно! С Газовой заложили!

Барабан хмуро посмотрел на него и сложил было губы, чтобы свистнуть.

— Стой! А с Карповки?

— Чорт его знает, Карповку! Окружают!

Барабан свистнул.

Он свистнул не напрасно; дом, в котором находилась хаза, стоял в самом конце Бармалеевой улицы. Слева можно было уйти по Газовой, справа по набережной Карповки; если оба выхода были заложены, оставалось пробираться через пустыри на переулок. Барабан выбросил из кармана кожаный портсигар и с яростью схватил папиросу зубами.

— Маня, — сказал он, — Маня, беги через пустыри на переулок. Посмотри, есть ли там мильтоны и бегом возвращайся назад. Что у нас есть?

— А! — закричал он вдруг, ударяя по столу рукой с такой силой, что вся рука налилась кровью. — У нас мало... У нас мало патронов!

Он замолчал и оглядел всех, кто был в комнате. Барин, только что вставший с постели, одетый как всегда так, что ни один крючок его офицерского кителя не оставался незастегнутым, был немного бледнее, чем обычно.

Он чему-то улыбался и крутил толстую, как шпингалет, папиросу.

Пятак, отдышавшись, прилаживал к окну оторванный ставень.

Володя Студент стоял отвернувшись, пристально разглядывая какую-то царапину на руке.

— Ну, — сказал Барабан, сжимая руки так, что на ладонях остались овальные следы от ногтей. — Ну! Теперь выбирать! Теперь уже выбирать! Что же? Отстреливаться или сдаваться?

Барин поднял глаза и с презрением пыхнул папиросой.

Пятак заложил руки в штаны и выругался.

Студент обернулся, двинулся было куда-то, но остался на месте.

— Значит, — сказал Шмерка и замолчал. Он глубоко вздохнул и вытащил из кармана револьвер.

— Пятак, ты будешь стоять справа, там, где лежит этот мальчишка! Барин и я — в столовой.

— Студент, ты, — Барабан схватил его за руку и дернул к себе, — да ободрись, малява! — Ты стреляй из кухни.

— Ну! — повторил он, — что она не приходит, эта стерва?

— Ну!

Пятак отодвинул ставню и заглянул в окно.

— Идут.

Еще через две минуты в дверь застучали.

— Отворите! Милиция!

Пятак длинно и мастерски выругался.

Барабан подошел к самой двери и крикнул:

— Уходите вон, хамы!

Пинета все покачивался на стуле из стороны в сторону.

Он качался с закрытыми глазами, как мусульмане, когда они творят свой намаз.

Он был сильно избит, руки и ноги горели, как будто их со всех сторон облепили горчичниками, в голове звенело.

Кто-то закричал позади него:

— А, фай, здравствуй! Ну что, отдышался?

Пятак подбежал к окну, глянул и отскочил назад в ту же минуту.

— Вот тебе, бaунька, и Юрьев день, — проворчал он, — чуть ли не целую бригаду притащили, бездельники!

— Это вы о чем... говорите? — пробормотал Пинета.

Он говорил как будто про себя, но Пятак услышал и обернулся.

— Что, брат!! Амба! Амба, братишка! Пой отходную! Гореть!

И в подтверждение того, что дело — амба, что придется гореть, пуля с треском ударила в оконную раму.

— Шалишь, лярва, — яростно ворчал Пятак, тоже как будто про себя, — не дадимся, ёлды! Не возьмешь!

Он схватил с кровати подушку и заткнул ею еще раньше выбитое пулей окно.

Бережно вытащив из кармана обойму от браунинга, он принялся вщелкивать в нее патроны.

Набив обойму, Пятак стал на колени перед окном и приподнял снизу подушку.

Подоконник служил ему опорой, он просунул браунинг между подушкой и рамой и начал ту работу, которую каждый налетчик считает нужным выполнить перед смертью.

Пинета творил свой намаз и думал: «Бригада... Наверное, угрозыск».

Он написал на стуле: угрозыск и прочел назад — ксызоргу.

— А налетчиков? Один, два, три, много четыре. Плохо!

Пятак отстреливался; глаза у него заблестели, волосы свалились на лоб; он стрелял из браунинга; запасный ноган торчал у него из кармана штанов.

«Плохо, — думал Пинета, — убьют! Вот сволочи! Бригада! Все на одного, один на всех!»

Он кое-как встал, подошел к Пятаку сзади и положил руку на плечо:

— Послушай, — сказал Пинета довольно тихим голосом, — дай-ка мне второй револьвер! Чорта ли они на нас целой бригадой нападают!

Пятак обернулся к нему и рассмеялся, несмотря на то, что пули били вокруг него в стену одна за другой.

— Фай, честное слово, — вдруг весело закричал он, — я говорил, что фартовый парнишка!

Пуля со звоном ударила в раму, и новое, верхнее стекло посыпалось в комнату.

Пятак отбежал, вытащил из кармана ноган и протянул его Пинете.

— Помогай, братишка! Да что уж, все равно! Х... на кон, братишка, тут и он — Антон! Гореть!

Пинета заглянул во двор; теперь уже не один, а человек двенадцать в фуражках с красным околышем залегли за камнями, в пустыре, недалеко от остатков кафельной печи, которая как будто молилась день и ночь, подняв к небу обломки труб, похожие на руки.

Только винтовки и фуражки кое-где торчали из-за камней.

Высокий человек в овальной шофферской шапке бегал между ними, распоряжаясь должно быть осадой хазы.

Пинета долго целил в этого человека из своегоногана, но ноган отказывался повиноваться.

Он нажимал курок по-всякому — и указательным, и средним пальцем, и двумя пальцами сразу, —ноган не стрелял до тех пор покамест Пятак не крикнул, что нужно прежде отвести курок. Пинета отвел курок и снова прицелился в овальную шофферскую шапку.

Рука у него дрожала, он никак не мог навести мушку; наконец навел. Человек в овальной шапке перевернулся на одном месте, упал, тотчас же вскочил и остановился неподвижно, как будто его тут же вбили ногами в землю. Потом снова упал.

Один из милиционеров выполз из своей засады, схватил его за плечи и, опрокинув на себя, потащил в сторону.

На месте шофферской шапки через 2 — 3 минуты появился человек в полной форме милиционера с портупеей через плечо.

— Их тут сколько угодно и еще два, — пробормотал со злобой Пятак.

Пинета в недоумении сел на стул и опустил вниз руку с ноганом.

Ножка у стула надломилась, он прислонился плечом к стене, измазал пиджак известкой, озабоченно почистил его и снова подошел к окну.

— Эй, поберегись, братишка! — крикнул Пятак.

Последние остатки стекол посыпались в комнату.

— Залпом стреляют, бездельники!

Пятак вытянул из браунинга пустую обойму и снова начал набивать ее пулями, которые он тащил теперь прямо из кармана штанов.

Набив обойму, он вывернул карман и яростно сплюнул.

— Пропало наше дело, братишка! — крикнул он Пинете. — Во, брат! — он повертел в руке обойму, — последняя!

— Наплевать, отобьемся, — отвечал Пипета, не вставая, впрочем, со стула и даже не поднимая руки с наганом. Все это — и маленькие люди, спрятавшиеся на дворе за грудой камней, и свист пуль, и воронки на стенах, и Пятак, вщелкивающий патроны в обойму, — казалось ему какой-то игрою — в хоккей или другой игрой с замысловатым названием, которое он никак не мог припомнить.

— Хо, хо! — закричал Пятак с восхищеньем, — отобьемся? Ого! Вот так парнишка! Отобьемся, говоришь? Отобьемся, так отобьемся!

Тут же он со злобой скривил губы, быстрым движеньем подтянул штаны и огляделся вокруг себя почти с отчаяньем; бежать было некуда.

Оставалось одно: снова стать на колени перед окном, просунуть браунинг между подушкой и рамой и до последнего патрона делать ту работу, которую каждый хороший налетчик считает нужным сделать, прежде чем сгореть и закурить свою последнюю папиросу.

Барабан и Сашка Барин отстреливались от мильтонов со стороны Бармалеевой.

Комната, которую Барабан назвал столовой, ничем не напоминала столовую; даже обеденного стола в ней не было.

На дверях висели изодранные суконные портьеры, в углу стола кирпичная печка, рядом с нею разбитый рояль, на почерневшем от дыма потолке было написано зонтиком или палкой «Лохматкин хляет», у окна, немного отступая вдоль по стене, Барабан и Сашка Барин с двумя наганами и одной винтовкой держалась против отряда милиции.

Внизу, за обломками решотки, когда-то окружавшей дом, засели два десятка людей с винтовками,

которые могли стрелять с утра до вечера и до нового утра беспрерывно.

Они курили, смеялись и не торопясь играли свою игру, в которой им вперед отдавалось 24 фигуры. У них были жены, дети и до 12-ти часов свободного времени ежедневно.

Против них с третьего этажа с двумя наганами и одной винтовкой защищали себя двое людей, у которых не было ни жен ни детей и на всю остальную жизнь оставалось очень мало, не более трех часов времени, которое измерялось количеством патронов, а не часовой стрелкой.

Барабан был спокоен так, как будто еще не прошли далекие времена, когда он готовился быть раввином, как будто он сидел за столом в пятницу, а не отстреливался от целого отряда милиции.

Время от времени он задумывался и начинал напевать про себя какую-то песню.

Он напевал:

Соня на балкон стояла
Ун ди ших гешмирен
Вот подходит миленький,
Зовет ее шпацирен.

В этом месте он стрелял, внимательно вглядывался, как будто желая увидеть, достиг ли его выстрел цели, и продолжал петь, качая головой:

Я по русски не говорю,
Только по лошн койдеш,
Я с тобой гулять поеду
Только на один хойдеш.

Он заглянул в окно и закричал Барину, который в ту минуту прицелился, выбрав чей-то неосторожный околыш для своего нагана:

— Стой, Сашка!

Барин опустил руку, и оба услышали довольно звонкий голос, который кричал снизу, должно быть, из-за решотки, служившей прикрытием для осаждавших.

— Прекратите стрельбу! С вами хотят говорить!

— Ого! — сказал Барабан, — с нами хотят говорить? Что такого хорошего скажут нам мильтоны, а?

Он крикнул чуть-чуть охрипшим, но веселым голосом:

— Ну, говорите, мы вас слушаем, вояки!

— Прекратите стрельбу! С вами будут говорить! — кричал тот же голос.

Должно быть, он кричал уже давно, потому что еще трижды повторил ту же самую фразу, прежде чем кричавший услышал голос Барабана:

— Ну, ну, довольно уже кричать! Мы не стреляем... Халло, мы вас слушаем! — вдруг заорал он, совсем развеселившись.

— Пятнадцать минут на то, чтобы сдать оружие, — долетел до них уже другой, хрипловатый, но твердый голос. — Если вы сдадитесь добровольно, то будете, согласно законам, отданы под суд, в случае дальнейшего сопротивления вы будете расстреляны на месте. Сопротивление бесполезно! Сдавайтесь!

— Они нам обещают так много, — сказал Барабан, — что можно лопнуть, только представляя себе это удовольствие! Что ты на это скажешь, Сашка?

Барин оборотился к нему и так скривил губы, что не оставалось никаких сомнений в том, как он относится к предложению осаждавших.

— Болтовня! — коротко сказал он, перевернув несколько раз барабан револьвера и пересматривая пустые гнезда. Шмерка вдруг задумался.

— Послушай, Саша, а может быть до суда удастся...

— Нам ничего больше не удастся!

— Так значит...

Шмерка снова остановился, но тут же подбежал к окну и с силой ударил кулаком по оголенной раме.

— Слушайте вы, герои! Что вы хотите от нас? Вы хотите, чтобы мы сдали вам оружие? У нас так много оружия, что вам не увезти его на двенадцати автомобилях!

— Отданы под суд, — вдруг передразнил он, — ваши законы! По этим законам мой сын, если бы у меня был сын, уже семь лет читал бы по мне кадыш! По этим законам я уже двадцать раз отправился бы налево! Что касается до того, что мы будем расстреляны на месте, то вы можете быть таки да̀, уверены, что кое-кто из вас отправится вместе с нами.

Он обернулся к Сашке Барину и улыбнулся ему лицом, которое стоило закрыть обеими руками.

Но в ту же минуту он снова оборотился к окну и закричал, топнув ногой и ударяя кулаком по подоконнику:

— Гов-ня-ки!

Пятак расстрелял последнюю обойму. Он вскочил с колен, рукавом вытер запотевшее от напряженья лицо и обратился к Пинете:

— Ну, братишка, ты что-то сдрейфил. Отдай-ка мне ноган.

И он несколько раз перевернул барабан револьвера, который Пинета молча отдал ему: в ногане застряли еще две пули.

Пятак вышел из комнаты и притворил за собой двери.

В кухне, с револьвером в руках, валялся Володя Студент, который был годен теперь только на то, чтобы пугать ворон на огороде. Глаза застеклились

и видели такую посую хазу, которую не откроет ни один лягавый, даже съевший собаку на своем деле.

Он защищался до последнего патрона. Револьвер был пуст.

Пятак оттащил его в сторону и, несмотря на то, что пули начали уже ударять вокруг него в стены, сел у окна и положил голову на руки.

Так он сидел минут десять, до тех пор покамест его как будто подтолкнул кто-то в подбородок. Он поднял голову: по двору вдоль стены шли, крадучись, двое милиционеров с винтовками в руках; один поднял голову, присел и шмыгнул в подъезд. Подъезд вел на черную лестницу.

Другой остановился, махнул рукой товарищам, которые толпились за углом под аркой.

Еще двое вышли из-за угла и, прижимаясь к стене, стали переходить двор.

Пятак посмотрел на пустые гнезда своего револьвера и скрипнул зубами.

Он выбежал из кухни в коридор и крикнул:

— Барабан, с кухни хляют!

Потом осторожно подкрался к двери, медленно, без скрипа отодвинул засов, на цыпочках отошел в сторону от двери и остановился в выемке, где висели кухонные тряпки и всякая дрянь.

Ждать пришлось недолго: через несколько минут он услышал на лестнице шаги.

Дверь отворилась, в кухню просунулись сперва винтовка, потом лицо человека, честно зарабатывающего свои 44 рубля в месяц.

Лицо обвело кухню глазами, посмотрело на Володю Студента и внезапно рванулось к двери.

Пятак выждал минуту, когда милиционер повернулся к нему спиной, выстрелил и бросился вниз по лестнице. Он свалил ударом ноги в чувствительное

место другого милиционера, встретившегося ему внизу у выходной двери и выбежал во двор.

Со всех сторон, из подворотни, из-за угла, из второго двора вдруг вышлыли и двинулись на него люди с винтовками.

Он выстрелил наугад и молча побежал к воротам. Уже в самых воротах на него насели, сбили с ног и прикладом винтовки вышибли из него всякую способность что-либо соображать и вместе с этой способностью мысль о том, что в егоногане не осталось больше ни одного патрона.

Он очнулся на извозчике с окровавленным лицом и скрученными на спине руками. По обеим сторонам его сидели милиционеры; оба внимательно следили за каждым движеньем Пятака.

На улицах начиналось движение, бегали трамваи, розовые арбузники раскладывали свои тележки.

Пятак помотал головой и сплюнул.

— Э-эх мать твою в сердце, сгорел!

Шмерка Турецкий Барабан больше ничего не пел о любовных похождениях Сони и стрелял теперь из винтовки. Сашка Барин с пустым ноганом, который годился теперь только на то, чтобы забивать им гвозди, бродил по комнате и обсуждал план действий. План был прост как карандаш.

— Барабан, — сказал он, останавливаясь и закладывая руки за спину, — стой, довольно стрелять!

Барабан обернулся к нему.

— Можно смыться?

— Э, брось, какое там смыться! Дай винтовку!

— Закуриваешь?

— Н-нет, — неопределенно ответил Сашка Барин и взял винтовку.

Он еще немного побродил по комнате, постучал прикладом об пол, заглянул в дуло.

Винтовка весила 11 фунтов и была той самой дальнобойной линейной винтовкой, о которой узнает каждый новобранец на вторую неделю своей службы.

Он поднял эту дальнобойную винтовку и щелкнул затвором.

Барабан подошел к нему и положил руку на плечо.

— Сашка!

— Э, брось, — медленно отвечал тот, — что ты, в самом деле, филонишь?

Он поставил винтовку между ног, как будто собираясь встать на караул перед Барабаном, и немного присел для того, чтобы дуло пришлось как раз между кадыком и подбородком.

Барабан отвернулся, его затрясло, ударило в пот. Барин потянул руку вниз, ощупал затвор, потом ухватился за курок.

В ту же минуту комната задышала шумом и оборвалась в бездну. Перед самым его лицом с ужасным шумом разорвался маленький ослепительный шарик, похожий на глаз.

Кто-то сверху ударил по голове, и боль от удара волнами прошлась по телу, сдавила грудь и пробкой заткнула горло...

Он лежал, грянувшись лицом об пол и подобрав под себя винтовку.

Барабан опустил голову; у него перехватило горло, и он не мог проглотить слюны, которая, как склизкая глиста, двигалась под высохшим языком. Он присел на пол и начал тащить из-под трупа винтовку.

Пятак закричал что-то из коридора, немного погодя выстрелили совсем близко, за стеной, — он даже не обернулся к двери.

Винтовка была крепко зажата посиневшими пальцами. В ней застряли еще два патрона. Он постоял, подумал, выронил винтовку из рук, подошел к окну и повалился животом на подоконник.

На дворе суетились, бегали туда и назад милиционеры.

Барабан посмотрел вниз, рыгнул и засмеялся.

— Халло! — крикнул он, размахивая руками. — Хазейрим! Берите меня! Целуйте меня под хвост! Теперь я вижу...

Он перевалился через подоконник, как толстая жаба, слетел вниз и упал на кучу мусора возле помойной ямы.

Здесь он открыл глаза, увидел небо, землю, пять револьверов, поискал в кармане портсигар и докончил свою мысль.

— Теперь я вижу, что может быть лучше всего, если бы я таки стал раввином!

1924 год.

Юрию Тынянову.

БОЛЬШАЯ ИГРА

— E. 23! Ты играешь Большую игру.

Киплинг. Ким.

— Вот я здоров, — сказал эльфин ашкер, смотря прямо в лицо Панаеву, — мои дела благополучны.

— Я очень рад услышать это от тебя, — отвечал Панаев. — Я тоже здоров, и мои дела тоже благополучны.

— Я пользуюсь милостью Джанхоя, — сказал эльфин ашкер.

— Я завидую тебе, — отвечал Панаев, — и хотел бы повторить это от моего имени.

— Джанхой поручил мне сказать, — продолжал эльфин ашкер, — что он хочет видеть тебя здесь, в Адис-Абеба.

— Джанхой хочет меня видеть в Адис-Абеба? Отлично. Я еду, — отвечал Панаев.

Мул, оседланный по-европейски, стоял неподалеку. Эльфин ашкер кивнул головой, и двое рослых абиссинцев тотчас подвели его к Панаеву.

Панаев вернулся назад, взял шлем, трость и вышел.

Абиссинцы взяв мула под уздцы, шагом повели его по городу. Панаев, низко надвинув шлем на лоб,

глядел по сторонам. Он не видел ничего, кроме белых домов, крытых соломой, абиссинцев в тогах, коричневых от грязи, и цепи гор на отдаленном горизонте. Только на одно мгновенье он знаком приказал задержать мула.

Мимо него пробежал старик с грязной тряпкой вокруг костлявых бедер. Он бил руками и ногами в кожу, натянутую на обруч, и кричал что-то высоким гортанным голосом на незнакомом Панаеву наречии. За ним, с достоинством покачиваясь на муле, ехал пожилой абиссинец в белой тоге, закинутой далеко за плечо.

— О чем кричит старик? — спросил Панаев у эльфин ашкера.

— Он кричит: мой господин беден и стар. Мой господин слаб и болен. Дайте хотя бы один талари для моего господина.

— Это нищий?

— Нищий едет на муле,—отвечал эльфин ашкер,—его раб собирает для него подаяние.

Панаев опустил поводья.

Спустя несколько минут они достигли Геби—дворца Негуса. Дом Негуса почти ничем не отличался от домов других обитателей Адис-Абеба, кроме того, что он был двухэтажный и был окружен семью оградами—одна в другой, концентрическими кругами. По дворцовым обычаям только принцы крови могли ехать верхом до седьмой ограды.

Панаеву предложили слезть с мула за первой.

Эльфин ашкер жестом пригласил его следовать за собой. Входы и выходы оград были устроены так, что каждый вход был расположен под углом к тому, что за ним следовал.

Панаев шахматным ходом коня прошел за своим провожатым до самого дворца. Эльфин ашкер исчез, едва лишь он поднялся по ступенькам террасы.

Подумав мгновенье, Панаев толкнул ногою дверь Дверь отворилась. Узкая комната под плетеной соломенной крышей была пуста. Панаев, немного прихрамывая, прошел комнату и вновь натолкнулся на двери. Он отворил их: — старый абиссинец с волосатым лицом, в черной шелковой мантии и короткой накидке, сидел на низком диване. Двое слуг с равнодушными лицами стояли неподалеку.

— Простите, — сказал Панаев, вежливо кланяясь, — не имею ли я честь....

— Вот я здоров, — сказал дребезжащим голосом старик в мантии, — и дела мои благополучны. А как здоровье императора твоей страны?

— Благодарю Джанхоя, — отвечал Панаев. — здоровье и дела императора благополучны.

Он замолчал на мгновенье и, вспомнив о последних слышанных им пред отъездом из России известиях с театра войны, добавил:

— Его войска одерживают победы.

— Как ты ехал в Хабеш? — спросил Уалама.

— Через Сомалиленд.

— Не тревожили ли тебя сомали!.

— Нет, я ехал спокойно.

— Не было ли слишком жарко в пути?.

— Нет, я легко переношу жару.

— Тейч, — сказала Уалама, оборотясь к слугам, стоявшим за его спиной.

Тотчас двое слуг и кравчий внесли небольшой поднос с двумя маленькими графинами, обернутыми пурпуром. Для Панаева возле одного из графинов стоял стакан. Кравчий налил немного вина в ладонь и быстрым движением поднес руку ко рту. По обычаю он показывал этим, что вино не отравлено.

— Я негус Хабеша, — сказал Уалама, — я правлю этой страной. А каковы твои занятия, иностранец?

— Я изучаю восточные языки, — отвечал Панаев. — В Хабеш я приехал, чтобы увеличить свои знания.

Негус засмеялся, широко раскрыв рот.

— Ты говоришь по-эфиопски так, как будто ты здесь родился. Откуда ты так хорошо знаешь наш язык?

— В молодости я прожил в Хабеше два года, — объяснил Панаев, — я профессор, Джанхой, и учу восточным языкам в Петербургском университете.

— Тейч, — сказал Уалама, кивнув головой на пустые графинчики. Слуги и кравчий заменили пустые графинчики полными.

— Ты пишешь книги?

— Я написал несколько книг.

— Я хорошо знал трех людей из вашей страны, — сказал Уалама, — и все они были достойные люди.

— Первым был ваш ученый Башкирцев, он прожил в Адис-Абеба семь лет и уехал, увезя с собою все драгоценности из церкви св. Габриеля. Второю была женщина из вашей страны — не помню, как ее звали. Она была красива, и потому сын моего друга Асфала был застрелен в лесу английскими шакалами.

— Третьим был граф Леонтьев. Он руководил нашей армией в борьбе с итальянцами. Я его очень любил. Случилось так, что он ограбил английское посольство, и эти собаки, кажется, повесили его в Сомалиленде.

Панаев допил свой стакан и внимательно поглядел на негуса.

Негус пил.

— Это были достойные люди, — сказал Панаев.

— Тейч, — сказал Уалама.

Они пили некоторое время молча.

Панаев перевел глаза от лица Уаламы на низкое окно. Он увидел ровные колонны кактусов, эква-

липты и игрушечные дома, обнесенные земляными валами.

— Леонтьева я знал, — сказал он. — Может быть, он действительно умер в Сомалиленде. Джанхой имеет и европейские вина?

Уалама кивнул головой.

— Токайское, кюммель, портвейн, — отвечал он, хитро улыбнувшись.

Принесли вина.

— Я должен тебе сказать, Джанхой, — начал Панаев, пристально глядя на негуса, — что я явился к тебе с некоторыми важными сообщениями.

— Говори, — отвечал Уалама. Он опрокинулся на спинку дивана и всунул горлышко бутылки с портвейном в рот.

— Известно ли тебе, Джанхой, — продолжал Панаев, — что делают при твоем дворе англичане?

Уалама отнял бутылку ото рта и прислушался.

— Англия, конечно, великая страна, — сказал медленно Панаев, — но ею правит народ. Разве она имеет такого императора, как ты, Джанхой? Король Англии во власти народа. А разве твой народ правит тобою, Джанхой?

— Я правлю моим народом, — отвечал Уалама.

— Абиссиния, Конго, Россия — вот три страны, в которых нет ни палат, ни парламентов, а если есть, то они сжаты в руках императора, как резиновый мячик.

— Да, да, да, — отвечал Уалама. — я знаю, что все иностранцы мошенники. Ты хотел сказать, что делают при моем дворце англичане?

— Я бы выпил рому, — сказал Панаев.

Принесли рому. Негус погладил бороду и выпил графинчик рому.

Панаев едва дотронулся до своего стакана.

— Перейдем к англичанам, — продолжал он, — правда ли, что у тебя есть двоюродный брат, Джанхой?

Уалама рыгнул и хитро выпятил губы.

— У меня есть двоюродный брат.

— Его зовут Тафарэ?

— Его зовут Тафарэ.

— У него очень часто обедают англичане.

— У Тафарэ хорошие обеды, — объяснил негус, — у него много мяса. Англичане очень любят мясо.

— Но у тебя есть внук Личьясу, сын твоей дочери.

Уалама кивнул головой.

— А кому из них ты завещаешь свой престол, Джанхой?

— Тейч, — сказал Уалама.

Снова принесли вино.

— Англичане мошенники, — говорил Уалама, — они хотят, чтобы после моей смерти негусом Хабеша стал Тафарэ. Зуб шакала им в зад. На престол сядет Личьясу.

Панаев несколько мгновений внимательно глядел на негуса, потом придвинулся к нему вплотную и сказал, отчеканивая каждое слово:

— Мне известны замыслы англичан. Если ты не отречешься от престола в пользу Личьясу, то престол через 10 дней займет Тафарэ.

Негус, широко раскрыв глаза, глядел на него с изумлением.

— Пей, чортов сын, — сказал Панаев по-русски, придвигая непочатую бутылку к Уаламе, и прибавил по-абиссински:

— Позови секретаря, Джанхой!

— Я позову секретаря, — отвечал Уалама задумчиво. — Зуб шакала им между ног, они мне мешают пить, эти английские собаки.

Он, шатаясь, подошел к двери и позвал секретаря.

Высокий абиссинец в белоснежной тоге и штанах чуть ниже колен вошел в комнату.

— Пиши, — сказал Уалама.

Высокий абиссинец присел на корточки и разложил на коленях папиросную бумагу.

— Народы Хабеша и народы Тигре! — начал Уалама.

Он отрыгнул и встал, качаясь.

II.

№ 348/24.

Совершенно секретно.

Ответственному агенту
полиции города Лондона
Стивэну Вуду.

Год — 1916, месяц — Январь, число — 10.

ПРИКАЗ

«Настоящим предписываю вам немедленно выехать в Россию (гор. Петроград). Целью вашего откомандирования служит изъятие из рук некоего лица документа, необходимого правительству Британии.

Настоящее поручение возлагается на вас, как на агента, знающего русский язык. Ваши обязанности в Кингстоуне предписываю сдать агенту Ричарду Броуну. Необходимые суммы высылаются телеграфом.

Розыскная карточка, как и точная копия подлежащего изъятию документа с дословным переводом его на английский язык при сем прилагаются.

Инспектор полиции гор. Лондона

Хью Фоссет Ватсон».

РОЗЫСКНАЯ КАРТОЧКА № 7781		
В дополнение к приказу № 348/24.		
		Агенту Вуду
I	Портрет	не имеется
II	Имя, фамилия	не известны
III.	Возраст	лет 45—50
IV	Профессия	неизвестна
V	Местонахождение	Россия, гор. Петроград
VI.	Приметы: Рост	средний
	Приметы: Цвет волос	светлый, носит бороду
VII	Особые приметы	не имеет левой руки, ходит прихрамывая.
В исполнение приказа № 348/24, принять к сведению		
Инспектор полиции *Хью Фоссет Ватсон*.		

Агент Полиции
Стивэн Вуд

Инспектору Полиции
Хью Фоссет Ватсон

«Сэр!

Как известно, агент английской полиции обязан не иметь никаких предчувствий (правила полицейской агентуры § 24). Памятуя также, что агент английской полиции о каждом предчувствии или каком-либо ином внеслужебном ощущении обязан немедленно доложить своему непосредственному начальнику, для замены его в случае надобности агентом, ничего не предчувствующим, осмеливаюсь:

1) Доложить вам, сэр, что некоторые неблагоприятные предчувствия овладели мною, и

2) представить вам, сэр, некоторые незначительные подробности моего жизнеописания, которые при моем поступлении на службу остались неизвестны мистеру Гайтону, вашему предшественнику и которые, я надеюсь, пояснят вам, каким образом у агента долголетней службы могли возникнуть внеслужебные ощущения.

Я не буду задерживать вас, сэр, длительным изложением всех причин, побудивших меня родиться именно в Англии, а не в каком-либо другом месте земного шара.

Мистеру Гайтону, вашему предшественнику, сэр, было известно, что я родился в Годальминге, в 30 милях от Лондона, в зажиточной купеческой семье «Торговый Дом Плоут и К°», у дочери владельца мисс Елизаветы Плоут, девушки 18 лет. Вы скажете, сэр, что я родился вопреки всем правилам теологии, экзегетики и прочих наук в этом роде? Я должен сознаться, что эти науки для меня не стоят и полпенса.

В 13 лет я исколесил всю Англию. Я был газетчиком в Шеффильде, угадывателем мыслей в Плимуте и вором в Лондоне. Наконец, в Ньюкэстле я сделался шулером.

Вероятнее всего, моя работа в этой области осталась неизвестной мистеру Гайтону, вашему предшественнику, сэр.

Под руководством Джима Эндрьюса, знаменитого игрока я прошел в специальной школе всю сложнейшую систему шулерской игры. Не буду утомлять вас, сэр, описанием моих занятий в этой школе. Упомяну только, что шулерское дело в Англии 80-х годов было поставлено значительно лучше, чем преподавание в Оксфорде или Кембридже. Впрочем, в школу принимались люди с бóльшей выдержкой, чем эти кембриджские юноши в узких штанах. Моя выдержка к тому времени равнялась 8 годам тюремного заключения, что, также вероятнее всего, осталось неизвестно мистеру Гайтону, вашему предшественнику, сэр. С того времени тюремные системы европейских стран неоднократно привлекали мое внимание, что впоследствии дало мне возможность

с успехом применять выработанный мною способ внутритюремной агентуры.

В одно время с моими занятиями в школе шулерской игры я начал писать статьи в «Кингстоунской Газете». Нужно отметить, что только тупые британцы не могли понять, что в хронике местных событий я возвещал учение, которое несколько столетий тому назад возродило бы мир.

Тогда я впервые пожалел о моем решении родиться в Англии. Я не невежда, сэр, и должен признать, что наука за последние 2—3 столетия нанесла значительные уроны религии. Но ведь нет ни одного честного британца старше 53 лет, который бы по воскресным дням не прочитывал хотя бы одну главу из ветхого или нового завета, в самом плохом издании.

В самом деле, сэр, ведь не может же быть, чтобы я родился напрасно?!

Не может же быть, чтобы честный британец предпочитал мне какого-то самозванца, который никогда не существовал и который приснился человечеству, когда весь мир был населен евреями, и все евреи были раввинами?

Чорт возьми, сэр! Я не однажды пытался доказать, что я — создатель вселенной, что именно я и никто другой отринул землю от небес и пустил винтом всю эту небесную механику. Все было напрасно; я добился только одного результата: директор бродячего цирка предложил мне показывать фокусы и заняться чтением мыслей на расстоянии.

Должен сознаться, сэр: все рухнуло, в бога верят только старые евреи, и то, когда они умирают. Техника Европы убила чудо, и мир вышел из повиновения богу.

Это также, вероятнее всего, осталось неизвестным мистеру Гайтону, вашему предшественнику, сэр.

В интересах дела, поручаемого мне вашим приказом, я должен также известить вас, что от блистательных времен моего владычества над миром у меня осталось только уменье делать карточные фокусы и передергивать при любой игре на виду у всех незаметно.

Сэр, бог одряхлел! Тяжелые предчувствия томят меня, сэр.

Впрочем, могу вас заверить, что решительно ничто не помешает мне с рвением отдаться моему делу и во что бы то ни стало выполнить приказ № 348/24.

Готовый к услугам

Стивэн Вуд».

«Еще одну минуту, сэр! Я позабыл сообщить вам, что Кингстоун населен сумасшедшими, среди которых множество буйных. Я советую обратить внимание на судью Хюлета, торговку овощами Елизавету Скотт, агента Джемса Броуна и на всех, кто осмеливается утверждать, что у меня поврежден рассудок.

Вы не можете себе представить, сэр, как тяжело жить в городе, населенном несчастными безумцами.

Я должен сказать еще несколько слов о мировых событиях. Не замечали ли вы когда-нибудь, сэр, что именно в то время, когда я играю, совершаются величайшие события истории. Как сейчас помню, в день объявления мировой войны я проиграл две партии в штосс на крупную сумму. Вы можете быть уверены, сэр, что я играю недаром».

III.

Инспектор Хью Фоссет Ватсон едва лишь успел доложить о письме высшему управлению полиции, а высшее управление полиции едва лишь успело запросить о местопребывании агента английское посоль-

ство в России, как Стивэн Вуд уже бродил по Петрограду с браунингом в кармане брюк и розыскной карточкой № 7781 перед глазами.

Он появлялся повсюду: то изысканным европейцем в цилиндре и английском полупальто, то русским офицером в чине штабс-капитана, то оборванцем в серой кепке и разодранной солдатской шинели. Только очень опытный глаз мог различить в оборванце чуть-чуть преувеличенную склонность к сплевыванию сквозь зубы и в блестящем штабс-капитане чересчур четкое движение руки, подносимой к козырьку фуражки. Он появлялся в ресторанах, которые были полны погонами, волочащимися шашками, молодыми людьми в чересчур свежем и изящном белье и дамами на любую сумму.

Погоны сверкали, шашки брядали по паркету, а дамы под электрическим светом люстр глазами, губами и станами обещали неутомимость в любви и быстроту в исполнении желаний.

Он появлялся в тайных клубах — «мельницах», которые были полны людьми во фраках и женщинами в траурной одежде с черной вуалью, наброшенной на лицо. Играя, женщины в трауре оплакивали своих мужей, отцов и братьев, а люди во фраках играли, никого не оплакивая.

Он появлялся в рабочих кварталах, на тайных собраниях, где люди в блузах и засаленных штанах с горящими глазами—делили мир и ниспровергали небо.

Город клубами, ресторанами, притонами и тайными собраниями бил в литавры и задыхался, как загнанный пес.

Инспектор полиции Хью Фоссет Ватсон, как и главное управление полиции гор. Лондона, могли быть довольны агентом Вудом.

Согласно тому правилу полицейской агентуры, которое гласит, что каждый агент, по прибытии на место назначения, обязан тотчас же ознакомиться с расположением местности, на территории которой находится разыскиваемое лицо, он изучал гибнувший город.

Он искал и находил десятки людей 45—50 лет, среднего роста, которых война лишила левой руки и заставила ходить прихрамывая, и ни один из них, несмотря на все это, не имел никакого отношения к манифесту негуса Уаламы.

IV.

Однажды, бродя по Петрограду, Вуд зашел в пивную под названием «Разоренная Бельгия», на Лиговской улице. На этот раз он был одет в обычный полудорожный костюм — резиновое пальто, серое кепи и гетры. Спустившись по четырем ступенькам вниз, он уселся у окна и потребовал пива.

Только три-четыре столика были заняты. За одним из них, в глубине комнаты сидели: блестящий студент в застегнутой доверху шинели, на которой императорскими орлами горели пуговицы, женщина, одетая с наивозможной скромностью, и оборванец.

Вуд прислушался к тому, что они говорили.

— В этом году дела самые что ни на есть пустые, — говорил оборванец, — вот в прошлом году была тактичная работа.

— Вот видите ли, — говорил студент, раскрыв портсигар и с нервностью постукивая папиросой о край стола, — сегодня, когда мы познакомились, я говорил вам, что мне бы очень хотелось принять участие в... в ваших занятиях.

Он замолчал на мгновенье и быстро перевел глаза с зеркала напротив на лицо оборванца и обратно.

— Видите ли, просто трудно жить на те средства, которые мне предоставлены. Я не могу из-за недостатка в средствах отказывать себе... в моих друзьях из высшего общества или...

— Или в нескольких подругах, — добавила женщина.

— Словом, ваши занятия, или, вернее, мое участие в ваших занятиях было бы для меня желательно. Так что, может быть, я...

— Если вы будете только наводчиком, — сказал оборванец, — так это будет, пожалуй, вуле вузан; это вас не покроет.

— Наводчик... это, так сказать, показывать вам различные места для покражи?

— Именно так-с. Если можно так выразиться, для совершения противозаконных действий.

Вуд за столом напротив допил свой стакан и налил себе из другой бутылки.

— Если бы вы допустили меня к участию в ваших делах, — говорил студент, бегая глазами и потирая слегка дрожащие руки, — это было бы одинаково удобно для нас обоих. Я часто бываю среди общества, которое могло бы, вероятно, занять вас.

Оборванец почесал небритый подбородок.

— Вы, кажется, изволите пребывать-с на восточном факультете?

— Да.

Вуд прислушался. Внезапная мысль о человеке, обладающем «документом, необходимым правительству Британии», мелькнула в голове и чуть не заставила расплескать пиво.

— У вас, должно быть, имеются знакомства среди...

Оборванец перегнулся через стол к студенту и что-то прошептал на ухо. Студент отвечал также шепотом.

Вуд встал и подошел к ним.

— Простите, — сказал он, обращаясь к студенту, — вы разрешите мне оторвать вас от ваших друзей на одну минуту?

— Я к вашим услугам, — вскричал студент, вскакивая.

Они отошли в сторону и сели за столик у окна.

— Будем знакомы, — сказал агент английской полиции. — Шарыгин из Киева. Где-то имел удовольствие вас видеть.

— Свехновицкий — пробормотал студент.

— Я слышал ваш разговор, — начал холодно Вуд, — и очень жалел, что в вашем университете, повидимому, не имеют понятия о регенсдорфской тюремной системе. Эта система, уверяю вас, совершенно излечивает от всякой склонности к преступлениям.

— Милостивый государь...—начал с гневом Свехновицкий.

— Впрочем, я позволил себе потревожить вас по другому делу. — Вуд ласково улыбнулся или попытался улыбнуться, подняв углы губ и сморщив кожу на переносице.

— Я слышал, что вы студент восточного факультета. А позвольте узнать, по каким языкам?

— Я изучаю арабский, персидский, турецкий, если вам угодно.

— А известен вам абиссинский язык?

— В Абиссинии говорят на эфиопском языке. Эфиопского я почти не знаю. Но что вам, собственно говоря, от меня нужно?

— Еще один вопрос. Не знаете ли вы здесь в Петрограде человека, который бы владел этим языком вполне свободно?

— Кроме бывшего русского посланника в Абиссинии, который уже года 2—3 как вернулся в Петро-

град, никого не знаю. Да и посланника знаю только по имени.

— А позвольте узнать, кто преподает этот язык в вашем университете?

— Со времени моего поступления в университет, этот язык у нас не преподавался. А почему, собственно говоря, вас это интересует?

Вуд как будто не расслышал вопроса.

— Не знаете ли вы случайно, кто преподавал этот язык до вашего поступления в университет?

— Эфиопский язык преподавал профессор Панаев. Вы, вероятно, восточник?

— Панаев? Ах, да! — вспомнил Вуд, — этот безрукий?

— Нет, совсем не безрукий, то-есть у него две руки.

— Да нет!

— Могу вас уверить. Правда, близко я его никогда не знал, но бывал на его лекциях и видел его неоднократно.

Вуд снова сморщил лицо в приветливую улыбку.

— Позвольте теперь объяснить вам мою назойливость. У меня сохранился очень древний документ, написанный, по преданию, на абиссинском языке. Мой предок Матвей Шарыгин еще при Елизавете попал в Абиссинию и вывез оттуда документ, который якобы заключает точные указания на местонахождение зарытого там клада. Я тщетно пытался в Киеве отыскать человека, знакомого с этим языком. Если бы вы помогли мне, я был бы вам сердечно обязан.

— Вот в чем дело! Это, действительно, любопытно. Может быть, я попытался бы. У вас при себе этот документ?

— К сожалению, не захватил.

— А вы бы занесли его ко мне как-нибудь!

— С удовольствием. Вы позволите ваш адрес?

— Литейный, тридцать два, квартира четырнадцать, к вашим услугам. Заходите в воскресенье, часов в шесть.

— Благодарю вас, зайду непременно.

Вуд с благодарностью пожал руку Свехновицкому, расплатился и вышел.

Студент вернулся к своему столу.

— Отчасти это даже нетактично сообщать незнакомым людям про свою квартиру, — сказал оборванец, с иронией сощурив глаз, — так очень даже просто и на борзого клюкнуть-с! Так с вами и работы никакой-с! На том и простите-с.

Он встал, покачиваясь, и застегнул порванное пальто на все пуговицы.

— Оставь его, Сигизмунд,—сказала женщина студенту, и оборванец, размахивая тросточкой, весело поклонился и выбежал из пивной.

У Николаевского вокзала он догнал Вуда.

— Позвольте-с вас на одно мгновенье, — сказал он, касаясь плеча агента, — я слышал, что вы бубнили пижону. А не нужен ли вам опытный игрок?

Вуд обернулся к нему с веселым видом.

— Ах, это вы, — сказал он, — отлично. Может-быть, ваши услуги мне понадобятся. Где же тогда позволите вас искать?

— На Обводном-с в заведеньи Юдки Гамбера, № 98. Спросить Ваську Скривела.

Вуд записал адрес, ласково похлопал оборванца по плечу и повернул на Невский.

V.

В назначенный день Вуд звонил у квартиры Свехновицкого.

Горничная отворила ему двери.

— Простите, — сказал Вуд, — могу я увидеть студента Свехновицкого?

Горничная исчезла, где-то далеко постучала в двери и крикнула;

— Сигизмунд Фелицианович, к вам!

Студент вышел бледный, с заспанным лицом, в тужурке, небрежно накинутой на плечи.

— Я к вам, если разрешите, — сказал Вуд, вежливо улыбаясь.

Они прошли в комнату Свехновицкого:

— Вы, кажется, из Киева? — спросил студент, подвигая к Вуду ящик с сигарами. — Вы раньше в Петрограде не бывали?

— Нет, не бывал, — поспешно отвечал Вуд. Щелкнув зубами, он откусил кончик сигары. — Никогда раньше не бывал. Очень интересно. Замечательный город. Я думаю, впрочем, что он требует еще некоторой организационной работы.

— Да? какой же именно?

— Работы над тюрьмами. Россия совершенно отстала в этом отношении от Запада. Я на-днях с удивлением узнал, что в петроградских тюрьмах господствуют устаревшие, никуда негодные системы.

Студент посмотрел на него с удивлением.

— А почему, собственно, вы заинтересовались тюрьмами?

Вуд поднял к нему лицо, изрезанное морщинами. Углы губ раздвинулись, глаза сузились, подбородок выдвинулся вперед. Он смеялся.

— Нет, я просто одно время имел отношение к юриспруденции и интересовался именно тюремным вопросом. Не больше. Но я, вероятно, задерживаю вас? Может быть...

— Нет, нисколько. Вы, кажется, хотели принести мне ваш документ на абиссинском языке?

— Да, я принес его. Но только... Я сам не знаю, о чем идет речь в этом документе. Поэтому, если ста-

ринное предание о местонахождении клада окажется достоверным, то...

— Вы можете быть уверены в моей скромности, — поспешно перебил Свехновицкий.

— Я совершенно уверен в вас, — сказал шулер, — а еще больше в вашем знании абиссинского языка.

— Боюсь, что касательно второго я обману ваши ожидания.

Вуд вытащил из бокового кармана сверток пергаментной бумаги и развернул его на столе.

Свехновицкий долго и с большим усердием рассматривал документ.

Он взял с полки огромный эфиопско-французский словарь и с его помощью пытался перевести манифест негуса Уаламы.

Вуд молча следил за ним внимательными глазами.

— Прежде всего я должен разочаровать вас насчет старинности документа, — начал Свехновицкий, отрываясь от текста. — Даже мой весьма неопытный глаз ясно различает, что этот документ составлен самое большее лет тридцать тому назад.

— «Или дней тридцать», — добавил мысленно Вуд.

— Первая фраза представляет собою обращение, — продолжал студент, — и переводится очень легко. Народы Хабеша и народы Тигрэ! Хабеш — это Абиссиния по-эфиопски, Тигрэ — одна из соседних областей, недавно присоединенных к этой стране. Дальше идет речь о государственной власти, о борьбе с какими-то врагами, а для перевода, нужно сознаться, у меня не хватает знания языка.

— Ах, так! — улыбаясь, сказал агент.

— Но можно быть почти уверенным, что ваше старинное предание недостоверно. Бумага имеет печать и по всем признакам носит официальный характер. Это какой-то приказ или, быть может, судебное решение,

не больше. Можно быть вполне уверенным, что указания на местонахождение клада не начинались бы обращением ко всему населению Абиссинии.

— Ах, да!—с сожалением подтвердил Вуд,—пожалуй, вы правы. Но все-таки неужели в Петрограде не найдется ни одного человека, который бы прочел этот приказ или судебное решение?

Студент задумался.

— Собственно говоря, нет ничего проще,—сказал он небрежно.—Зайдите в Азиатский музей при Академии Наук, и я убежден, что там среди библиотекарей найдутся люди, которые помогут вам.

— Вот на этот раз я исполнил ваш совет заранее. Как раз вчера я был в Азиатском музее, и мне решительно отказали в переводе этого документа по причине незнания диалекта, на котором он написан.

— А к кому именно вы обращались?

— Не помню фамилии,—отвечал Вуд серьезно.— У меня очень дурная память на фамилии.

Свехновицкий снова задумался.

— Если бы вы сумели найти профессора Панаева,— сказал он, наконец,—ваш документ был бы переведен в четверть часа.

— Ах да, Панаев! Но может быть вам известен его адрес?

— Нет. Я думаю, его адрес никому неизвестен. Если вы хотите найти его, отправляйтесь в притон самого низкого пошиба.

— Притон? Игорный притон? Вот странно!— вскричал Вуд.—Он, кажется, профессор университета, и вдруг вы предлагаете мне искать его в игорном притоне.

— Он давно оставил университет,—сказал Свехновицкий.—Впрочем, я ничего достоверного о нем не знаю. О Панаеве ходят странные слухи: говорят, что

он наркоман, говорят, что он гениальный шулер, говорят, что он авантюрист и неоднократно показывал себя с этой стороны во время своего пребывания на Востоке.

Вуд снова беззвучно рассмеялся.

— И вы говорите, что у него целы обе руки?

Студент посмотрел на него с опаской.

— Да, у него целы обе руки,—сказал он, вставая и давая этим понять, что визит окончен.

Вуд вскочил, бросив на стол сигару.

— Благодарю вас за ваши сведения,—сказал он,— я боюсь, что навряд ли моему документу суждено быть переведенным в Петрограде.

Студент проводил его до двери. Он откланялся и ушел.

VI.

В течение недели Вуд шнырял по притонам Петрограда. Он бывал в тайных притонах на Васильевском, в глухих местах, куда не осмеливалась за годы войны проникать полиция, на Ротах, в публичных домах, где рядом с солдатами, убегавшими на ночь из Измайловских казарм, биржевики и маклера, которыми кишел город, проводили пьяные ночи, и где под веселую музыку «Танго» и «Черных гусаров» процветали очко и железка.

Он бывал в картежных притонах на Витебской улице, где редкая ночь проходила без поножевщины, и в «Холмушах» на Воронежской, где бывшие экономки публичных домов торговали коньяком и ханжою. Внимательный и осторожный, занятый своим делом, помня только приказ № 348/24 и настойчиво стремясь найти человека, указанного розыскной карточкой, он мог бы удовлетворить самые строгие требования английской агентуры. Инспектор Хью Фоссет Ватсон

не узнал бы в нем автора письма о внеслужебных ощущениях, а английское посольство успокоительно ответило бы на запрос Скотленд-Ярда.

Однажды Вуд попал в игорный притон на Лиговке. Он был одет оборванцем, которому кое-что удалось «стырить», в продырявленном котелке, порыжелом пальто и опорках.

Притон ничем не отличался от десятка других, которые посещал Вуд во время своих блужданий. На втором дворе, во флигеле грязного дома в трех-четырех комнатах играли в карты, пили. Аферисты и шулера, одетые иногда с изысканностью, обсуждали дела на-ряду с настоящими архаровцами, прокопченными до мозга костей. Гастролеры и марвихеры находили здесь все нужные для себя сведения.

Здесь намечали пассажиров и делили награбленное. Здесь, готовясь сгореть, прогуливали последние ночи мойщики, здесь наводчики с аристократами делали рыхту и блатовали неопытных еще воров.

И между делом играли в три листика, очко и железку. Вуд прошелся по комнатам с небрежным и рассеянным видом, останавливаясь здесь и там на минутку у каждого стола, чтобы взять карту, проиграть или выиграть два-три рубля, прислушаться к разговору и, мельком взглянув на лица и руки играющих, пройти дальше.

Наконец, снова теряя надежду найти Панаева, он принялся наблюдать за игрой на небольшом столе в задней комнате.

Трое бродяг, молчаливых как статуи, играли в очко, любимую игру притонов. Один из них молодой, румяный, с небольшими усиками, франтовски одетый в новенький пиджак и высокие лакированные сапоги, держал банк. Двое других—старик с бритым, сухим лицом, сидевший прямо, заложив левую руку за борт

пальто, и костлявый парень в солдатской гимнастерке— были его партнерами.

Вуд шатался неподалеку от них, заглядывая в карты, куря крупную, едкую, как огонь, махорку и не пропуская ни одного взгляда, мельком брошенного на него.

Спустя полчаса к столу, за которым он следил, подошел какой-то оборванец.

— Ха, бурч, дай-ка карточку!

— Не игра, — коротко сказал старик, отталкивая протянутую руку.

Это значило, что играют на какое-нибудь дело, и что нового партнера в круг не берут.

Привстав, старик вытащил левую руку из-за борта пальто и осторожно положил ее на стол. Рука, разгибаясь, щелкнула.

— Лет сорок пять — пятьдесят? Пожалуй, больше Носит бороду, светлые волосы, ходит прихрамывая,— розыскная карточка промелькнула перед глазами Вуда.— Посмотрим, однако, ходит ли он прихрамывая?

— Играем, брат, на гранд,—вежливо сказал франтоватый банкомет оборванцу, — подходи через полчасика.

Они продолжали игру

— Карту!

— Пожалуйте шеперочку!

— Еще! Довольно!

— Восемь, двенадцать, шестнадцать. А ну-ка, патянем-ка чижика!

Положив две карты рубашками вверх, франт принялся, медленно выдвигая нижнюю карту, натягивать себе очко. Старик глядел на него равнодушными глазами.

— Просадил,—сказал банкомет, бросая карты на стол. Банк перешел к старику.

Собрав карты на столе и вложив их в левую руку, он быстро стасовал колоду. Рука приподнялась вверх,

снова щелкнула и упала на стол с металлическим стуком.

Вуд, блестя глазами, закурил и вновь прошелся по притону.

Спустя несколько минут, франтоватый парень, проигравшись дотла, о чем-то горячо заговорил со стариком, бросил карты, плюнул и подошел к прилавку. Костлявый партнер исчез куда-то.

Старик остался один за столом.

Франтоватый парень выпил водки из пивного стакана, притопнул ногой и затянул сладким тенором:

Позаростали
Мохом дорожки,
Где проходили
Милого ножки.

Мужик в поддевке, стоявший за прилавком, тотчас подтянул:

Позаростали,
Попропадали,
Где мы с тобою,
Мой милый, гуляли...

И уже весь притон пел:

Позаростали,
Попропадали,
Где мы с тобою
Цветики рвали...

Вуд, пошатываясь, как пьяный, сзади подошел к старику.

Старик сидел неподвижно, глядя перед собой равнодушными и усталыми глазами. Левая рука, которая, казалось бы, ничем не отличалась от правой, далеко закинутая назад, свисала со спинки стула.

Вуд, наклонившись всем телом и заслоняя собою фигуру старика, вытащил иглу и с силой вколол ее в руку повыше кисти.

Старик не обернулся. Вуд беззвучно рассмеялся и, блестя глазами, вытащил иглу.

Притон гремел:

В темную ночку
Стук, стук в окошко.
Вставай с кроватки,
Милая крошка.

Дверь распахнулась с пронзительным свистком, визгливый женский голос прокричал в распахнутые двери:

— Фа-ра-оны!!

Старик вскочил и, осторожно пробираясь вдоль стены, к стене спиною, свернул, прихрамывая, в темный коридор. Вуд, не спуская с него взгляда, прошел за ним крадущимися шагами.

Внезапно в темноте снизу замаячил свет. Что-то черное мелькнуло в свету и тотчас же исчезло.

Вуд осторожно подошел ближе: подъемный люк вел на круговую лестницу.

Подождав, пока шаги умолкли внизу, Вуд опустил за собою люк и спустился по лестнице.

Пробежав через небольшой двор, он вышел на Лиговку. Невдалеке под фонарем он различил четкую фигуру. Осторожно ступая, перебегая в тени вдоль заборов, он приблизился к старику. Вдруг ветер донес до него песню. Старик пел глуховатым голосом, слегка помахивая в такт правой рукой:

Маруся встала,
Точно не спала,
Милому другу
Дверь отворяла.
«Милая дуся,
Я не боюся,—
Мене зачалют,
Я откуплюся.

VII.

Старик с искусственной рукой пересек Знаменскую площадь, прошел по Лиговке до Мальцевского рынка и свернул вдоль решетки сада по Бассейной. Агент следовал за ним, избегая освещенных мест. Походка его приобрела эластичность и мягкость.

Опустив голову и подняв воротник пальто, он скользил в снегу, прячась за каждым выступом дома. Старик пересек Большую Болотную, прошел дальше и на углу 10-й Рождественской и Суворовского купил газету. В ясном свете фонарей, покачивая левою рукою, он пошел дальше по 10-й Рождественской. Вуд остановился неподвижно в тени огромного углового дома.

Едва только четкая фигура скрылась в снежном тумане, агент быстро перебежал дорогу и осторожно выглянул из-за угла.

Старик исчез. Вуд прошел несколько шагов и заглянул в переулок. Никого не было видно в снегу.

Вуд отошел немного назад, закурил и, выдвинув нижнюю челюсть, опустив углы губ, беззвучно рассмеялся. Спустя несколько минут, мимо него в ворота дома прошел китаец.

Немного погодя, за ним последовал второй

Вуд снова закурил папиросу, бросил ее и, пройдя небольшой дворик, наугад постучал в двери.

— Ктоа таам?

— Свой, отворите, пожалуйста.

Подслеповатый китаец без шума отворил дверь.

— Простите,—сказал Вуд,—не могу ли я увидеть...

Он остановился, не зная, кого назвать,—китаец, не слушая, распахнул перед ним двери.

Вуд прошел коридор, освещенный коптящей лампой. Китаец исчез.

Вуд отворил дверь и остановился на пороге неподвижно, вскинув брови.

— Раостуй, господин, — сказал пожилой китаец, сидевший на табурете возле двери.

— Здравствуйте,—отвечал Вуд.

Они помолчали немного.

— Пеарвый рааз?—спросил китаец.

— Первый раз,—отвечал Вуд, улыбнувшись.

Китаец встал и отворил двери во вторую комнату. Вуд сделал несколько шагов и остановился, зорко оглядываясь.

Комната вдоль по стенам была прорезана высокими нарами.

Кое-где на грудах тряпок с полузакрытыми глазами лежали китайцы. Старик с искусственной рукой растянулся на низкой кушетке, недалеко от двери.

Подслеповатый китаец, неслышно ступая, указал Вуду свободное место на нарах. Немного погодя, он принес трубку и несколько кубиков опия. Агент лег, и китаец, сунув ему в зубы мундштук, принялся вмазывать опий в трубку.

Стараясь не дышать грудью, Вуд начал втягивать дым пожелтевшими губами.

— Главное—система. Ни одного шага нельзя делать без системы.

Еще внимательными и острыми глазами он видел, как пожилой китаец подошел к старику и о чем-то заговорил с ним. Вуд расслышал только две фразы:

— Как дела, Ляо-тянь?—спросил старик, не выпуская изо рта мундштука трубки.

— Плуохо деала, сеньшань Панау,—отвечал Ляо-Тянь певуче.

«Панау—это Панаев»,—догадался Вуд.

Легкий и приторный дым поплыл вокруг него. Он неожиданно почувствовал страшную усталость, подумал:

«Нельзя дышать, усну», — в то же мгновение машинально вдохнул дым и на секунду задохся.

Китаец равнодушно вмазывал кубик за кубиком в трубку. Пол и потолок сплющились, и зеленый свет закружился досадными точками.

Потом зеленый сменился голубым, и потолок ударился в небо.

Слово «*система*», вычерченное красными буквами на блестящей стальной пластинке, ударило ему в лоб. Лоб раскололся от удара и тотчас замкнулся снова.

Комната вытянулась в длинный и узкий коридор, вымощенный квадратными плитами.

Высокий патер в рясе с опущенным капюшоном читал посредине коридора «Deus Magnus», и бледные лица прижимались к решотчатым отверстиям в двери. Вуд узнал Борстальскую тюрьму, Оборонской системы молчания, в которой он сидел несколько лет в молодости.

Патер прервал молитву и сказал, отбрасывая капюшон:

— Тысяча двести восемьдесят две камеры ночного разъединения, четырнадцать карцеров и шесть камер приговоренных к лишению жизни. Молчанье содействует нравственному воспитанию.

Потом он закрылся капюшоном и превратился в небольшой зеленый фонарь на носке ботинка Вуда.

Китаец подошел и сбросил фонарь вниз.

— Благодарю вас, сэр,—сказал Вуд, приподнимаясь. Каждая стена курильни проломилась под тупым углом, и восьмисторонняя зала возникла под серым светом, падавшим сверху.

Семь коридоров отходили от стен в глубину. Усталый надсмотрщик на низкой скамейке возле камеры заснул над библией.

— Ба, Черри Гиль! — вскричал Вуд.—Пенсильванская тюрьма!

Привычной рукой он ощупал на груди бляху с номером. Бляха приблизилась к глазам.

— Четыре тысячи триста двадцать два, — сказал Вуд.

— Здесь,—ответил он самому себе.

— На прогулку,— сказал надсмотрщик через отверстие в двери. Шулер соскочил с нар, расплатился с китайцем, снял с гвоздя вязаную маску с прорезами для глаз и отправился обычным путем, по длинному коридору, залитому серым бетоном, на арестантский дворик.

— Знаю,—сказал Вуд,—маска и серый бетон: Сен-Жильская тюрьма.

Надсмотрщик положил руку на его плечо и спросил певуче:

— Пеарвый рааз?

Вуд обернулся. Длинный коридор раскинулся крестом, окруженным пятью стенами. Дверь с правой стороны отворилась. Вуд ступил шаг и зажег спичку: под ногами были трехгранные брусья острыми концами вверх. Он бросился назад. Дверь захлопнулась, и свет погас.

— Чорт возьми,—сказал Вуд приподнимаясь,—это Регенсдорфская система.

Ляо-Тянь вошел в комнату и присел на низенький табурет возле двери.

— Что-нибудь одно,—нет, что-нибудь одно,—сказал Вуд,—или я...

Потолок упал на него и рассыпался кусками извести. Он сидел на нарах и озабоченно чистил платье. На нем была полосатая куртка каторжника с жестяными пуговицами. Верхняя пуговица превратилась в глаз. Глаз смотрел на Вуда. Рядом с ним возник второй; морщинистый лоб прорезался над ними. Небритый подбородок выдвинулся вперед. Лицо смотрело на Вуда.

— Довольно, чорт возьми,—сказало лицо, и чья-то рука схватила агента за шиворот.—Я думаю, что вам порядочная чертовщина снится.

Серый свет прыгнул вверх и расплющился. Вуд открыл глаза.

Он приподнялся и сел на нарах, бледный с осунувшимся лицом, с горящими глазами.

— Ага!—вскричал он, взмахивая рукой,—вот в чем дело! Очень рад видеть вас, сэр! Как нравится вам Регесдорфская система? Вы не находите ли, чорт возьми, что мир вышел из повиновения богу?

Панаев отступил на два шага и посмотрел на него с удивлением.

Вуд соскочил с нар, положил ему руку на плечо и продолжал, сверкая глазами.

— Все гибнет, сэр! Мир вышел из повиновения богу! Но я нашел, наконец, способ, которым можно в несколько лет вернуть мне власть и миру покорность. Нет ничего проще, сэр! Стоит только организовать мир по тюремной системе города Регенсдорфа.

Панаев взглянул на Ляо-Тяня. Китаец подошел к Вуду и стал легонько похлопывать его по плечу.

— Нитчеаго, нитчеаго, это пеарвый рааз тоалька. Сейчас проайдет. Нитчеаго, бывает.

— Одну минуту внимания, сер!—продолжал агент,— как могут они сомневаться в том, что я — бог?! Вы представляете себе, сэр, организацию мира по тюремной системе? Надсмотрщики у дверей, свет сверху, прогулки по мощеным плитам, библия и человечество снова в моей власти. Точность, покорность, молчанье— время времени и пространство пространства.

Взгляд его упал на левую руку Панаева. Он вздрогнул и остановился.

— Панаев...

— Нитчсаго,—повторил Ляо-Тянь: вот и проашло! Здаоров буудешь! Коари дальше! Нитчеаго!

Вуд поднес руку к лицу и задумался. Еще минута. и строителя мира по Регенсдорфской системе сменил агент английской полиции, выточенный из стали.

— Однако, — сказал он, пытаясь улыбнуться Панаеву,—как сильно на меня подействовал опиум. Я, кажется, обеспокоил вас, простите.

— Нет, ничего, — отвечал Панаев,—вы меня даже заинтересовали. Организовать мир по тюремной системе? Странная мысль!

Вуд рассмеялся.

— Вот уж не знаю, что забрело мне в голову. Как вы говорите — мир по тюремной системе? Да, в самом деле престранная мысль.

Взгляд его упал на газету, лежавшую на изголовьи кушетки.

Он прочел почти машинально: «Большое сражение у Вердена. Атака германцев в районе Вердена (фронт 40 километров) принимает размеры крупного боя с возрастающим напряжением. Бомбардировка ведется из орудий крупного калибра».

Он обернулся. Панаев подозвал Ляо-тяня, расплатился с ним, кивнул Вуду головой и вышел из комнаты. Агент бросился вслед за ним.

Подслеповатый китаец вновь отворил дверь. Вуд бросил ему мелкую монету, перешел дворик и исчез за воротами.

VIII.

Февраля 12. Провел ночь в доме № 112 по Обводному каналу. Вышел в 7 утра, пошел по Лиговке, свернул на Невский, вошел в подъезд дома № 106, Вышел через полчаса переодетый—фетровая шляпа, черное пальто с бархатным воротником, в руке трость.

Февраля 13. С 11 часов утра целый день не выходил из дома № 106 по Невскому. Ночь провел там же.

Февраля 14. Вышел в 12 дня — черное пальто, шляпа трость, с портфелем, дошел пешком до Морской, прошелся назад до Казанского собора. Кого-то ждал; через полчаса поехал на извозчике через Дворцовый мост. Зашел в Азиатский музей. Оставался там до $3^1/_2$; вышел с туго набитым портфелем. Вернулся в 106 и там оставался до ночи. В 12 часов пешком пошел в клуб—Владимирский 12. В клубе играл и много выиграл. Сведения о том, что он—шулер, повидимому, ложны. Ничего не заметил.

Февраля 15. Вчера ночью вышел из дома № 106, одетый в солдатскую шинель без ремня, в черной форменной фуражке. Прошел до Знаменской площади, свернул на Калашниковский проспект, прошел в курильню. Пробыл до утра. Утром вышел с китайцем; оживленно говорили. Дошли вдвоем до Суворовского; китаец вернулся назад. Прошел до Греческого; ворота № 47. Оставался до утра.

Февраля 16. Весь день у № 106. Не приходил.

Февраля 17. То же.

Февраля 18. То же. Справлялся у дворника: не проживает.

Февраля 19. Справлялся о местожительстве. Дали ответ: выехал в 1915 году.

Февраля 20. Потерял след.

Февраля 21. В 12 часов ночи встретился у Владимирского клуба. У входа говорил с высоким в пенсне, белокурым, лет 35 — 40. Кольца на руках. Играл всю ночь. Много выиграл. Шулер? Играет кованой колодой? Вернулся в 7 час. утра.

— Февраля 22. Провел весь день в № 106, кв. № 27, 2-й этаж, слева третье окно.

В 9 часов вечера вышел в солдатской шинели и меховой шапке с ушами. На трамвае поехал на Васильевский. Слез у 7-й линии, прошел пешком до Среднего проспекта. Вошел в дом № 64. Игорный притон. Оставался до 3-х ночи.

Февраля 24. . . . .

Февраля 26. . . . .

Февраля 28. Ночь провел в клубе на Владимирском

Марта 2. . . . .

Марта 4. . . . .

Марта 7. Ночь провел в клубе на Владимирском. Бывает здесь еженедельно.

Марта 8. В 2 часа дня поехал в министерство по иностранным делам. Провел там два часа. Вернулся и не выходил до ночи.

IX.

В то время, как англиканская церковь во главе с архиепископом Честером молила бога о ниспослании победы над проклятыми немцами, — католическая церковь — римский конклав, — папа Бенедикт и кардиналы молили бога о поражении нечестивых поборников лютеранской ереси, а лютеранская церковь молила бога о том, чтобы ненавистные союзники были повержены в прах, — шулер и агент английской полиции Стивэн Вуд — если не бог, то по крайней мере называвший себя богом, — шаг за шагом выслеживал владельца документа, необходимого правительству Британии.

Восьмого марта он шел по Обводному каналу, следя за номерами домов.

«Девяносто два, девяносто четыре, девяносто шесть, девяносто восемь».

— «Чайное заведение для извозчиков. Доступно ломовым». Юдель Гамбер и Ко», — прочел Вуд.

В чайной стоял сизый туман. Хозяин — рыжий парень с плутовской рожей сидел за прилавком и пил чай с блюдечка. Рядом с ним хрипел граммофон.

— Что прикажете?

— Мне нужно Скривела, — сказал агент, — он здесь сейчас?

— А вам, позвольте узнать, по какому делу?

— А это вас не касается.

— Как это не касается? — сказал с обидой рыжий парень, выставляя вперед огромную вставную челюсть — если я и есть самый Скривел?

— Пустое, — сказал Вуд. — Я знаю Скривела. Вы — не Скривел.

— Я Ваську могу позвать, конечно, — сказал рыжий парень, пряча челюсть. И, обернувшись к двери, которая вела в соседнюю комнату, он крикнул:

— Васька, поди сюда, тебе господин просит.

Скривел вошел в фуражке, лихо надвинутой на ухо. Увидев агента, он сбросил фуражку и протянул ему грязную руку, с гордостью поглядывая вокруг.

— У меня к вам дело, любезный Скривел, — сказал Вуд, не давая ему руки.

Оборванец провел его в соседнюю комнату, почти пустую.

— С вашего ко мне обращенья, не угодно ли-с супле афирон — пивца или, может, беленькой потребуется?

— Дело у меня к вам вот какое, — продолжал Вуд, — хотите вы заработать сотню, другую?

— Коман ву портреву — со всем нашим удовольствием!

— Вы умеете править авто?

— Править машиной? — переспросил Скривел, — вам шоффер нужен?

— Мне нужен хороший шоффер, — сказал Вуд, — такой, чтобы он мог на-ходу подбить извозчика и проехать дальше.

— Мм, — промычал с одобрением оборванец, — понимаем. Я могу и такого шоффера достать. Только, конечно, придется военный автомобиль употребить. У меня шоффера знакомы только военные.

— Это ваше дело. Кроме того, мне нужен извозчик. Вам извозчиком не приходилось быть?

— Мы, конечно, взломщики, — отвечал Скривел, почесав за ухом, — но, конечно, в случае чего можно и извозчиком. Пожалуйста, вам и извозчик.

Вуд вытащил портсигар, закурил, предложил папиросу оборванцу.

— Так поговорим.

Они говорили около часу. Агент разложил на столе лист бумаги, начертил несколько линий карандашом и передал бумагу вместе с деньгами Скривелу.

Скривел сложил бумагу, сунул деньги в карман, снова содрал фуражку с взлохмаченной головы и раскланялся.

У моста, недалеко от заведения Юделя Гамбера, Вуд сел в трамвай и поехал к Литейному проспекту.

Афишки на стеклах трамвая советовали покупать шоколад Крафта, кровати Ефима Преловского и венскую мебель братьев Тонет. Мальчишка в красной шапочке разевал рот на банку с какао, черномазый негритенок подносил ко рту полные горсти разноцветных леденцов, полнощекая розовая девочка рядом с ним заявляла со смехом, что она умывается только мылом Брокара № 11714.

У Литейного проспекта агент спрыгнул с трамвая и, спустя несколько минут, звонил у дверей квартиры Свехновицкого.

Он позвонил дважды. Никто не отзывался. Подождав немного, он позвонил в третий раз и пошевелил ручкой.

Наконец кто-то отворил внутренние двери и спросил с тревогой:

— Кто там?

— Могу я увидеть Свехновицкого, Сигизмунда Фелициановича? — спросил Вуд.

— По какому делу? — отвечали за дверью.

— Нет, ничего особенно важного, — сказал агент,— просто я уезжаю и хотел бы увидеть его перед отъездом.

Выходная дверь дернулась на цепочке, и сквозь щель Вуд рассмотрел встревоженное лицо студента.

— Ах, это вы! — сказал он, узнавая, наконец, Вуда.

— Простите, что осмеливаюсь вторично беспокоить вас, — сказал агент, кланяясь и защелкивая за собой замок.

Свехновицкий провел его к себе и предложил садиться.

— Чем могу служить?

— Видите ли, я уезжаю из Петрограда, — начал Вуд, поднимая углы губ вверх и улыбаясь, — очень скоро, дня через два — три, а дело с моим документом так и не разрешилось. Так его никто и не перевел.

— Вы, кажется, собирались обратиться к Панаеву?— спросил Свехновицкий.

— Да, именно к Панаеву; но при всем желании я никак не мог его найти. Разумеется, я и не пытался искать его в игорных притонах, как вы мне изволили указать в прошлый раз. Мне указывали, где он чаще всего бывает, я заходил туда несколько раз, но никогда не находил его там.

Вуд взглянул на Свехновицкого. Студент сидел с бледным лицом и усталыми глазами и, не слушая, смотрел в окно, мимо агента.

— Простите, — сказал Вуд — Простите, — повторил он немного громче.

Свехновицкий извинился усталостью и просил продолжать.

— Именно по поводу этого документа я и зашел к вам вторично, — продолжал Вуд. — Не могли ли бы вы, Сигизмунд Фелицианович, одно одолжение...

— Я к вашим услугам, — отвечал студент, не отводя глаз от окна.

— Один из моих знакомых переписывался с известным востоковедом Френом в Голландии. Он обещал мне послать, со своим письмом, точную копию моего документа и ручается, что через три—четыре недели я получу точный перевод. Я и сам пытался было сделать эту копию, но, увы, совершенно неудачно.

Он вытащил из бокового кармана точную копию, присланную ему вместе с приказом, и положил рядом с нею квадратный лист бумаги, испещренный каким-то нелепыми очертаниями.

Свехновицкий развернул обе бумаги.

— Да, — сказал он, — это даже и на копию, пожалуй, не похоже. Скорее это грубая подделка вашего документа.

— Именно подделка, — улыбаясь, сказал Вуд, — еще если бы эта подделка сколько-нибудь походила на действительный документ, я бы не осмелился тревожить вас, Сигизмунд Фелицианович.

— Собственно говоря, скопировать ваш документ— пустое дело, — сказал студент, — если бы я...

Он остановился, закусывая губы, и снова посмотрел в окно.

— Если бы я не был так занят последнее время, я бы с удовольствием услужил вам. Впрочем, вот что: зайдите к одному из моих друзей—студенту Ралли; если он свободен, то он не откажется услужить вам.

— Благодарю вас, — вскричал Вуд. — Вы разрешите попросить его адрес?

Свехновицкий написал несколько слов на клочке бумаги.

— Простите, ваша фамилия Ша...

— Шарыгин, Григорий Александрович, — подсказал Вуд.

Он с благодарностью принял записку, простился с Свехновицким и спустился вниз по лестнице.

У самого входа стоял человек в скромном черном пальто и барашковой шапке. Вуд поглядел на него и встретил взгляд, внимательный и точный.

Он припомнил разговор, слышанный им при первой встрече с Свехновицким, легонько свистнул, оглянувшись на окна студента и, вздернув брови вверх, поднял углы губ и беззвучно рассмеялся.

Агент русской полиции посмотрел на агента английской полиции, сделал дружественный знак рукой и, одним взглядом объясняя все, указал глазами на подъезд дома.

X.

Е. П. Профессору С. П. Университета.
Владимиру Николаевичу Папаеву.

«Его высокопревосходительство Товарищ министра по Иностранным делам бар. Польде поручил мне передать Вам его непременное желание увидеть Вас в министерстве 10 марта с/г в 12 часов дня.

Его Высокопревосходительство имеет переговорить с Вами касательно последних известий о смерти Е. В. негуса, полученных из Абиссинии: поэтому Его Высокопревосходительство поручил мне просить Вас

привезти с собою хранящийся у Вас документ, подписанный Е. В. покойным негусом Уаламой.

С совершенным почтением

Непр. секр. Тов. Министра по Иностр. делам

Христиан Варнеке».

— Дела идут на-лад, — сказал Папаев, перечитывая письмо, — старый пьяница умер.

Он поднялся с кровати, на которой лежал полураздетый и, бормоча что-то под нос, принялся надевать сюртук. В виду отсутствия левой руки, он проделывал это исключительно с помощью правой. Расчесав бороду, он сбросил с левого плеча сюртук, привинтил руку, укрепил ее ремнями и, сунув письмо в карман, прошел в соседнюю комнату. В комнате не было никакой мебели, ни даже занавесок на окнах. У окна стоял стол, вправо от него в углу несгораемый шкаф.

Папаев вставил ключ, нажал три кнопки, отворил неповоротливую дверь шкафа и вынул оттуда сверток пергаментной бумаги.

Документ с непреложной ясностью и вполне непререкаемой точностью свидетельствовал непременное желание негуса Уаламы отказаться от престола в пользу Личьясу, своего высочайшего внука.

Папаев прочел:

«Народы Хабеша и народы Тигрэ!

Тяжкое бремя многочисленных забот государственной власти возложено на Нас, удрученных годами и болезнями. В тревожные минуты борьбы с врагами приняв руководительство страною, Мы возвеличили родину Нашу и привели ее к порядку и благоустройству.

Ныне же, воодушевленные единой с народом мыслию, что выше всего благополучие дорогой Нашей родины, и находясь в тревоге за судьбу престоло-

наследия Нашего, признали Мы за благо вручить право на высочайший престол Наш обожаемому внуку Нашему Личьясу.

Посему, призывая благословение божие на нашего Монарха, приказываем всем нашим верным подданным подчиниться облеченному отныне всей полнотою власти Негусу Негест Хабеша и Тигрэ Личьясу.

Подписано: Уалама».

— Тейч! — вспомнил Панаев.

Улыбаясь в бороду, он свернул пергамент и, перевязав его черной шелковой лентой, прошел в переднюю.

Передняя была так же пуста, как и комнаты. На вешалке одиноко болтались солдатская шинель, плащ и черное пальто с бархатным воротником. Какие-то разноцветные тряпки были свалены в кучу вдоль стен.

Панаев вернулся обратно, достал портфель, фетровую шляпу, надел черное пальто и крикнул:

— Агафья!

Откуда-то из чулана выползла маленькая старушка.

— Ты никого не впускай, Агафья, — сказал Панаев, — слышишь?

— Слышу, батюшка, — прошамкала старуха, — слышу, Владимир Николаевич.

Панаев спустился вниз по лестнице и отворил входные двери.

Недалеко от дома, шагах в десяти, на углу Знаменской, как будто ожидая кого-то, стояла пролетка.

— Извозчик, — позвал Панаев.

Резиновые шины неслышно подкатили к подъезду.

— К Певческому мосту, — сказал Панаев. Он сел в пролетку и положил портфель на колени.

Мимо с достоинством пролетел Невский проспект; извозчик, лихо сдвинув шапку на ухо, плевал на руки, покрикивал на лошадь и с усердием подхлестывал ее под самое брюхо.

Пролетка плавно скатилась вниз и понеслась по Мойке.

В то мгновенье, когда извозчик уверенным движеньем отдал вожжи и тотчас же снова натянул их, придерживая лошадь, из-за угла вылетел крытый автомобиль. Панаев почувствовал, что его толкнуло в бок и с силой подбросило вверх. В ту же минуту он упал назад в накренившуюся пролетку.

Извозчик, сброшенный с козел, встал и принялся добросовестно ругаться.

Правое заднее колесо было сломано, ось раскололась.

Автомобиль завернул за угол и, как крылатое чудовище, понесся по Мойке.

Панаев, опершись о край пролетки, выскочил, поднял упавшую на мостовую шляпу, сунул извозчику, который охал и крепко ругался над сломанным колесом, несколько монет и пошел пешком.

До министерства иностранных дел было недалеко. Панаев шел не торопясь, помахивая не в такт левой рукою и слегка прихрамывая.

Пересекая какой-то переулок, он наткнулся на толпу. В центре ее стоял человек в широкополой шляпе, закрывавшей лицо.

— Господа, — говорил фокусник приглушенным голосом, — обратите ваше внимание на ловкость рук знаменитого Ипеттп.

Он несколько раз провел рукой по воздуху, поднес ее ко рту и в то же мгновение вытащил изо рта пару яиц и живую лягушку.

За лягушкой последовал шнур, длиною не меньше 12-ти аршин, за шнуром две резиновые губки.

Панаев взглянул на часы. Часы показывали 45 минут двенадцатого.

Он подошел к фокуснику ближе.

— Вот три платка: зеленый, красный и белый. Я глотаю их, обратите ваше внимание.

Он проглотил платки.

— Который вам угодно?

— Зеленый, — сказал гимназит в разорванных штанах, смотревший прямо в рот фокуснику.

Фокусник плюнул. Зеленый платок вылетел на открытую ладонь.

— Господа, я сейчас покажу необыкновенный фокус, — закричал фокусник сдавленным голосом. — Ничего не проглатывая, я извлеку из горла...

Он пристально посмотрел на Панаева и, сказав негромко: «раз, два, три», вытащил изо рта свернутый и перевязанный ленточкой пергаментный лист бумаги. Тут же сорвал ленту и, схватив рукой за край пергамента, взмахнул им и развернул лист перед самым носом Панаева.

«Народы Хабеша и народы Тигрэ!» — прочел Панаев. — Чорт возьми, откуда у вас эта бумага?

Он подбросил портфель, прижал его локтем и, оттянув замок, вытащил манифест Уаламы.

Спустя секунду, он выхватил из рук фокусника его пергамент и, положив их рядом на портфель, принялся лихорадочно сравнивать.

Текст был тот же, но по неровному шрифту и сдвинутой печати Панаев тотчас же увидел, что документ фокусника был неискусной подделкой.

— Откуда у вас эта бумага? — вскричал он, поднимая глаза на фокусника.

— Прошу извинения, господин, — отвечал фокусник, — публика ждет.

Протянув руку, он схватил *подлинное* отречение

Уаламы, в одну секунду свернул его в трубку и прежде, чем Панаев успел опомниться, вбросил в рот и проглотил, как аптекарскую облатку.

— Назад, назад! — закричал Панаев, не выпуская из рук портфеля и плечом толкая фокусника, — чорт возьми, что вы сделали? Вы проглотили мою, а не свою бумагу!

— Что такое? — спросил фокусник. Он наморщил переносицу, опустил углы губ и рассмеялся беззвучно.— Ах, простите пожалуйста, чистая случайность! Одну секунду!

Он закинул голову назад, харкнул и, взмахнув рукой в воздухе, снова вытащил трубку пергаментной бумаги.

Панаев выхватил ее из рук фокусника и развернул с мгновенной быстротой. Шрифт был ровен, печать стояла на месте.

Он с облегченьем вздохнул и, бросив документ в портфель, защелкнул замок и обратился было к человеку в широкополой шляпе.

Но покамест Панаев сверял подлинность манифеста Уаламы, фокусник, не собрав в свою шляпу ни одной монеты, скрылся в толпе.

Толпа расходилась.

Панаев бросился искать фокусника, никого не нашел и остановился на углу неподвижно; он пытался объяснить себе историю подложного документа.

В 12 часов 15 минут он был принят товарищем министра по иностранным делам бароном Нольде. После приветствия барон Нольде вызвал секретаря.

Через четверть часа эти трое людей с полной достоверностью выяснили:

1) что письмо, полученное Панаевым из министерства по иностранным делам, подложно; никакого вызова, подписанного секретарем Варнеке, ему не посылалось;

2) что и второй документ, вытащенный изо рта фокусником, как и первый, есть только подделка под подлинное отречение негуса Уаламы, исчезнувшее в горле человека в широкополой шляпе.

XI.

Агент Вуд
месяца марта, числа 11-го.

Петроград. Английское посольство. Лондон. Скотленд Ярд. Инспектору Хью Фоссет Ватсон.

«Настоящим извещаю инспектора Хью Фоссет Ватсона, что приказ № 348/24 от 10-го января исполнен мною 11-го марта с. г., и документ, необходимый правительству Британии, в любое время может быть предоставлен в распоряжение правительства.

Кроме того, сэр, я должен сознаться, что мне надоела дисциплина...

Я имею задать вам два вопроса, сэр: 1) Что стали бы вы делать с агентом, которому смертельно надоела дисциплина, и который желает с одного раза покончить со всеми 124 правилами агентуры английской полиции? и

2) Не нарушится ли мировой порядок, и не рухнет ли в бездну солнечная система, если я — агент Стивэн Вуд — пошлю к дьяволу господина инспектора Ватсона.

Сэр, не стоит мне противоречить.

Впрочем, имею честь доложить, что вышеупомянутый приказ за № 348/24 исполнен мною с надлежащей быстротой и точностью.

Как здоровье вашей жены, господин главный инспектор, и не передадите ли вы привета девочке Мэри, которую я любил в молодости?

. . . .

Но вот в чем дело: как организовать мир?

За последние 200 — 300 лет — от Томаса Мора и до наших дней — предлагались десятки систем, которые должны были принести счастье человечеству. Пустое, пустое, сэр! Что может сравниться с моей системой, с тюремной системой города Регенсдорфа, которая вернет мне власть и принесет спокойствие вселенной.

Все обстоит благополучно, сэр! Безрукий дьявол залетел мне в голову и сверлит мозг. Сегодня ночью я буду играть с ним в игорном доме. Он стар, ходит прихрамывая, у него светлые глаза, и он смотрит ими равнодушно. Китайцы называют его Панау-сеншин, а я, Стивэн Вуд,—«упомянутым в приказе № 348/24 лицом».

Я найду его в игорном доме, и он будет побежден мною, потому что у меня гладкие руки, острые глаза, и потому что каждая карта отражается в моем сердце прежде, чем ложится на стол.

Известно ли вам, сэр, что город Петроград населен китайцами? Это пустяки, что в Петрограде живут люди белой расы? Все желтые, сэр! Я окончательно убедился в этом третьего дня утром. Ровно в девять часов утра я вышел, чтобы купить газету, спустился вниз по лестнице и дошел до угла, где стоял газетчик. Газетчик был желт, как лимон. Я посмотрел вокруг: все люди на улицах были желтого цвета, и у всех сзади болтались косы, похожие на собачьи хвосты.

Не думаете ли вы, сэр, что этот безрукий негодяй также, несомненно, агент китайцев?

Я прошу вас поклониться вашей жене, господин главный инспектор, и еще не забыть непременно передать привет девочке Мэри, которую я очень любил в молодости.

При сем прилагается отречение дурака Уаламы, которое ни на чорта не нужно английскому правительству.

Начальник мировой сети тюрем, организованных по системе гор. Регенсдорфа,

Стивэн Вуд.»

XII.

Скользя по оледенелому тротуару, падая и тотчас вскакивая снова, Вуд крался вдоль улицы. Лунный свет падал сзади, и длинная тень, размахивая руками, шагала перед ним, подражая его движениям.

Он прятался в тени заборов, которые закрывали его до плеч. Тогда длинная тень головы качалась перед ним на снегу, высматривая невидимого человека.

Ступая мягко и эластично, агент осторожно выходил из засады; снова впереди его извилистая тень начинала шагать, покачиваясь из стороны в сторону.

Он останавливался, точными глазами изучая ее движения.

Черный человек на снегу также останавливался перед ним, молчаливый и осторожный.

Вуд прятался за углом дома — он переламывался на углу, перерезанный пополам тенью телеграфного провода, вырастая и уменьшаясь, возникая то впереди, то сзади Вуда.

Скользя вдоль стен, ощупывая руками все, что попадалось на пути, за его спиною, Вуд наткнулся на нишу, сделанную для ворот дома. Не отводя глаз от черного человека, он сделал два шага назад и, не оглядываясь, спиной отворил дверь в воротах. Черный человек исчез.

Вуд дошел до того места, которым кончался каменный коридор ворот и, приподнимаясь на носках, медленно повернулся.

На дворе было полутемно. Узкий четырехугольник площадки был заключен в стены; стены отвесными плоскостями летели вверх. Под углом справа падал, резко оттеняя вершины стен, зеленый свет луны.

Вуд вздрогнул и зашатался. Он бросился вперед и вдруг завыл тягучим голосом, бешено встряхиваясь всем телом.

На цементной площадке двора один за другим, вкруговую, шли, равнодушно покачиваясь из стороны в сторону, арестанты. На каждом была куртка, прорезанная вдоль черными полосами, и на груди у каждого бляха с номером.

Невдалеке стояли два надзирателя и надсмотрщик с кожаным кнутом в руке.

Вуд умолк и принялся вглядываться в лица арестантов. Они проходили — первый, второй, третий,— каждый ступая своей ногой в след ноги того, кто шел впереди, — четвертый, пятый, шестой, — не поднимая глаз с плоскими и белесыми пятнами вместо лиц.

Седьмой арестант вышел из круга. Это был человек невысокого роста, с лицом, изрезанным морщинами, с широко открытыми точными глазами.

Он поднял брови, опустил углы губ и пристально поглядел на Вуда.

— Стивэн Вуд, здравствуй, Стивэн Вуд, — крикнул Вуд, смеясь.

— Стивэн Вуд, здравствуй, Стивэн Вуд, — ответил строго седьмой арестант, протягивая руку.

Вуд повернулся и медленно пошел обратно к воротам. Дрожащей рукой он распахнул дверь и, не оборачиваясь, вышел на улицу.

Он огляделся вокруг, проводя рукой по лбу, вдруг заметил, что он идет по Владимирскому проспекту.

Перейдя через дорогу, он отыскал дом под № 12 и, отворив тяжелую дверь, поднялся по лестнице вверх, в игорные залы.

XIII.

Стивэн Вуд поднялся по лестницам, крытым коврами, и, тревожно озираясь вокруг, пробежал в игорные залы.

Свет люстр, ударяясь в зеркала, летел за ним стремительными полосами.

Он закурил и, сдерживая дрожь, остановился у окна неподвижно.

Шла мелкая игра. Ночь еще не начиналась.

Скользя по паркету, Вуд быстро прошелся по комнатам и вновь остановился, повертываясь лицом к стене.

Он потирал гладкие и сухие, как вощеная бумага, руки; вытащив из бокового кармана кольцо с небольшим, острым, как конец иглы, камнем, он надел его на безымянный палец левой руки.

Спустя несколько минут, он подошел к овальному столу, за которым сидели пять игроков в черных фраках.

Банк держал человек с короткой финской трубкой в зубах. Полуседые волосы падали на лоб. У него было худощавое лицо с выдвинутой нижней челюстью; он был несдержан в движениях и увлечен игрою.

За ним сидел человек, на котором фрак ломался углами, как обожженная бумага. У него был огромный лоб, переходивший в лысый череп, красные веки без ресниц и вдавленный нос Сократа. Он говорил быстро, отрывисто и беспрерывно улыбался.

Третье место занимал курчавый молодой человек с большой головой и проницательными глазами. Он

грубо хохотал, махая рукой над головами партнеров, курил папиросу за папиросой и рассыпал пепел по зеленому сукну стола.

За ним, далеко откинувшись от стола, сидел спокойный человек с ясным лицом и стеклянными глазами. Он играл, опуская повременам веко на круглый, как яйцо, глаз.

Пятым играл юноша с горбатым носом, почти мальчик. Вуд бросил папиросу и занял свободное место.

Играли без крупье, в chemin de fer; играли быстро, движениями почти машинальными.

Человек с носом Сократа, посмеиваясь, принял банк.

Он вытащил из карманов руки с короткими пальцами и предложил снять колоду.

— Ну-ка, на счастье, — сказал он весело.

Белокурый человек с стеклянными глазами сбросил несколько карт.

Среди игры Вуд вдруг поднял голову и с грохотом отодвинулся от стола: огромное лицо с неподвижными мертвыми глазами смотрело на него в упор.

Он взмахнул рукой — лицо исчезло.

— Вам держать банк!

Вуд положил руки на стол и с ужасом увидел, что тонкая, острая, как бритва, веревка переплелась вокруг пальцев и крепко накрепко стянула кисти рук, прорезая мясо.

Он сбросил руки со стола и, вложив между ними колено, разорвал веревку.

— Примите же карты! — вскричал человек с трубкой в зубах.

Вуд протянул руки и схватил колоду.

Он принялся тасовать карты, одним скользящим прикосновением кончиков пальцев узнавая фигуры.

Белокурый игрок, с сожалением глядя на него, снял колоду.

Вуд принялся за игру.

И с первой же картой, брошенной на стол его рукою, он увидел, как на зеленом сукне, протянутом в бесконечность... французские войска построились в штурмовые колонны.

Он увидел, как на высоких холмах была установлена артиллерия. Он слышал, как ветер звенел, расшибаясь о телефонные сети.

— Восемь!

— Восемь!

— Восемь!

Банк удвоился.

... Три батареи колониальных войск были расположены вдоль дороги. По дороге тянулись, сшибаясь, грузовики, лазаретные повозки, артиллерийские ящики, телеги. Мотоциклеты пролетали по узкой тропинке вдоль сломанных тополей. Огромные наблюдательные аэростаты, похожие на пауков с серыми крыльями, висели над зеленым полем.

Вуд смотрел на солдат и видел, как африканцы, с коричневыми лицами в зеленых шинелях и касках с полумесяцем, готовились к бою. Ветер бил в лица. Черная луна на ущербе летела между синих туч...

С ужасным выражением Вуд принялся глядеть перед собой. На столе появились сперва его руки, держащие колоду, потом черные фраки, лица партнеров.

— Вы, кажется, нездоровы? — спросил игрок с финской трубкой в зубах.

— Благодарю вас, я совершенно здоров, — ответил агент.

Он с извинением отошел от стола, выпил стакан воды, вернулся и продолжал игру.

Первая талия была окончена.

Вуд тасовал карты, и движения его рук снова приобрели уверенность и точность.

В то мгновенье, когда карты нижней части колоды были сложены в нужных для него сочетаниях, он как бы нечаянным движением просек колоду пополам, сгибая лежавшую посредине ее карту.

Белокурый партнер, снимая колоду, невольно схватился рукой за надогнутую карту. Вуд, блестя глазами, с вежливым вниманием принял карты и начал игру.

И с первой же картой второй талии, брошенной на стол его рукою, он увидел, как...

... французские войска, построенные на зеленом сукне, протянутом в бесконечность, начали атаку.

Кто-то прокричал над самым ухом шулера:

— Вы нездоровы, — и добавил, повышая голос до крика, — высота четыреста три, две десятых налево, по три в минуту!

Вуд слышал, как орудийные выстрелы, удар за ударом, с молнией и тяжелым свистом резали плотный воздух. Он видел, как взлетали огни и разрывались ракеты. Резкий голос кричал: «четвертая к оружию! шестая к оружию! четырнадцатая к оружию!

— Восемь!

— Жир!

— Восемь!

— Восемь!

Вуд опустил голову: солдаты, оборванные, облепленные грязью, прокопченные дымом, с осунувшимися лицами и оскаленными зубами, растянувшись в одну линию, спотыкаясь о трупы, шли в атаку.

Тот же голос кричал над зеленым полем: «Высота четыреста три, три десятых направо, по пять в минуту!» — и добавил, понижаясь до шопота, над самым ухом Вуда:

— Простите меня, но не лучше ли было бы для вас на время оставить игру?

— Уверяю вас, что я совершенно здоров, — повторил Вуд.

И снова он увидел черные фраки, движения и лица партнеров.

— Положение отчаянное,—говорил человек с лысым черепом, потирая рукою затылок, — он выпотрошил меня. У кого еще есть деньги? У тебя, дружище?

Человек с финской трубкой засмеялся таким голосом, как будто его душили.

— Ни чорта!

— Сен-Галли богат! — закричал человек с лысым черепом, не переставая чесать затылок, — у Сен-Галли хорошие родители! Сен-Галли играет.

— У меня почти ничего не осталось, Виктор, — ответил серьезно молодой человек с кудрявой головой, рассыпавший пепел.

Вуд молча глядел на них, перебирая карты.

— Грудцыну везло! — снова закричал человек с лысым черепом. — Грудцын много выиграл! Грудцын играет!

— У меня есть на пару пива, — сказал, смеясь, белокурый игрок.

— Про маленьких я не говорю, — сказал лысый череп, кидая взгляд на юношу с горбатым носом,— маленьким пора спать.

В это время к столу подошел, прихрамывая, новый партнер.

Он слегка поклонился, отодвинул стул и сел между игроками.

Вуд поднял голову и вздрогнул.

Напротив него, лоб в лоб, подперев голову рукой и задумчиво вертя в руках портсигар, сидел профессор Панаев.

«Ага, безрукая обезьяна! Ага, вот он Папау, — сеншинь»!

— Угодно вам карту? — спросил Вуд, бледнея и вежливо кланяясь.

— Да, прошу вас.

— Ваша ставка.

— Ва банк.

Вуд осторожно положил перед собою карты, ощупывая колоду: в лоб шел жир, под колодой лежала восьмерка.

Он передернул и открыл карты.

— Восемь!

— Девять — сказал Панаев. — Ваша бита. Простите, я не успел открыть моих карт. Вы меня предупредили.

Он небрежно и торопливо засунул деньги в карманы брюк и отошел от стола. Спустя некоторое время он вернулся и продолжал игру.

Вуд вытер потный лоб и сложил руки на груди с напряжением и силой.

Банк перешел к Панаеву. Положив левую руку на стол, он с необыкновенной ловкостью бросал карты одной рукой.

— Разрешите узнать, сколько у вас в банке? — спросил Вуд.

— Тысяча пятьсот рублей, к вашим услугам, — отвечал Панаев.

— Позвольте карту.

Пять игроков, сидевших за столом, одновременно повернулись к Вуду. Это затруднило задачу. Панаев бросил ему две карты.

Принуждая себя к спокойствию, шулер несколько замешкался, протягивая левую руку раньше правой. В правой руке, на одну десятую секунды позже вытащенной из-за борта пиджака, уже лежала карта для подмены. Две карты слились в одну, тройка плотно закрыла бубнового валета и...

— Девять, — сказал Вуд.

— Девять, к вашим услугам, — отвечал Панаев.

На одно мгновенье перед Вудом мелькнула склоненная голова китайца.

— Плуоха деала, — сказал певуче китаец, вытягивая губы.

— Угодно вам, — сказал Вуд, низко склонившись над столом и ногтями вырезая овальные линии на потных ладонях.

— Угодно вам сыграть со мною в штосс на сто тысяч три раза, не понижая ставки?

Панаев поднял на него равнодушные глаза с покрасневшими веками.

— Угодно. Простите, я сейчас кончаю талию.

Он продолжал играть, не торопясь, внимательным взглядом провожая каждую карту.

Вуд, глядя прямо перед собой ничего не видящими глазами, отошел в сторону и остановился неподалеку, поджидая Панаева.

Панаев кончил талию и встал. Они отошли в сторону и выбрали свободный стол. Их тотчас же обступили, ожидая крупной игры.

Панаев вежливым движением руки предложил Вуду быть банкометом, и Вуд скрюченными руками схватил колоду.

— Начнем!

— Прошу вас, — сказал Панаев спокойно. Он сел и откинувшись назад, щелкнул левой рукой.

— Дама треф налево!

Вуд начал метать. Одна карта еще не достигала стола, как уже другая вылетала из его рук. Когда половина колоды была сброшена, он передернул. Рука задрожала, придерживая одну карту и выбрасывая вперед другую, и дама треф, колеблясь в воздухе, плавно легла налево.

Шулер приподнялся, с ужасом глядя перед собой. Ослепительно ясный свет мелькнул у него перед глазами и тотчас погас.

— Туз бубен направо, — сказал равнодушно Панаев.

Вуд снова начал метать. Зал раздвинулся, ровная площадь простерлась от стены до стены. Под круглым фонарем на пустой площади бесновались, выбрасывая карты, две руки.

— Налево-направо, налево-направо, налево-направо.

Вуд сделал вольт. Туз бубен стремительно вылетел из рук и лег налево.

— Ваша карта бита, — сказал Вуд. Он глубоко вздохнул и выпрямился.

— Вы ошибаетесь, — отвечал Панаев. — Прошу вас продолжать игру. Налево упал туз червей, а я называл бубнового.

Белесый дым поплыл перед глазами Вуда. Голова Панаева упала на стол, покатилась и, подпрыгнув вверх, остановилась в воздухе перед его лицом.

— Угодно в третий раз? — сказала голова. — Я никак не могу вспомнить, где я имел честь встречаться с вами. Моя карта — тройка пик налево!

Белесый дым сгустился в капли пота на лбу Вуда. Он тасовал колоду, и карты, как раскаленная сталь, обжигали руки. Он принялся метать, незаметно вбрасывая в колоду кованые карты. На этот раз, по свисту э т и х к а р т, о н з н а л к а ж д у ю и з н и х прежде, чем она падала на стол.

В то мгновенье, когда тройка пик должна была лечь налево, он положил руку на колоду и, незаметным движением прижимая к колоде кольцо, приколол карту.

Тройка пик, прикованная к меченой тройке пик, вброшенной в колоду Вудом, упала налево.

— А, сешшинь Панау, безрукая обезьяна, ты!!.

Невысокий китаец со сморщенным лицом тенью возник в конце зала. Он подошел к Вуду и положил руку ему на плечо.

— Плуоха деала, — снова сказал китаец, — чтоа за деала? Умпарать паадо.

Панаев, наклонившись над столом, разъединил приколотые карты.

— Это шулер, — сказал он, вновь откидываясь в кресло, глядя на агента покрасневшими от усилия глазами.

Вуд шатался, протянув руку вперед.

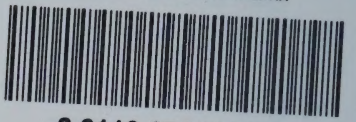
— Вы — дьяволы, — сказал он, стискивая зубы и кося помутневшими глазами. — Уберите китайца! Все кончено! Довольно! К чорту!

Он упал возле стола, поджимая под себя руки и ища что-то в заднем кармане фрака. Китаец оскалил зубы, засмеялся и, с одобрением качая головой, приблизил желтую, со скрюченными пальцами руку к его горлу.

1923 год.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 078031637